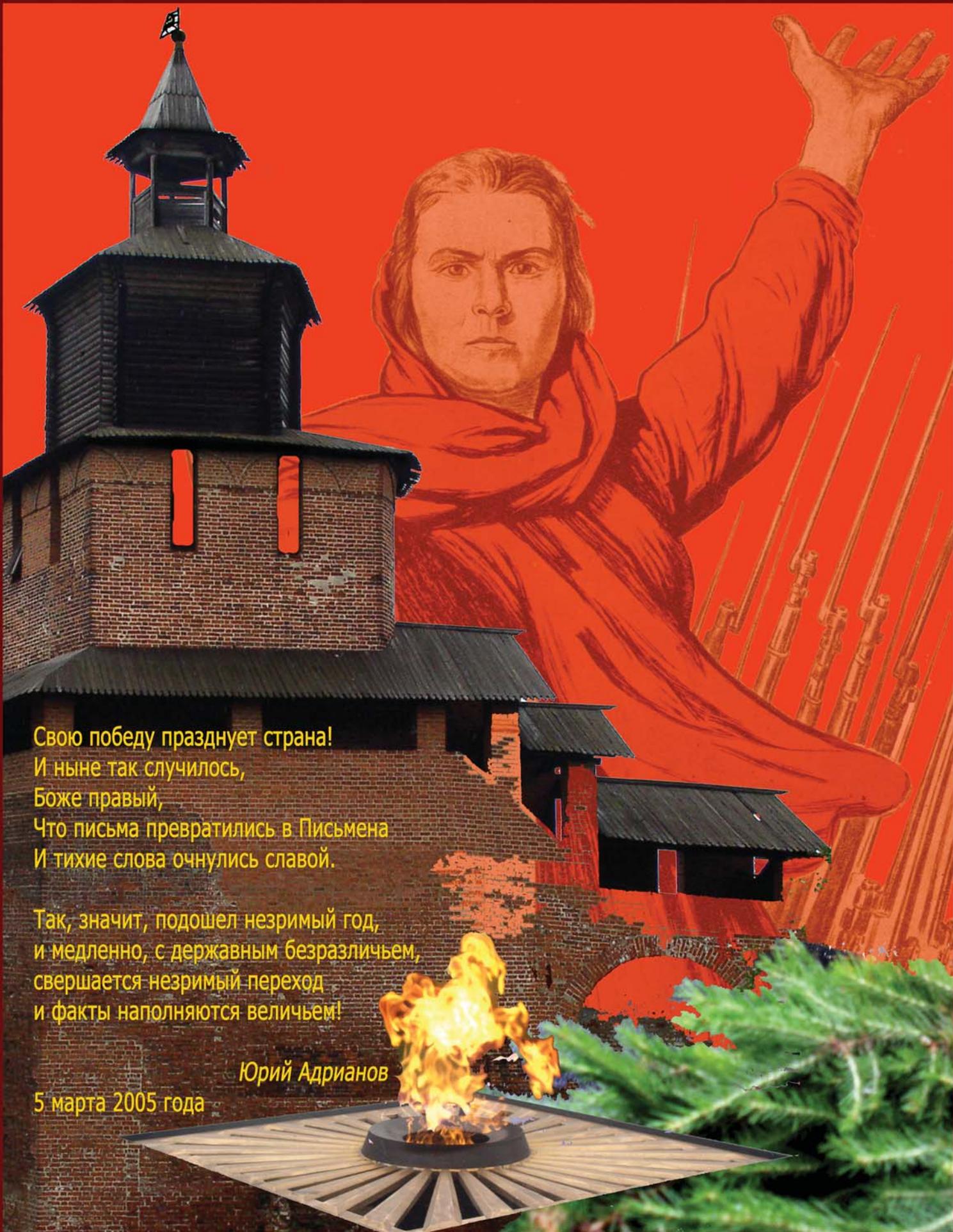




Нижегородский музей

№ 1-2(5-6)/2005



Свою победу празднует страна!
И ныне так случилось,
Боже правый,
Что письма превратились в Письмена
И тихие слова очнулись славой.

Так, значит, подошел незримый год,
и медленно, с державным безразличьем,
свершается незримый переход
и факты наполняются величием!

Юрий Адрианов

5 марта 2005 года

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА



Т.И. Ковалева,
председатель правления
Региональной
общественной организации
«Нижегородский центр
поддержки и развития
музеев».

Каждое поколение пишет свою историю. Историю Великой Отечественной войны изучают и пишут уже 60 лет. Собирают документы, реликвии, свидетельства военного лихолетья, изучают их, экспонируют и рассказывают о войне, о военных судьбах людей все нижегородские музеи. Все без исключения! Тем самым подтверждается тезис о том, что «знание истории Великой Отечественной войны, как действительного исторического процесса — основа формирования исторического сознания населения»

Накануне юбилея Победы нижегородскими социологами было проведено изучение общественного мнения населения четырёх городов Поволжского Федерального Округа (Оренбург, Нижний Новгород, Казань, Самара) по проблеме «Великая Отечественная война в памяти поколений».

Главный вывод проведённого исследования состоит в том, что по принципиальным вопросам истории Великой Отечественной войны у всех поколений жителей названных городов «высокая степень единства мнений и суждений, что позволяет говорить о существующей преемственности исторического сознания поколений, выступающего фактором стабильности и устойчивости общества на базе общей для всех поколений истории Отечества».

К сожалению, авторы проведённого исследования забыли включить музеи в перечень основных источников информации о событиях Великой Отечественной войны. Общеизвестно, что и печатные и электронные издания по этой теме не могут появиться без участия музеев.

Наш очередной двоянный номер журнала «Нижегородский музей» посвящён 60-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне. К сожалению не все присланные материалы мы смогли опубликовать. Они будут опубликованы, но в других номерах журнала.

Редколлегия отобрала статьи, рассказывающие о малоизвестных или совсем неизвестных фактах «военной» истории самих музеев (это статьи А.П. Ефимкина, Н.В. Рязановой, П.Е. Соборнова, Е.С. Сейм, и других). Мы публикуем воспоминания горьковчан о своей жизни и событиях военной поры (Л.М. Зерчанинов, Н.Ю. Курепина, Т.Г. Брилкина, С.М. Ушаков), которые по-своему рассказывают об известном.

Рубрика «Музеи. Коллекционеры. Собиратели» представляет самый разнообразный материал о музейных коллекциях (музей истории ГАЗа, НГИАМЗ, музей истории завода «Красное Сормово», Семёновский историко-художественный музей и другие). В этой же рубрике напечатан рассказ учителя о том, как четверть века назад созданный горьковчанами «музей политбойцов» стал важнейшим звеном в образовательной и воспитательной работе средней школы № 117.

В.Ю. Белоногова в своём очерке «Летописцы в строю» рассказывает об участнике Великой Отечественной войны, мэтре нижегородского краеведения И.А. Кирьянове, а Л. Новожилова и Ф. Лежнина представляют другого участника Великой Отечественной войны директора Шарангского краеведческого музея, хранителя «священных рощ» П.А. Осокина.

Завершается номер разделом «Критика. Библиография», в котором его ведущая Л.И. Шиян даёт подборку «Великая Отечественная война и деятельность музеев Нижегородской области на страницах печати (1995 – 2004)».

«... В пользовании особого объекта № 74...»

А.П. Ефимкин

Верхне-Волжский откос, Радионабережная, Набережная им. А.А. Жданова – так в разные годы называлась Верхне-Волжская набережная Нижнего Новгорода.

Одно из самых красивых мест города вполне могло бы называться и Музейной набережной. Сегодня здесь находятся Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (НГИАМЗ), музей науки ННГУ «Нижегородская радиолaborатория», Нижегородский государственный художественный музей.

На открытии мемориального музея «Нижегородская радиолaborатория» 7 мая 1974 года среди почетных гостей присутствовали маршал войск связи И.Т. Пересыпкин и начальник Горьковского областного производственно-технического управления связи Н.В. Ряхин.

Иван Терентьевич Пересыпкин был одним из инициаторов организации музея. По его распоряжению во время Великой Отечественной войны в здании будущего музея на Набережной им. А.А. Жданова Николай Владимирович Ряхин провел немало дней и ночей.

Теперь мы тоже знаем, кем и для каких целей тогда использовалось это здание. То самое историческое здание, первый этаж которого сегодня занимает музей науки ННГУ им. Н.И. Лобачевского «Нижегородская радиолaborатория».

Публикуемые материалы позволяют понять непосредственные причины поспешной эвакуации НГИАМЗ и Художественного музея осенью 1941 года.

Как следует из недавно рассекреченных архивных документов, сама Набережная им. А.А. Жданова и все находившиеся на ней здания подвергались реальной угрозе уничтожения...





Верхне-Волжская набережная, дом № 3 (НГХМ)

14 октября 1941 года Государственный Комитет Оборона (ГКО) под председательством И.В. Сталина рассмотрел вопрос об эвакуации из Центрального промышленного района населения, промышленных объектов, материальных и культурных ценностей.

В числе приглашенных на заседание ГКО был и первый секретарь Горьковского областного комитета ВКП (б) М.И. Родионов¹. Маршал войск связи И.Т. Пересыпкин* вспоминает о том дне:

«...Оказавшись в приемной И.В. Сталина, я встретился с группой секретарей областных комитетов партии, выходящих из его кабинета. Среди них было много знакомых и в их числе секретарь Горьковского обкома Родионов.

Я обратился к нему:

— Зачем вас вызывали в Москву?

— Сталин приказал, — ответил он»².

На следующий день из Москвы экстренно эвакуировались высшие партийные, советские и военные учреждения. Готовился к отъезду и сам Сталин³. В последний момент вождь передумал уезжать...

17 октября преподаватель Горьковского педагогического института им. М. Горького Н.М. Добротвор записал в своем дневнике:

* В годы войны И.Т. Пересыпкин был наркомом связи СССР и начальником Главного управления связи Красной армии (ГУСКА). Одновременно Иван Терентьевич являлся и заместителем народного комиссара обороны СССР И.В.Сталина.

«Через Горький идут вереницы автомобилей из Москвы, причем преимущественно взрослые люди и мужчины. Должно быть, руководящий состав: пока преобладают автомобили ЗИС»⁴.

Еще через день Николай Михайлович отметил:

«Продолжается поток автомобилей эвакуированных москвичей... Колоссальное скопление машин и людей. Вадик* говорит мне: “Папа, теперь Москва приехала в Горький. А где же будет Горький? Его совсем не будет?”»⁵

23 октября бюро Горьковского обкома ВКП(б) приняло решение создать Горьковский городской комитет обороны (ГГКО). Возглавил его Родионов.

Членами ГГКО стали председатель Горьковского облисполкома М.Т. Третьяков, начальник Управления Народного комиссариата внутренних дел (УНКВД) СССР по Горьковской области майор госбезопасности В.С. Рясной и военный комендант города Горького полковник Т.И. Прищепо.

ГГКО был чрезвычайным органом военного времени, в котором сосредотачивалась вся партийная и советская власть. Его постановления подлежали беспрекословному исполнению.

28 октября ГГКО принял решение срочно эвакуировать Горьковский художественный музей и Горьковский историко-краеведческий музей в северные районы области⁶. На освобождение занимаемых помещений музейщикам давалась всего неделя...

Оба музея находились на Набережной им. А.А. Жданова. Первый из них размещался в доме № 3 — особняке бывшего городского головы купца I гильдии Д.В. Сироткина. Роскошным было и здание (дом № 7) историко-краеведческого музея. До октябрьского переворота это огромное палаццо принадлежало известному пароходчику М.Г. Рукавишникову⁷.

В советское время считалось, что решение об эвакуации музеев главной целью имело сохранение музейных ценностей, которые могли бы пострадать от бомбежки. Сегодня же мы знаем, что оба музея были фактически *выселены из своих зданий-дворцов*. Властям срочно понадобились *сами эти здания*...

Среди эвакуированных в Горький учреждений оказалась и часть аппарата НКВД СССР во главе с заместителем наркома внутренних дел комиссаром государственной безопасности III ранга Л.Б. Сафразьяном. Чекисты разместились в гостинице «Интурист» (позже она называлась «Москва») на Театральной площади.

Леон Богданович хорошо знал наш город: в 1935–1937 годах он возглавлял строительство второй очереди Горьковского автозавода им. В.М. Молотова⁸.

* Вадик — пятилетний сын Николая Михайловича.



Сафразьян курировал целый ряд строительных управлений своего ведомства. Он же непосредственно руководил Главным управлением аэродромного строительства НКВД СССР⁹.

Прибыл в Горький и начальник строительного отдела Административно-хозяйственного управления (ХОЗУ) НКВД СССР А.С. Айзин, назначенный уполномоченным по специальному строительству.

В ведении Абрама Савельевича находилось эвакуированное в наш город одно из подразделений Управления по строительству ордена Ленина Московского метрополитена. Соответственно порядковому номеру сооружаемого секретного объекта оно называлось «Спецстроительство № 74».

На проведенном 3 ноября под руководством Сафразьяна совещании было решено приступить к строительству спецобъекта № 74. Местом для него чекисты еще раньше выбрали Набережную им. А.А. Жданова.

4 ноября А.С. Айзин предписал начальнику строительного отдела хозяйственного отдела (ХОЗО) УНКВД по Горьковской области С.М. Седулину:

«Весь аппарат Вашего строительного отдела мобилизуется на спецстроительство № 74, в связи с чем освободите необходимых работников от всех остальных работ, производимых стройотделом»¹⁰.

На следующий день ГГКО принял постановление № 22-с «О мероприятиях по строительству спецобъекта». Руководители соответствующих предприятий и снабженческих организаций Горького «для обеспечения строительства» секретного объекта на Набережной им. А.А. Жданова обязывались предоставить все необходимое.

В перечне затребованного ГГКО значились 2 буровых комплекса, 4 передвижные электростанции ЖЭС, 150 тонн швеллера № 30, по 10 тонн железа оцинкованного, кровельного и полосового, 20 тонн двутавровых балок № 55, 20 тонн строительных гвоздей, полтонны сварочных электродов, 7 вентиляторов «Сирокко» с моторами, 1000 метров узкоколейных рельсов с накладками, болтами, костылями, 2 тонны аммонита, 500 м бикфордова шнура, 100 баллонов кислорода, 5 тонн карбида, большое количество круглой древесины, доски, капсулей.

Ставились задачи и перед другими руководителями:

«3. Управляющему треста «Гордорстрой» (т. Скурихину) в пятнадцатидневный срок произвести работу по устройству и асфальтированию подъездов к объектам...

6. Управляющему трестом «СтройГАЗ» тов. Григорьеву в пятнадцатидневный срок изготовить и установить панели и подшивку потолков в коли-



Верхне-Волжская набережная, дом № 5

честве до 5000 м², выделить 50 чел. плотников, а также произвести, в декадный срок, средний ремонт 2-х объектов.

7. Облторгу выделить Спецторгу НКВД необходимые средства для питания работников строительства на 1000 человек.

Просить Наркомторг выделить дополнительные фонды.

8. Обязать горисполком (т. Суханова) в 2-дневный срок освободить и передать в распоряжение НКВД СССР здания, расположенные по Набережной им. А.А. Жданова, за №№ 3, 4, 5, 5а, 6, 7, 8, 11 и 12*»¹¹.

Дома № 3 и 7 занимали музеи. Здание под номером 5 — Горьковский электротехнический техникум (ГЭТТ) Народного комиссариата электропромышленности (НКЭП) СССР. До слияния 10 августа 1941 года с Горьковским электротехническим техникумом он назывался Радиотехническим техникумом. В доме № 5а размещалось техникумовское общежитие.

7 ноября уполномоченный НКВД СССР по спецстроительству в городе Горьком Айзин отдал очередной приказ:

«Проведение ремонта в домах № 3, 7, 11 и 12 по Набережной им. Жданова возлагается на строи-

* Дома № 9 и 10 по Набережной им. А.А. Жданова тоже были заняты чекистами для нужд спецобъекта № 74.





Маршал войск связи И.Т. Пересыпкин (слева) на открытии мемориального музея «Нижегородская радиолaborатория». 7 мая 1974 года

тельный отдел АХО УНКВД Горьковской области, со сроком окончания всех работ 17 ноября 1941 года.

Начальнику стройотдела АХО УНКВД Горьковской области тов. Седулину организовать работу круглосуточно, обеспечить рабочих необходимым жильем и постельными принадлежностями в здании Электротехникума. Питание рабочих будет производиться бесплатно в организованной столовой Спецторга.

К работе привлечь городские организации, предоставив привлекаемым рабочим и персоналу бесплатное питание.

На рабсилу разрешается, ввиду особой срочности в работе в неуточное и ночное время, вводить добавочные коэффициенты 1,5 — 2,0»¹².

Постановление ГГКО о выделении специальному строительству № 74 НКВД СССР зданий на Набережной им. А.А. Жданова было выполнено по-военному беспрекословно, точно и в срок. Протесты выселяемых граждан и учреждений во внимание не принимались: «Приказ»...

Уже 6 ноября представители квартирно-эксплуатационной части Горьковского гарнизона предписали директору Электротехнического техникума В.П. Сыромятникову освободить занимаемое здание и находившееся рядом общежитие. *На выселение отводилось два дня.*

9 ноября вывозка наиболее ценного техникумовского оборудования оказалась законченной. Всю оставшуюся многочисленную утварь пришлось свалить во дворе техникума под открытым небом¹³.

Столь же решительно были выселены из своих зданий и оба музея. Не церемонились чекисты и с жителями домов на Набережной им. А.А. Жданова — выселялись все без исключения.

В восьмой квартире дома № 11 жила семья Добротворов. Николай Михайлович в своем дневнике написал о потрясшем его известии:

«Как только я вошел в квартиру..., Вадик закричал: «А мы переезжаем!» Оказывается, вчера, т.е. 7.XI в 3 ч. дня, прислали из райсовета бумажку за подписью председателя исполкома райсовета Васягина, чтобы я к 17 час., т.е. в течение 2 часов, освободил квартиру и переселился в студенческое общежитие ГГУ. Наш дом переходит под квартиры военных... Ночью врывается зампред горсовета с представителем НКВД и предлагает немедленно очистить квартиру. Я отказываюсь (дети спят и т.д.). Угрожают мне репрессиями. Относятся как к врагу»¹⁴.

На следующий день Добротворы свою квартиру в доме № 11 на Набережной им. А.А. Жданова вынуждены были оставить. Николай Михайлович снова записал в дневнике:

«Кровати не взяли, столы не взяли, шкаф не взяли... Меня выселяли грубо, похабно. И ради чего?»¹⁵

Научный сотрудник Горьковского историко-краеведческого музея С.Г. Дурасов в своих записках дневникового характера отметил:

«Настала XXIV годовщина Октябрьской революции. Верховный Совет переехал в Самару. Посольские автомобили мчались из Москвы по Казанскому тракту.

Даже наш исторический музей стал свертываться. Набережная Жданова превратилась в укрепленный лагерь»¹⁶.

Тем временем срочно готовились к работам и метростроевцы из Строительства № 74. В составленном горьковским инженером-гидрогеологом В.И. Сычевой «Заключении о геологическом строении и гидрогеологических условиях участков, намеченных под строительство спецобъектов на откосах г. Горького» говорилось:

«Намеченный участок расположен в середине откоса В.-В. набережной (примерно против дома № 5 или № 8 по Набережной им. Жданова)... Участок на основании геологического строения и гидрогеологических условий следует считать пригодным под строительство спецобъекта.

Кроме того, место для отвала выбранного грунта обеспечено: вынутый грунт можно употребить на планировку площадки в нижней части откоса В.-В. набережной.

* Теперь это здание занимает министерство культуры Нижегородской области.



Подъезд к объекту автотранспорта обеспечен со стороны Георгиевского съезда»¹⁷.

Метростроевцы оперативно подготовили необходимые чертежи секретного объекта № 74 и приступили к подземным работам.

Строительство курировал заместитель наркома внутренних дел СССР Сафразьян: он проводил со строителями совещания, ставил задачи. Контора начальника метростроевского Строительства № 74 разместилась в доме № 8* по Набережной им. А.А. Жданова. Начальником был назначен Н.А. Губанков. Ему и Айзину Леон Богданович 14 ноября приказал:

«Предлагаю 15.XI представить мне график работ по строительству объекта № 2, исходя из суточной проходки штольни, в среднем, 9 метров в сутки.

Начало работ считать с 11.XI, окончание проходки подходов штолен — 22.XI, окончание всех работ — 28.XI»¹⁸.

Рядом с Художественным музеем находилось построенное незадолго до начала войны здание гостиницы «Центральная»*. Оно было задействовано тоже. 15 ноября ГГКО принял постановление «О передаче «Центральной» гостиницы для нужд особого объекта»:

«1) все помещения «Центральной» гостиницы со всеми подсобными предприятиями, мебелью и оборудованием передать временно УНКВД [по Горьковской области] для нужд особого объекта.

2) передачу «Центральной» гостиницы произвести в следующие сроки:

а) номера гостиницы, окнами выходящие в Музейный переулок, первый этаж и подвальное помещение передать к 18 ноября с.г.,

б) всю остальную часть помещения гостиницы передать к 21 ноября с.г.

3) обязать председателя горсовета тов. Суханова в 2-дневный срок подыскать соответствующее помещение для перевода в него торговых предприятий, находящихся в первом этаже помещения «Центральной» гостиницы»¹⁹.

Для отделки интерьеров наземной части секретного объекта № 74 22 ноября был срочно вызван драпировщик Горьковского театра оперы и балета им. А.С. Пушкина Лебедев²⁰.

29 ноября Айзин заключил с руководством Горьковского областного треста по съемке и планировке городов и проектированию гражданских зданий и инженерных сооружений (Облпроекта) договор о производстве силами его специалистов ряда проектных работ, ведении технадзора за строительством спецобъекта № 74²¹.

Горьковские проектировщики, среди которых были главный архитектор группы маскировщиков Облпроекта А.А. Яковлев и архитектор В.А. Орельский, осуществляли маскировку всего строящегося объекта...

Губанков руководил метростроевцами недолго: в декабре он был переброшен на строительство спецобъекта НКВД СССР в Казань²².

Подземная часть спецобъекта № 74 состояла из двух защищенных командных пунктов (КП). Основным из них считался второй (КП № 2) объемом 900 м³. Первый же командный пункт (КП № 1) объемом 1200 м³ строился как запасной²³.

Строительство подземной части началось с сооружения КП № 2. Сделанное под Набережной им. А.А. Жданова А.С. Айзин и исполнявший обязанности начальника Строительства № 74 В.К. Федоров* зафиксировали 5 декабря 1941 года в подписанной обоими «Сводке показателей по спецсооружению НКВД СССР в городе Горьком»:

«1. Рабочих кабинетов 7, общей площадью 303 кв. м.

2. Подходных штолен 4, общей длиной 335 пог.м, общей площадью 603 кв. м.

3. Соединительная штольня 1, длиной 96 пог.м, площадью 103 кв. м.

4. Промежуточных штолен 2, общей длиной 48 пог.м, общей площадью 72 кв. м.

5. Санузлов 2, общей длиной 14 пог.м, общей площадью 35 кв. м.

6. Фильтровентиляционная камера 1, длиной 13 пог.м, площадью 35 кв. м.

7. Всего площади 1231 кв. м, из них 303 кв. м рабочей и 828 кв. м полезной площади.

8. Пожарный и хозяйственный водовод общей длиной труб 600 пог.м.

9. Канализация, внутренняя и наружная сети, общей длиной 350 пог.м.

10. Вентиляция притяжно-вытяжная с установкой и монтажом фильтро-поглотительной установки и регенеративных патронов с кислородными баллонами и редукторами, с постановкой герметических клапанов и 18-квт электрокалорифера для подогрева приточного наружного воздуха. Общая длина воздуховодов 420 пог.м.

11. Электропитание от 2-х трансформаторных киосков и от резервных 2-х передвижных электростанций типа ЖЭС. Общая длина кабелей сети 2450 пог.м. Общая длина внутренней электропроводки 5500 пог.м, уложенных в железных трубах, длиной 1700 пог.м.

* Сегодня в нём размещается отель «Волжский откос».

* Впоследствии начальником Строительства № 74 Метростроя был назначен В.Д. Полежаев.





Верхне-Волжская набережная, дом № 7

12. Буровых скважин диаметром 400 мм — 3, общей длиной 97 пог.м., из них 2 для притяжной, а 1 для вытяжной вентиляции. Через вытяжную скважину пропускается труба водопровода в сооружение.

13. Устройство панелей из кленовой и березовой фанеры и обшивка потолков березовой фанерой с дубовыми накладками, карнизами и плинтусами, общей площадью 3350 кв. м.

14. Разработано и вывезено в отвал грунта при работе вручную и отбойными молотками всего 6100 куб. м.

15. Общая длина проходных штолен, кабинетов, ФВК и др. 573 пог.м»²⁴.

Но до окончания строительства подземной части секретного спецобъекта № 74 было еще очень далеко. 8 декабря 1941 года в одной из служебных бумаг Седулин указал:

«...Гарантировать какой-нибудь срок работы невозможно, но пока что спецстроительство, по-видимому, затягивается на несколько месяцев...»²⁵

10 декабря 1941 года воентехника I ранга В.Н. Князева вызвали в УНКВД по Горьковской об-

ласти. С Воробьевки Владислава Николаевича в сопровождении чекиста повезли к Волге. Прибыли в район бывшего завода им. В.И. Ульянова. Дальше пошли пешком: на машине к нужному месту было не проехать. Через полвека полковник в отставке Князев рассказал об увиденном:

«Пройдя несколько в сторону от дороги, с подъемом в гору, мы вышли на небольшую горизонтальную площадку, расположенную в основании откоса Верхне-Волжской набережной. Площадка была создана отвалом свеженасыпанного грунта и тянулась вдоль откоса.

Вокруг площадки и кое-где в пределах ее чернели мертвые старые липы бывшего Александровского сада, силуэты которых резко выделялись на фоне заснеженной поверхности.

От площадки до Набережной по вертикали, очевидно, было не менее 60—70 м. Первое, на что я сразу обратил внимание, были три штольни, расположенные в линию у основания откоса, метрах в 20 одна от другой. Две из них, находящиеся в работе, чернели своими входами и были связаны узкоколейкой. Из одной штольни периодически выкатывались опрокидные вагонетки, груженные разрыхленным серовато-желтым мергелем, которые разворачивались на поворотном круге, продвигались вдоль площадки, разгружались и, снова развернувшись на втором поворотном круге, скрывались во второй штольне.

Третья штольня, видимо, была закончена. Вход в нее был аккуратно оформлен в виде большой ниши со стенками, одетыми в дерево. Оттуда нужно было не просто нырять в отверстие, а входить в добротную, массивную дверь с поковками.

На площадке были аккуратно сложены штабелями заготовки из коричневого, пропитанного смолами бруса сечением не менее 15х15 см. Лежали какие-то воздуховоды из стальных труб, катушки кабеля.

Небольшое количество рабочих в гражданской одежде было занято на откатке вагонеток с грунтом, на разваливании в отвале. Группа плотников что-то пилила и затесывала возле штабелей коричневого бруса»²⁶.

В цепкой памяти профессионального военного строителя и через десятки лет удержались детали увиденного на том необычном объекте:

«Мой провожатый, не задерживаясь на площадке, с ходу протащил меня к законченной штольне, коротко информировал, что идем к начальнику объекта.

Войдя через массивную наружную дверь, которая оказалась очень легкой, мы очутились в длинном, довольно просторном тамбуре с полом и чисто обшитыми вагонкой стенами и потолком, хорошо освещенном спокойным светом плафона молочного стекла. Прямо по направлению штольни располагал-



ся вход из тамбура со стальной защитно-герметической дверью, около которой стоял часовой с винтовкой. Вправо и влево было по одной двери того же типа, что и входная. В одну из них, в правой стороне, вошли мы с моим провожатым и оказались в мини-атюрном, хорошо освещенном кабинетике.

В кабинетике было сухо, тепло, светло и, несмотря на малый объем, не душно. Никакой шум извне сюда не проникал и был еле слышен только спокойный, ровный звук работающего где-то в глубине мотора...

Невольно мелькнула мысль о том, что, судя по этому “предбаннику”, где мы были сейчас, расположенному перед входом в основные помещения, в этих штольнях под шестидесятиметровой толщиной, вероятно, достаточно уютно даже во время бомбежки...

Объект был очень важный — запасной КП для самого высокого командования»²⁷.

Работы продолжались: 12 декабря 1941 года на сооружении объекта № 2 Спецстроительства № 74 трудились 740 человек²⁸.

С местных заводов чекисты вызвали столяров-краснодеревщиков: они реставрировали остававшуюся в зданиях бывших музеев старинную мебель. Эти и другие здания срочно переоборудовались для размещения в них спецобъекта № 74²⁹.

22 декабря внесенный наркомом внутренних дел СССР комиссаром госбезопасности I ранга Л.П. Берия проект Постановления о строительстве специальных командных пунктов (объектов № 1 и 2) в г. Горьком был утвержден ГКО за номером 945-сс³⁰.

Старший научный сотрудник Нижегородского архитектурно-строительного института С. Краснов через полвека писал о том некогда совершенно секретном объекте:

«Основное убежище покоилось под роскошным зданием купца-пароходчика Рукавишника (ныне Нижегородский историко-архитектурный музей-заповедник).

Очевидцы вспоминают, что это укрытие было шедевром не только в инженерном смысле, но и в плане маскировки. Чего стоили одни ситцевые занавесочки на симитированных окнах — их так любили высочайшие чины!

На много десятков метров (высота знаменитого Нижегородского откоса 70—100 м) работал подъемник-лифт, в котором вполне умещался автомобиль. В случае опасности обитатели бункера могли беспрепятственно спуститься к Волге и продолжить свой путь по воде...»³¹

Приемку от Метростроя и НКВД СССР специальных командных пунктов (объектов № 1 и 2) с 8 по 11 сентября производила уже гораздо более представительная комиссия — ее возглавлял сам на-

чальник УНКВД СССР по Горьковской области майор госбезопасности Рясной.

Сформирована же та комиссия была по поручению начальника 1-го отдела НКВД СССР комиссара государственной безопасности III ранга Н.С. Власика.

Для справки: возглавлявшийся Николаем Сидоровичем отдел осуществлял охрану высших партийных и государственных руководителей Советского Союза. Позже именно Власик стал начальником личной охраны Сталина...³²

Все время сооружения секретного спецобъекта № 74 на нем присутствовал представитель 1-го отдела НКВД СССР Глубоцкий: он осуществлял надзор за ходом работ со стороны заказчика. По окончании строительства Глубоцкий сопровождал членов принимавшей спецобъект комиссии.

Комиссия нашла, что оба объекта выполнены в полном соответствии с метростроевским проектом без строительных недоделок:

«Естественная толщина покрытия над кровлей объекта № 1 составляет 29,0 м и № 2 — 35,4 м, что гарантирует защиту командных пунктов от прямого попадания ФАБ весом 2000 кг...

Кабели всех средств связи подведены к объектам в соответствии с проектом 1-го отдела НКВД СССР...

Естественная природная растительность вполне обеспечивает маскировку объектов № 1 и 2.

Подъездные пути (дороги) на 8/IX. 42 г. строительством не окончены...

Достраиваемый стройотделом ХОЗО УНКВД ГО специальный дом у объекта № 1 полностью закончен и готов к эксплуатации»³³.

В кратчайшие сроки Метрострой, Гордорстрой и Горьковское областное управление Народного комиссариата связи СССР обязывались произвести все дополнительные работы, завершить устройство подъездных путей к объектам № 1 и 2, устранить недоделки по средствам связи и энергоснабжению.

17 сентября 1942 года ГГКО принял Постановление № 314-с «О приеме от Метростроя и НКВД специальных командных пунктов № 1 и 2 в гор. Горьком»:

«1. Акт комиссии от 8—11 сентября 1942 г. о приеме от Метростроя и НКВД в постоянную эксплуатацию специальных командных пунктов-газоубежищ (объектов № 1 и 2 и специального дома при них), выполненных строительством № 74 с оценкой на “отлично”, утвердить.

2. Всем рабочим, служащим, инженерно-техническим работникам и руководителям строительства № 74 Метростроя, стройотдела ХОЗО УНКВД ГО, Управления № 4 ОСМЧ № 102 и Управления № 5 “Центроэлектромонтажа” за отличное выполнение задания Государственного Комитета Обороны № 945-





Воентехник I ранга В.Н. Князев.
Декабрь 1941 года

сс по строительству объектов № 1 и № 2 в гор. Горьком — объявить благодарность.

3. Разрешить Метрострою израсходовать за счет средств этих объектов 40,0 тыс. рублей на премирование лучших рабочих, служащих и ИТР.

4. В соответствии с письмом зам. наркомвнудела СССР т. Сафразьяна от 7.1.42 г. эксплуатацию объектов № 1 и 2 возложить на 1-й отдел НКВД СССР и Управление НКВД по Горьковской области»³⁴.

В проекте того постановления Рясной полагал необходимым:

«Войти с ходатайством к члену Государственного Комитета Обороны тов. Берия о представлении к награждениям орденами и медалями СССР особо отличившихся рабочих, ИТР и руководителей строительства объектов № 1 и 2»³⁵.

Однако в окончательный текст принятого постановления это предложение не вошло...

Строительство было успешно завершено. 31 октября 1942 года ГГКО принял постановление № 327-с: здания № 3, 4, 5, 6 и 7 по Набережной им. А.А. Жданова оставались в пользовании особого объекта № 74. Остальные же дома (№ 8, 10 и 11) Горьковскому горисполкому временно, до «особого распоряжения», разрешалось использовать для городских нужд»³⁶.

Предоставить армейским связистам гостиницу «Центральная», предназначавшуюся для нужд спе-

цобъекта № 74, ГГКО не смог. Но после того, как производившие срочный ремонт зданий на Набережной им. А.А. Жданова строители покинули помещения ГЭТТ НКЭП СССР и техникумовского общежития, военные связисты заняли их место. В домах № 5 и 5а расположился 1-й батальон 5-го отдельного запасного полка связи.

На первом этаже здания бывшей Нижегородской радиолaborатории им. В.И. Ленина и начал развертываться резервный узел связи.

Сегодня лишь очень немногие нижегородские ветераны-связисты знают, что в этом же здании секретно монтировалась аппаратура и для других резервных узлов.

Из дома № 5 военные выехали только 17 ноября 1943 года. В «Объяснительной записке к отчету Горьковского электротехникума за 1943 год» его новый директор Б.Ф. Челышев указал:

«Здание военной частью техникуму сдано в бездействующем состоянии. Канализация и санузлы не работали. Помещение столовой разрушено. Центральная отопительная система здания была заморожена, в связи с чем отопление помещения проводить было невозможно»³⁷.

Проблемы со зданием существовали и у возвратившегося из эвакуации коллектива историко-краеведческого музея. 28 октября 1943 года его директор М.Н. Голубева в докладной записке на имя заведующего Горьковским областным отделом народного образования Б.И. Орловского указала:

«...При проверке всей системы отопления обнаружена недостача 6 батарей, которые были изъяты за время отсутствия музея. Кроме того, крыши на всех зданиях текли, в результате чего имеется порча стен и потолков»³⁸.

Музеи и техникум возвратились в свои здания на Набережной им. А.А. Жданова. Внезапно появилась и стала нарастать угроза из-под земли: летом 1943 года на Волжском откосе произошло несколько оползней. Они уничтожили водосточные лотки на косогоре. Извлеченная из штолен огромная масса грунта, рассыпанная у основания откоса, вызвала нарушение существовавшей прежде дренажной системы. Именно это и стало одной из главных причин оползней.

Городские власти вынуждены были срочно провести ремонт поврежденной Набережной им. А.А. Жданова: поправить покосившиеся столбы электрического освещения, металлическую ограду, булыжную мостовую. Очередной оползень мог уничтожить всю Набережную вместе с историческими зданиями...

В создавшейся ситуации Горьковский горисполком 24 сентября 1944 года издал специальную «Инструкцию по охране и эксплуатации откосов гор. Горького»: ходить по ним стало небезопасно.



16 декабря 1944 года комиссия во главе с командантом объектов № 1 и 2 капитаном И.А. Акифьевым обследовала штольни: их несущие деревянные конструкции были найдены находящимися в аварийном состоянии.

Устройство даже капитального крепления штолен и кабинетов не могло гарантировать их безопасность в будущем. Стало очевидным: *длительная эксплуатация секретных подземных сооружений невозможна.*

По итогам обследования комиссия пришла к выводу: оба командных пункта-убежища следует ликвидировать «путем перемещения вынутого грунта обратно в штольни». При его нехватке для засыпки подземных сооружений рекомендовалось использовать песок с находившейся неподалеку Печерской отмели³⁹.

Проблема стояла очень остро: на всех откосах и оврагах города, в склонах которых были вырыты бомбоубежища «штольного типа», начались оползни, оплывины, обвалы⁴⁰. На состоявшемся 27 февраля 1945 года в Облпроекте техническом совещании доцент Горьковского инженерно-строительного института (ГИСИ) И.П. Быков констатировал:

«...Положение, в общем, с откосом катастрофическое. Общих изысканий для выявления причин оползней производить не нужно, так как причины эти достаточно ясны...»⁴¹

30 апреля 1945 года СНК СССР принял Постановление № 933 «О жилищно-коммунальном, культурно-бытовом строительстве и благоустройстве г. Горького». До 1 сентября 1945 года Горьковский горисполком должен был составить проект противооползневых работ по откосам города. Ему разрешалось организовать Управление противооползневых работ с проектно-изыскательской конторой и двумя строительными участками⁴².

В июне 1945 года кабинеты и штольни обоих КП-убежищ особого объекта № 74 начали обрушиваться. Поэтому пришлось устанавливать в них временные крепления.

11 июля заместитель наркома внутренних дел СССР генерал-лейтенант Сафразьян издал секретный приказ № 0190: оба объекта предписывалось ликвидировать «путем забутовки штолен» уже к 1 октября. Вынутый при их строительстве грунт — убрать, поврежденные водостоки «в пределах командных пунктов» — восстановить⁴³.

Работа предстояла огромная. Нужно было произвести демонтаж фильтровентиляционных установок, разобрать системы средств связи, водоснабжения и канализации, снять электропроводку, сгнившую обшивку стен и подшивку потолков, вынести все материалы и оборудование из-под земли, спустить их к основанию откоса.

Требовалось забутить штольни, кабинеты, санузлы, фильтровентиляционные камеры, установить в штольнях деревянные крепления, устроить эстакаду, 80 деревянных колодцев дренажной системы, водосточные кирпичные лотки по откосу.

Вынутый из штолен еще в 1941—1942 гг. грунт нужно было вывезти за три километра: специалисты-геологи порекомендовали бутить штольни камнем и песком. Сметная стоимость всех работ по ликвидации двух секретных объектов превышала миллион рублей⁴⁴.

Бывший совсекретный спецобъект № 74, включавший целый комплекс ранее существовавших наземных и вновь построенных подземных сооружений, стал достоянием истории:

«...Катакомбы засыпали песком, и только вентиляционная шахта возле бывшего кафе “Чайка” пугала своим видом прохожих до 60-х годов. Потом убрали и ее»⁴⁵.

О существовавшем когда-то давно на Верхне-Волжской набережной нашего города того объекта сегодня уже не напоминает ничто. Разве что сам рукавишниковский дворец, от осадки грунта с годами разрушающийся все сильнее...

Так зачем же и для кого именно строился тот спецобъект? Слухов и домыслов на сей счет немало. Поговаривают, например, и о подземном ходе, якобы прорытом под Волгой к ее левому берегу⁴⁶. Архивные документы свидетельствуют вполне определенно: такого подземного хода не существовало. Во всяком случае, московские метростроевцы в годы войны его не прокладывали...

Это был надежно защищенный объект: от налетов немецкой авиации его охранял 3-й корпус ПВО* под командованием полковника Долгополова. Штаб корпуса размещался в бывшей церкви Успения неподалеку от музея детства А.М. Горького «Домик Каширина»⁴⁷.

О вырытых в толще Волжского откоса секретных убежищах как бункерах, предназначенных именно для Сталина и Берия, нижегородцы говорят давно: в строительстве принимали участие многие жители нашего города. Но при этом никто раньше не публиковал каких-либо документов на сей счет — в советские времена подобную информацию не пропустила бы цензура.

Для наземных сооружений чекисты выбрали два роскошных дворца. В них срочно произвели ремонт. Строительство спецобъекта № 74 санкционировано Постановлением ГКО.

* 1-й корпус ПВО охранял Москву, 2-й корпус — Ленинград.



Подземные сооружения (кабинеты и штольни) были отделаны по типу московского бункера Сталина, с паркетным полом и занавесками на ложных окнах.

Строительство спецобъекта № 74 с самого начала находилось в ведении НКВД СССР. Приемочную комиссию распорядился создать начальник 1-го отдела НКВД СССР комиссар госбезопасности III ранга Власик.

По окончании строительства объекта его эксплуатация была возложена на возглавляемый Власиком отдел, ведавший охраной высших партийных и государственных руководителей СССР.

Наконец тайное стало явным. Соответствующие документы и материалы опубликованы. В книге «Тайны спецсвязи Сталина (1930—1945 гг.)» сын первого начальника отдела правительственной связи НКВД СССР М.М. Ильинский пишет:

«В конце октября — начале ноября 1941 г. было принято решение о переводе Ставки ВГК* в г. Горький, где на набережной Волги освободили несколько особняков для размещения руководства Ставки, ее аппарата и ВЧ-станции. Но работы по оборудованию ВЧ-станции были приостановлены Сталиным. «Второй Москвой» становился г. Куйбышев, но вождь и туда не поехал. Он оставался в г. Москве»⁴⁸.

Для Ставки Верховного главнокомандования совершенно секретно строился и *вспомогательный узел* правительственной ВЧ-связи. При этом он дублировался:

«Авианалеты на города, в которых располагались основные узлы правительственной связи, вызывали необходимость срочной организации в ряде населенных пунктов резервных станций. Такие станции были построены в 15 городах: Москва, Калинин, Бологое, Тихвин, Ленинград, Ярославль, Мурманск, Горький, Ростов, Сталинград, Куйбышев, Саратов, Рязань, Тула и Тбилиси. Если выходила из строя основная станция, то была предусмотрена возможность немедленного переключения абонентов на резервную»⁴⁹.

Такая (резервная) станция правительственной ВЧ-связи и находилась в здании Горьковского электротехнического техникума НКЭП СССР.

Теперь картина событий, происходивших на Набережной им. А.А. Жданова в городе Горьком, стала понятной. Совершенно секретным объектом № 74 оказался резервный командный пункт возглавлявшейся председателем ГКО наркомом обороны СССР Сталиным Ставки Верховного главнокомандования.

Ставка все время находилась в Москве на улице Кирова. Маршал Советского Союза А.М. Василевский вспоминает:

«...Оттуда быстро и легко можно было во время бомбежки перебраться на станцию метро “Кировская”, закрытую для пассажиров. От вагонной колеи ее зал отгородили и разделили на несколько частей. Важнейшими из них являлись помещения для И.В. Сталина, генштабистов и связистов»⁵⁰.

Подобного же назначения помещения (кабинеты) появились и в толще Набережной им. А.А. Жданова. Добраться до них по Георгиевскому съезду на автомобиле можно было за несколько минут...

Примечания

- 1 Забвению не подлежит: Страницы нижегородской истории (1941–1945 годы). Кн. третья. Н. Новгород, 1995. С. 550.
- 2 Пересыпкин И. «...А в бою еще важнее». М., 1970. С. 75, 76.
- 3 Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 217.
- 4 Забвению не подлежит: Страницы нижегородской истории (1941–1945 годы). Кн. третья. С. 519.
- 5 Там же. С. 520.
- 6 Там же. С. 284.
- 7 Филатов Н.Ф. Нижний Новгород: Архитектура XIV — начала XX в. Н. Новгород, 1994. С. 162, 163.
- 8 Лубянка. ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ, 1917–1960: Справочник. М., 1997. С. 154.
- 9 Там же. С. 29.
- 10 Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2722. Оп. 1. Д. 63. Л. 83.
- 11 Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. 2518. Оп. 1. Д. 1. Л. 58–60.
- 12 ЦАНО. Ф. 2722. Оп. 3. Д. 2. Л. 2.
- 13 Там же. Ф. 2585. Оп. 1. Д. 75. Л. 249.
- 14 Забвению не подлежит: Страницы нижегородской истории (1941–1945 годы). Кн. третья. С. 521.
- 15 Там же.
- 16 ЦАНО. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 1. Л. 95 об.
- 17 Там же. Ф. 2722. Оп. 3. Д. 2. Л. 4, 46.
- 18 Там же. Л. 9.
- 19 ГОПАНО. Ф. 2518. Оп. 1. Д. 1. Л. 132.
- 20 ЦАНО. Ф. 2722. Оп. 3. Д. 2. Л. 30.
- 21 Там же. Ф. 4552. Оп. 1. Д. 265. Л. 27.
- 22 Там же. Ф. 2722. Оп. 3. Д. 2. Л. 27.
- 23 ГОПАНО. Ф. 2518. Оп. 1. Д. 3. Л. 268.
- 24 ЦАНО. Ф. 2722. Оп. 3. Д. 2. Л. 33.
- 25 Там же. Оп. 2. Д. 13. Л. 607.
- 26 Князев В. Три штольни у основания откоса // Нижегородский рабочий. 1992. 25 декабря.
- 27 Там же.
- 28 ЦАНО. Ф. 2722. Оп. 3. Д. 2. Л. 35.
- 29 Там же. Оп. 1. Д. 78. Л. 8.
- 30 ГОПАНО. Ф. 2518. Оп. 1. Д. 3. Л. 261.
- 31 Краснов С. Построили вождю подземную квартиру. Но в ней он не жил // Нижегородский рабочий. 1992. 25 сентября.
- 32 Лубянка. ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1960: Справочник. С. 26, 29, 39.

* Верховного главнокомандования.



- 33 ГОПАНО. Ф. 2518. Оп. 1. Д. 3. Л. 262, 263.
 34 Там же. Л. 260, 260 об.
 35 Там же. Д. 7. Л. 117.
 36 Там же. Д. 3. Л. 324.
 37 ЦАНО. Ф. 2585. Оп. 1. Д. 77. Л. 77 об.
 38 Там же. Ф. 2732. Оп. 9. Д. 99. Л. 3.
 39 Там же. Ф. 2722. Оп. 2. Д. 24 а. Л. 20.
 40 Там же. Ф. 5892. Оп. 1. Д. 16 а. Л. 1.
 41 Там же. Ф. 4552. Оп.6. Д. 16. Л. 18, 18 об.
 42 Справочно-информационный фонд ЦАНО. Постановления
 Совета народных комиссаров СССР за 1945 год. Постановление
 № 933 от 30 апреля.
 43 ЦАНО. Ф. 2722. Оп. 2. Д. 24 а. Л. 7; Д. 30. Л. 12.
 44 Там же. Л. 5 об., 6.
 45 Краснов С. Указ. соч.
 46 Там же.
 47 Забвению не подлежит: Страницы нижегородской истории
 (1941–1945 годы). Кн. третья. С. 381.
 48 Ильинский М.М. Тайны спецсвязи Сталина (1930–
 1945 гг.). М., 2004. С. 252.
 49 Там же. С. 256.
 50 Василевский А.М. Дело всей жизни. Изд. 3-е. М., 1978.
 С. 119.



«Подвижническая деятельность крошечной группы людей».

(Горьковский художественный музей
в годы Великой Отечественной войны)

Н.В. Рязанова

История Горьковского художественного музея периода Великой Отечественной войны – это, прежде всего история подвижнической деятельности крошечной группы людей, стремившихся спасти его. Галина Антоновна Александровская, Тамара Петровна Гусева, Виктор Ермингельдович Мичурин и Виктор Михайлович Соколов боролись с разрушительной стихией военного времени.



В.Е. Мичурин

С началом войны коллектив музея организовал работу соответственно требованиям времени. На производственном совещании 13 июля 1941 года было принято решение: «Всем научным сотрудникам музея составить и представить к 15 июля директору свои предложения по организации новых форм работы и производственные свои планы»¹.

Музей сразу включился в патриотическое движение. В июле 1941 года были смонтированы выставки-передвижки «Военное прошлое русского народа» и «Отечественная война 1812 г.»².

Работать пришлось в сложнейших условиях. 26 октября 1941 года музей был закрыт. Наиболее ценные экспонаты эвакуированы в Новосибирск.

Директор музея Александровская возглавила «ответственный вояж с берегов Волги в Сибирь. Наиболее ценную часть коллекции упаковали и погрузили в 20 железнодорожных вагонов. Галина Антоновна с сынишкой отправилась в Сибирь, где и пробыла 4 года»³. В Новосибирске находились сотрудники Третьяковской галереи и других эвакуированных музеев, которые «очень сдружились, устраивали семинары, делали доклады, помогали больным и с тревогой слушали сводки военных сообщений». Галина Антоновна вернулась в г. Горький (октябрь 1944 года) с бесценным грузом, не потеряв ни единой вещи⁴.



В.Е. Мичурин
с группой
преподавателей
и студентов
Горьковского
театрального
училища



Судьба части коллекции музея, оставшейся в Горьком, оказалась трагичной. По приказу властей экспонаты были «в самом срочном порядке вывезены из музея и размещены в помещениях ТЮЗа, театра оперы и балета им. Пушкина и частично в помещении филармонии»⁵. И это несмотря на то, что «помещения эти явно не приспособлены и тесны для хранения экспонатов и вещей»⁶.

Переброска экспонатов произошла настолько непродуманно, что не было произведено «ни учета, ни достаточной упаковки»⁷.

Борьбу за спасение коллекции музея возглавила молодая художница Гусева, назначенная исполняющей обязанности директора музея. Это был замечательный человек и художник, чей «голос живописи», «нежный и просветленный, как русские рассветы над Волгой, или россыпи глин, песков и опок на побережье, долго будет дарить миру радость и красоту»⁸.

Родилась Тамара Петровна в Петрограде. В 20-е годы ее семья переехала в Нижний Новгород. «Нижний с его туманами двух рек — Оки и Волги, с мощным красно-каменным Кремлем, ярмаркой на Стрелке около собора Александра Невского, с колоритным старообрядческим бытом, пленил детское воображение»⁹.

В 1940 году Гусева окончила Горьковское художественное училище, и была принята на работу в Художественный музей. В первый год войны Тамара возглавила музей. Молодому руководителю было немногим более двадцати лет...

Ситуация сложилась катастрофическая: экспонаты гнили. Шла борьба за спасение фондов, спешно брошенных в разных учреждениях города. На помощь пришел В.М. Соколов — выдающийся горьковский художник, педагог, лидер организационно-художественных процессов своего времени. Виктор Михайлович исполнял обязанности директора музея в течение 1943–1944 годов.

В его воспоминаниях читаем: «Исходя из патристического чувства, я согласился занять это место. Начал с отопления. Получить дрова оказалось мечтой. В Гортопе дали торф в брикетах, в замерзшем состоянии. При топке в поддоне оказалось полно воды. Пришлось прекратить топку музея. С вещами, находившимися в театрах, было из рук вон плохо. Сложенные штабелями во дворе ТЮЗа стильные рамы под дождями превратились в голые деревяшки. Большая картина академика Н.А. Кошелева «Погребение Христа», намотанная на рулон, лежала под окнами, и вся вода стекала с подоконников прямо на него»¹⁰.

Монументальное полотно профессора исторической живописи Кошелева стало одним из первых даров вновь организованному музею в 1896 году. Нижегородская культурная общественность называла его «драгоценным» и «грандиозным», «целой эпохой в течении художественной жизни России». По мнению современного специалиста, это произведение как, может быть, ни одно другое произведение Нижегородского художественного музея «аккумулирует в себе многогранно и емко духовную





В.Е. Мичурин
со студентами
Горьковского
театрального
училища

связь времен и традиций отечественного искусства»¹¹. Настоящей трагедией для культуры Нижегородского края стало чудовищное обращение с произведениями искусства. По словам Соколова, это была очень «грустная картина — без войны погубленное имущество»...

Вопреки всему оставшихся в музее сотрудников не покидали творческое горение и патриотический энтузиазм. Гусева вспоминала, что даже в тяжелые моменты войны музей осуществлял новые приобретения. Люди несли свои семейные реликвии — картины, антиквариат. Они надеялись, что здесь в это страшное время их легче будет спасти¹².

Самое крупное приобретение было сделано зимой 1943 года: дочь художника Евлампиева привезла на салазках его портрет, написанный выдающимся мастером Фешиним. У музея не было денег, чтобы купить произведение. Тамара Петровна обратилась к властям: ходила в различные инстанции, доказывала, убеждала. Ей удалось выхлопотать мизерную сумму денег и продапок. Фактически же это был дар музею.

В годы войны коллектив музея достиг больших творческих результатов. Продолжалась научная работа, которую возглавил Мичурин. Это был человек, сформировавшийся в среде нижегородской творческой интеллигенции рубежа XIX—XX вв. Принадлежал он к известной в городе художественной династии Мичуриных.

Большой вклад в культуру города внес дед Виктора Ермингельдовича — М.К. Мичурин, бывший одним из организаторов и бессменным председателем Ни-

жегородского общества любителей художеств. Отец Виктора Ермингельдовича — Ермингельд Митрофанович Мичурин входил в число ведущих архитекторов Нижнего Новгорода первой трети XX столетия.

С детства Виктор был очень близок с А.П. Мельниковым. Художественный музей, которому впоследствии было отдано много сил, он еще ребенком воспринял как мир мудрости и красоты.

Образование Виктор Ермингельдович получил в Москве: окончил Высшие государственные литературные курсы по специальности «История литературы». Судьба его трагична. В результате ложного доноса Мичурин отбыл в 1930—1933 годах административную ссылку по обвинению в участии в нелегальных собраниях. Это прервало его занятия наукой, искусствоведением, нанесло удар по карьере, подорвало здоровье. Вплоть до конца тридцатых годов он не мог работать по специальности. В музей пришел лишь накануне войны.

В военные годы Виктор Ермингельдович пишет труд по истории художественных организаций и выставочной работы в Нижнем Новгороде, разрабатывает материалы по истории Горьковского художественного музея, исследует источники о школе живописи А.О. Карелина¹³. Он активно участвует в экспозиционной и экскурсионной деятельности музея.

Работу в музее Виктор Ермингельдович совмещал с преподавательской деятельностью в педагогическом институте, художественном, театральном училищах, где преподавал историю изобразительного искусства. В памяти современников Мичурин



В.Е. Мичурин
со студентами
Горьковского
института
иностранных
языков



«остался интеллигентным и честным человеком, чутким педагогом, умным собеседником».

Благодаря энтузиазму сотрудников в музее не прекращалась выставочная деятельность. Огромный интерес у горьковчан вызвала выставка «Ленинград в дни блокады», проходившая в октябре 1943 года. На ней было представлено примерно 200 произведений (живопись, графика, скульптура) — работы ленинградских художников в дни военной поры. В первый же день выставку посетило более 600 человек¹⁴.

Органичной частью выставки стал тематический концерт артистки Ленинградской филармонии мастера художественного слова Ирины Сербовой, выступавшей с чтением трилогии «Ленинград — город-герой».

«Несомненно, крупным культурным событием в художественной жизни не только Горьковской области, но и всей страны» была признана выставка художников Поволжья, проходившая в Художественном музее в 1943 году¹⁵.

Традиционно нижегородцы воплощали в искусстве любовь к родному краю, стремление понять его своеобразие и сохранить его красоту. Одна из любимых тем нижегородских художников — постижение красоты природы нашего края. Все это нашло отражение на выставке. В статье о ней журналисты отмечали: «Волга полна живописных красот, в природе ее масса чарующих национальных мотивов. Много работают в пейзаже горьковчане. Яркая творческая самобытность у Хныгина («Весна»). Большие

успехи сделали молодые художники Полюшенко и Тихомиров. В картине «Волга в грозные дни» Тихомиров запечатлел тревогу и напряжение реки в дни войны»¹⁶.

Особенно волновали горьковчан произведения, посвященные чувствам человека войны. Среди них картина В.М. Соколова «В наши дни», изображавшая вокзальную обстановку военного времени, полотно Назарова «Перед уходом», отразившее скорбь вынужденной покинуть родной очаг семьи.

Прошли выставки картин художников Горьковской области, гравюр из экспонатов Горьковского художественного музея и другие. Сотрудниками музея организовывались также выставки-передвижки в госпиталях¹⁷.

Много сил было отдано научно-просветительской деятельности. Остается загадкой, как в 1943 году, во время голода и безденежья, сотрудники музея смогли приобрести большую коллекцию диапозитивов (1000 штук). Благодаря ей стало возможным организовать в госпиталях и школах лекции-беседы с показом диапозитивов и репродукций¹⁸. Второго апреля 1945 года при музее открылся лекторий.

В 1944—1945 годах велась усиленная подготовка к открытию музея. Была окончена картотека произведений живописи и скульптуры, составлены новые инвентарные книги и их дубликаты¹⁹.

Большим достижением явилось создание Александровской, Гусевой и Мичуриным макета новой экспозиции, получившего высокий отзыв специалистов Государственной Третьяковской галереи. Они





Т.П. Гусева (1918–2002)

одобрили последовательность в расположении произведений, обратили внимание на то, что развеска картин является «спокойной и ритмичной»²⁰.

Гусева и Мичурин разработали маршрут экскурсии по экспозиции. В 1945 году Мичурин составил новый путеводитель по музею. 15 июля 1945 года музей был открыт уже полностью подготовленным к приему экскурсантов. С 15 июля по 15 декабря 1945 года его посетили 12 598 человек²¹.

Верным другом горьковских художников и музея всегда был Ф.С. Богородский — один из выдающихся отечественных художников первой половины XX столетия. Детство и юность Федора Семеновича прошли в Нижнем Новгороде. Свое художественное образование он начал в нижегородской студии Диаманта-Ликина, затем учился во ВХУТЕМАСЕ (класс А.Е. Архипова). В 30-х — 40-х годах Богородский являлся председателем Московского союза художников, основателем и профессором художественного факультета Всесоюзного государственного института кинематографии (ВГИК), членом-корреспондентом Академии художеств СССР.

О влиянии культурной среды Нижнего Новгорода Богородский писал: «Я родился в Нижнем Новгороде в 1895 году, и лучшие мои воспоминания связаны именно с этим городом. Здесь я нашел себя и как гражданин, и как художник»²².

Событиями в культурной жизни города Горького военных лет стали творческие встречи Богородского. «Это к нему обратился Соколов с просьбой повлиять на судьбу гибнущих экспонатов музея»²³. Именно Федор Семенович оценил большой талант Гусевой. Тамара Петровна вспоминала, что как-то

весной 1945 года в открытое окно одного из музейных помещений заглянул Богородский. Он сказал, что Тамаре нужно учиться дальше. «Я хочу быть художником», — ответила она. «А мы открываем ВГИК».

Федор Семенович выхлопотал Тамаре Петровне разрешение на выезд в Москву²⁴. Впоследствии она стала одной из первых выпускников художественного факультета ВГИКа. Так Федор Семенович открыл ей дорогу в большое искусство.

Тамара Петровна — заслуженный художник России. Ее произведения находятся в Государственной Третьяковской галерее, Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Государственном театральном музее им. Бахрушина, Государственном музее «Кусково», музеях Нижнего Новгорода, Томска, Кемерово, Брянска, Чебоксар, Феррапонтова, в Парижском муниципальном музее и Музее декоративного искусства, в частных коллекциях России, Германии, Польши, Франции, Италии, США, Чехословакии, Голландии, Финляндии и других стран.

Примечания

- 1 Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 6055. Оп. 1. Д. 7. Л. 29.
- 2 Там же.
- 3 Ванд-Поляк С.В. Директор музея // Музейное строительство на рубеже XIX—XX вв. Н. Новгород. 2000, С. 36.
- 4 Там же.
- 5 ЦАНО. Ф. 6055. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.
- 6 Там же.
- 7 Там же.
- 8 Расторгуев Е. Легенда возникновения художника // Расторгуев Е. Тамара Гусева. М., 2003. С. 12.
- 9 Там же. С. 6.
- 10 Нижегородский музей. 2003. Май. С. 11.
- 11 Тюкина В.В. Картина Н.А. Кошелева «Погребение Христа» в контексте нижегородских художественных традиций // Музейное строительство на рубеже XIX—XX вв. С. 53–54.
- 12 Гусева Т.П. Из воспоминаний (Из беседы Н.В. Рязановой с Л.И. Помыткиной. 2005 год).
- 13 ЦАНО. Ф. 6055. Оп. 1. Д. 14. Л. 20; Д. 15. Л. 2.
- 14 Горьковская коммуна. 1943. 19 октября.
- 15 Там же. 24 июля.
- 16 Там же.
- 17 ЦАНО. Ф. 6055. Оп. 1. Д. 11. Л. 23.
- 18 Там же. Д. 11. Л. 2.
- 19 Там же. Д. 14. Л. 20.
- 20 Там же. Л.2,2 об.
- 21 Там же. Д.14. Л. 20, 21.
- 22 Там же. Ф. 6368. Оп. 1. Д.69. Л.4.
- 23 Соколов В.М. Из воспоминаний//Нижегородский музей. 2003. Май. С. 11.
- 24 Гусева Т.П. Из воспоминаний // (Из беседы Н.В. Рязановой с Л.И. Помыткиной. 2005 год).



«Увезти в Тонкино абсолютно все экспонаты мы не сможем...»

(Горьковский областной краеведческий музей
в годы Великой Отечественной войны)

П.Е. Сборнов

«В комитет обороны г. Горького
29 ноября 1941 года

Согласно Вашего решения от 28 октября сего года, Областной отдел народного образования предложил мне в срочном порядке (в течение 6-7 дней) освободить здание Областного краеведческого музея и перевезти его экспонаты в с. Тонкино.

Весь состав работников музея сразу же приступил к упаковке экспонатов, в помощь музея были выделены сотрудники ОБЛОНО, Дворца пионеров, детской технической станции, библиотеки имени Ленина, были приглашены за особую плату специалисты-упаковщики, до сих пор музей не готов к отправке. Перед нами возник целый ряд трудностей, над преодолением которых мы работаем, но в отдельных случаях результаты настолько неудовлетворительны и работа протекает настолько не нормально, что я вынуждена поставить об этом Вас в известность и просить вашей помощи, так как все мои попытки получить содействие от других органов ни к чему не приводят.

1. Горьковский краеведческий музей занимал 71 комнату с общим числом до ста тысяч экспонатов. Среди них есть ценнейшие памятники старины большого исторического значения и предметы, имеющие высокую валютную стоимость. Упаковка этих вещей (нередко очень хрупких) требует тщательности и осторожного обращения. К сожалению, этого не было. Организация, которой предложено занять помещение музея, вынуждена была действовать крайне спешно. Для освобождения здания был дан 2-дневный срок. В музей прибыли бойцы (до 40 чел.) и, несмотря на наши протесты, начали бесцеремонно вытаскивать экспонаты на двор. Много ценных предметов (макеты, картины и др.) поломаны и испорчены. Некоторые экспонаты пострадали от сырости, так как быстро убрать их со двора мы не могли из-за недостатка транспорта и они несколько дней лежали под открытым небом.



2. *Увезти в Тонкино абсолютно все экспонаты мы не можем. Мебель, макеты, образцы старинной резьбы по дереву и т.п. оставляются нами в г. Горьком. Для этого ОБЛОНО нам представили [помещения] в центральной библиотеке имени Ленина, в подвале домика Каширина, в Университете, но всего этого не хватало. Мы просили Горсовет предоставить нам хотя бы часть здания Строгановской церкви по ул. Маяковского, пока нам отказано, и пришлось ценные вещи поместить в простом дощатом сарае, что является прямым нарушением правил, установленных для хранения музейных ценностей.*

3. *Вызывает тревогу еще одно серьезное обстоятельство. В Тонкине, куда мы должны перевезти музей, Комитет Обороны предоставил для наших экспонатов деревянное здание школы. Это очень опасно в пожарном отношении и совершенно недопустимо по музейным правилам. И хотя музейные ценности вывозятся нами временно, я, как директор музея, опасаясь принять на себя всю полноту ответственности за сохранность экспонатов в случае пожара.*

В настоящее время 24 ноября сего года организация, занимающая здание музея, не считаясь с доводами музейных работников о невозможности оставить экспонаты на улице, пригнав 10 автомашин и рабочую силу, вывезла все ящики с экспонатами во двор Дворца пионеров под открытое небо.

О всем вышеуказанном Горьковскому ОБЛОНО известно: срок предоставления состава для отправки музея неизвестен, а посему считаю недопустимым оставление музейных ценностей под открытым небом.

Прошу Вашего содействия в помощи скорейшего предоставления состава для отправки экспонатов.

Директор областного музея Голубева»

Вот уже более ста с лишним лет Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (НГИАМЗ) принимает в своих стенах посетителей. Менялись поколения работников музея, бережно хранивших, приумножавших и популяризовавших уникальные памятники истории и культуры Нижегородского края. Но неизменной осталась причастность музея ко всем эпохальным событиям XX века, важнейшим из которых была Великая Отечественная война 1941—1945 годов.

Когда одни сотрудники уходили в очередные отпуска, другие, возвращаясь из них, отправлялись в научные экспедиции, и было получено сообщение о начале войны. Многие служащие, возвратившиеся из отпусков, были призваны в Красную армию. На фронт ушли директор музея А.П. Горчаков, заведующий антирелигиозным отделом С.И. Ерохин и сотрудники других отделов: Н.Н. Поспелов, М.В. Мелков¹.

В коллективе произошли большие изменения, продиктованные военным временем, выразившиеся в масштабных сокращениях работников, из-за урезания сметы на содержание музея на 70 процентов. Уже в начале августа попали под сокращение 12 сотрудников музея, в числе которых оказались заместитель директора Н.Г. Ширкес, заведующие отделами природы и оформления Н.В. Цветкова и Н.Ф. Потапова. К декабрю 1941 года осталось всего 10 человек: М.Н. Голубева — директор Музея, Л.Я. Мендиаров — заведующий отделом истории, Семенова — заведующая массовым отделом, М.Н. Смирнова — заведующая отделом хранения, Л.Я. Петров — заведующий антирелигиозным отделом; Н.Н. Карташев — научный работник отдела природы, О.П. Невская — бухгалтер, Е.И. Кириллова — научно-технический работник отдела хранения, Е.Е. Попова — научно-технический работник отдела оформления и А.В. Мидина — завхоз².

Перед музеем, как политико-просветительским учреждением Народного комиссариата просвещения РСФСР, в условиях начавшейся войны встала важнейшая задача — оказать помощь в мобилизации населения города и районов области, проведением патриотической работы.

За первые недели войны отделом истории музея были разработаны «темы лекций, характеризующие борьбу русского народа за свою независимость». Также внесены дополнения к основной экспозиции музея по темам: «Война новгородцев со шведами в 1240 году», «Война с немцами 1914—1917 гг. Брусиловский прорыв».

За это же время в музее была построена масштабная выставка «Героизм русского народа». На ней были представлены картины, репродукции, лубки, элементы оружия XVI—XX веков³. Впервые посетители музея увидели личные вещи летчика П.Н. Нестерова



(шлем, документы, пропеллер самолета, погони и многое другое), поступившие в музей в мае 1941 года⁴. Отдел природы построил выставку «Расовая теория германского фашизма», на которой с использованием памятников естественной истории разоблачались идеи расового превосходства.

Политико-просветительскую работу музей проводил и на центральных улицах города и даже на городских рынках: в особых витринах монтировали передвижные выставки, освещавшие героические страницы исторического прошлого. В парткабинете Сортовского райкома ВКП(б) работники музея организовали выставку «Славянская культура». Выставка, посвященная истории Гражданской войны, открылась в кинотеатре «Палас» на улице Свердлова.

Воинские части, госпитали, дома партийного просвещения, пионерские и комсомольские организации были охвачены лекционной работой сотрудников музея. Эта тематика не отражала основной задачи краеведческого музея — реконструировать разные аспекты исторического прошлого региона, но в годы войны именно патриотическая работа была необходима. Сотрудники музея, демонстрируя опыт борьбы народа за свою независимость, давали образцы для подражания, объединяли людей в патриотическом порыве и вселяли надежду на будущее.

Группа отправлявшихся на фронт бойцов, посмотрев экспонаты музея, пообещала «бить фашистских гадов, чтобы они запомнили, как совать кровавые фашистские лапы в наш советский огород»⁵.

Сокращение штата до 10 человек на работе музея не сказалось. Как отмечала заведующая экскурсионно-массовым отделом Семенова, «недостатка в сотрудниках в настоящее время музей не испытывает». Правда, остро ощущался недостаток технических работников.

Уже позднее, отсутствие квалифицированных технических работников ещё раз напомнило о себе во время осуществления работ по эвакуации музея.

Горьковский городской комитет обороны в своем постановлении от 28 октября 1941 года «предложил в срочном порядке, за 6–7 дней, освободить здание



Рекламная открытка музея. 40-е годы

Областного Краеведческого музея и перевезти его экспонаты в село Тонкино». Перед коллективом работников музея встала сложная задача — разобрать экспозицию, упаковать, подготовить и вывезти из города все коллекции музея. Имущество не музейного значения, в состав которого входила и грузовая автомашина, а также тяжеловесные экспонаты из отдела социалистического строительства были сданы в государственный фонд⁶. Полностью подготовить музей к эвакуации за неделю не удалось.

Несмотря на данные обстоятельства, подготовительные работы к вывозу коллекций не прекращались. Были составлены описи, проведены их сверки со старыми инвентарными книгами. Просмотрев все экспонаты музея, служащие аккуратно упаковывали их в соответствии с описями, учитывая очередность эвакуации. Все предметы распределялись по ящикам и сундукам, и поэтому были составлены описи их содержимого. Кроме этого требовалось произвести аналогичную подготовку к эвакуации библиотеки музея. Работа была настолько тяжелой, что «сотрудники работали днем и ночью, а от усталости валялись с ног, времени оставалось лишь на то, чтобы выпить стакан чая»⁷. Несмотря на все трудности, к эвакуации было подготовлено 227 огромных ящиков с экспонатами музея и 64 ящика, в которые упаковали





Экспозиция музея военных лет

всю библиотеку музея, но к переезду была подготовлена далеко не вся коллекция. Мебель, элементы фарфора, макеты были переданы на временное хранение в областную библиотеку им. В.И. Ленина, Дворец пионеров им. В.П. Чкалова и музей «Домик Каширина». Все эти предметы, не предназначенные к эвакуации в сельскую местность, поместились на 9 подводах и 37 автомашинах⁸.

После того, как были получены 12 вагонов на товарной станции, приказом директора от 17 декабря были назначены сотрудники, которые должны отправиться вместе с музеем в село Тонкино.

Помещение, куда въехал музей, оказалось «не устроено». Сотрудникам приходилось самостоятельно заготавливать дрова, чтобы обогреть деревянное здание бывшей школы, располагавшейся по улице Сталина в доме № 69. Всего в Тонкине оказалось 23 человека (10 сотрудников и 13 членов их семей). Все они были прикреплены к Тонкинскому колхозу, но кроме 400 граммов хлеба, положенных по дневной норме, работники не получали ничего⁹.

Каждый сотрудник музея был прикреплен к местному колхозу и должен был «принимать активное участие в борьбе за высокие урожаи» путем организации всевозможных выставок на сельскохозяйственную тематику. Уже в октябре 1942 года была построена районная выставка «Сельскохозяйственный 1942 год в Тонкинском районе», на которой посетители могли увидеть образцы сельскохозяйственной продукции, экспонаты отдела природы музея, геологические карты, шкуры зверей и т.д. Строительству выставки предшествовало изучение флоры и фауны, и истории Тонкинского района. Эта выставка должна была «содействовать колхозному строительству и борьбе за урожай»¹⁰.

Строительство выставок по истории борьбы русского народа за свою независимость стало приоритетным направлением работы музея в этот период времени. Тематика музейных выставок и лекций этого времени — «Героизм русского народа (с 1242 года до наших дней)», «Противовоздушная и противохимическая оборона», «Польско-шведская интервенция 1612 года», «Годы Гражданской войны и борьба с немецкими оккупантами в 1918 году» — говорит об основных приоритетах экспозиционно-выставочной работы музея.

Отдел фондов занимался проверкой привезенного имущества и составлением описи новых поступлений музея. Проводилась огромная и тяжелая работа по составлению списков экспонатов Осташковского музея Калининской области, поступивших на временное хранение. Всю эту работу проводили лишь три человека.

Когда положение на фронте, стабилизировалось Горьковским городским комитетом обороны было принято решение о возвращении музея из эвакуации. Перед небольшим коллективом музея встала сложнейшая задача — подготовить все коллекции музея к переезду. В течение десяти дней сотрудники музея охраняли имущество на товарной станции. После того, как оно было возвращено, начался процесс его разбора. В фонды музея были возвращены экспонаты, находившиеся на временном хранении у других организаций. Ни один из них не пострадал.

Важнейшей темой выставок и лекций после возвращения из Тонкина стала Великая Отечественная война. Было внесено дополнение к экспозиции по теме «Горьковская область в дни Великой Отечественной войны 1941 года». В фонды музея стали поступать плакаты, листовки и другой агитационный материал первых месяцев войны.

Новый импульс работе по комплектованию фондов музея материалами войны дало обращение Ученого совета Народного комиссариата просвещения РСФСР от 25 июля 1942 года, в котором Горьковскому музею предлагалось принять участие в социа-



листическом соревновании на создание лучшей экспозиции по войне. Основным критерием, положенным в основу этого соцсоревнования, должен стать «наиболее полный сбор материалов Великой Отечественной войны на территории Горьковского края»¹¹.

Была заведена книга поступлений материалов по Великой Отечественной войне. Работа музея по комплектованию фондов материалами войны была затруднена во время эвакуации из-за отсутствия достаточного количества научных сотрудников. Эта деятельность, как отмечалось в официальном отчете главного хранителя музея, носила «случайный характер»¹². Лишь 25 сентября 1942 года была введена должность «научного работника по сбору материала по Великой Отечественной войне».

Контроль над работой музея, осуществлявшийся областным отделом народного образования, свидетельствует о ее важности, хотя только после переезда музея в Горький началось целенаправленное комплектование фондов по Великой Отечественной войне.

Уже в феврале 1944 года в Книге поступлений материалов по войне были отмечены 319 предметов: плакаты, газеты, билеты на лекции, материалы партизанки Нюхаловой (фотографии, дневник), репродукции, афиши выставок, журналы, приказы Верховного главнокомандующего, фотографии горьковчан-участников Великой Отечественной войны, ордена, медали и нагрудные знаки немецкой армии, бомба авиационная, осколки от снарядов, денежные знаки, обмундирование немецкого солдата, обмундирование советских солдат и офицеров, элементы гражданской спецодежды и многие другие предметы¹³.

В 1944 году в фонды музея поступили модели продукции горьковских военных заводов и неразорвавшиеся немецкие бомбы, весом 250 и 500 кг, сброшенные на город Горький, материалы 89-й гвардейской стрелковой дивизии¹⁴.

Широкомасштабная собирательская работа позволила уже в 1945 году составить тематико-экспозиционный план нового раздела «Горьковская область в дни Великой Отечественной войны» и построить экспозицию, которая вызвала большой интерес у посетителей музея¹⁵.

В годы суровых испытаний сотрудники музея провели огромную работу по сохранению и популяризации культурного и исторического наследия, что само по себе уже являлось подвигом. Именно память об историческом прошлом способствовала консолидации общества и явилась одним из факторов Победы в Великой Отечественной войне.

Примечания

- 1 Книга приказов по Горьковскому областному музею на 1940–1943 годы. Л. 48–51, 55, 58–59.
- 2 Отчет о работе Горьковского областного краеведческого музея за 1941 год. Л. 1.
- 3 Отчет Музейно-краеведческому отделу НКП РСФСР о работе музея от 29 августа 1941 года. Л. 1–2;
- 4 Там же. Л. 12.
- 5 Справка о работе экскурсионно-массового отдела музея. 12 августа 1944 года. Л. 1.
- 6 Рекомендации Зам. НКП РСФСР о подготовке к эвакуации музея. 11 ноября 1941 г.
- 7 Зерчанинов Л.М. Рассказы о музее-заповеднике. Горький, 1984. С. 37.
- 8 Отчет о работе в отделе хранения ГОКМ за 1943 г. Л. 1, 2.
- 9 План работы отдела хранения ГОКМ на июнь 1942 года; письмо ГОКМ в правление Тонкинского колхоза и список работников музея и членов их семей от 18 января 1942 года; письмо директора ГОКМ председателю колхоза им. В.И. Чапаева от 24 февраля 1942 года; письмо ГОКМ в торговый отдел областного совета от 4 июня 1942 года; письмо директора ГОКМ директору швейно-закройной фабрики от 15 февраля 1942 года.
- 10 План работы Горьковского музея на 1942 год. Л. 1–4.
- 11 Обращение Ученого совета НКП РСФСР ко всем работникам музеев. 25 июля 1942 года.
- 12 Отчет о работе в отделе хранения ГОКМ за 1943 год. – Л. 5.
- 13 Книга поступлений Горьковского областного краеведческого музея. Л. 1–50.
- 14 Отчет о работе Горьковского областного краеведческого музея за 1944 год. Л. 2.
- 15 Отчет о работе Горьковского областного краеведческого музея за 1945 год. Л. 4–5.



Фасад дома Рукавишникова (фрагмент)



«Война многое изменила в планах музея...»

(Литературный музей А.М. Горького в годы
Великой Отечественной войны)

Е.С. Сейм

До войны коллектив Литературного музея намечал новые планы научной и экспозиционной деятельности. Война многое изменила.

22 июня 1941 года музей, как всегда, принимал посетителей – с утра по его залам прошли студенты-заочники Горьковского пединститута, рабочие завода «Двигатель революции», старшеклассники из Арзамаса. В полдень радио принесло весть о начале войны. Часть сотрудников ушла на фронт. В их числе был и директор музея А.И. Елисеев.

В первые же месяцы войны в экспозиции появились стенды, рассказывавшие об антифашистской и антивоенной деятельности А.М. Горького. Они утверждали идею непобедимости советского народа и его доблестной Красной армии. В экскурсиях и лекциях эта тема заняла ведущее место. Изменился и состав посетителей — многие из них были в военной форме.

Облисполком принял решение об эвакуации музея. С 26 июля 1941 года музеем возглавлял Н.А. Барсуков¹, он и получил распоряжение на эвакуацию. Литературный музей и его филиал «Домик Каширина» были направлены в Тоншаевский район. Особняк же на Университетской улице (ныне улица Минина), 26 был отдан под госпиталь.

Началась разборка экспозиции. Часть экспонатов была перевезена на хранение в краеведческий музей. Подарки Алексея Максимовича, Екатерины Павловны Пешковой и их друзей уложили в ящики, отвезли на вокзал и погрузили в почтовый вагон. Конечным пунктом назначения стало село Большие Селки в 12 километрах от Тоншаева.

Оказавшись в тоншаевской глуши, коллектив музея продолжал культурно-просветительскую и пропагандистскую деятельность. В местном клубе, школах, избах-читальнях устраивались выставки фондовых материалов, работала библиотека. Сотрудники музея читали лекции, проводили беседы на патриотические темы, часто выступали в местной печати и по радио.

Их активность высоко оценили местные жители и властные структуры — они оказывали действенную помощь в улучшении условий хранения музейных ценностей, обеспечении работников музея жильем, продовольствием, одеждой.



Портрет А.М. Горького. Н.П. Шлейн, 1910 год.

Авторская копия.

Из фондов Литературного музея



Экспозиции Литературного музея. 1940-е годы.

Когда в апреле 1943 года коллектив музея покинул Тоншаевский район, он передал в распоряжение местных колхозников 2 библиотеки-передвижки из 250 экземпляров брошюр и книг².

Литературный музей вернулся из эвакуации 20 апреля 1943 года, получив часть помещения на Набережной им. А.А. Жданова в здании краеведческого музея.

Сразу же начались перевозка и разбор фондов. Параллельно шла разработка сокращенного экспозиционного плана. Вплоть до октября велись разработка экспозиции, расстановка экспонатов, их обработка, реставрационные мероприятия. 7 ноября 1943 года музей был вновь открыт в новом помещении со значительно меньшей экспозиционной и рабочей площадью, чем до эвакуации.

Экспозиция оказалась сокращенной против прежнего почти на половину. Для всех фондовых материалов и библиотек была выделена комната площадью в 10 квадратных метров с кладовкой такого же размера.

Экспозиция развернулась в четырех экспозиционных залах. В вестибюле поместили бюсты и портреты русских писателей, тексты их патриотических высказываний.

В отдельной комнате был оборудован «Кабинет М. Горького в Нижнем Новгороде в 1903—1904 гг.». Временно была развернута только экспозиция «Жизненный и творческий путь М. Горького». Работники музея понимали, что возвращение в особняк на улице Минина — дело нескорое, и продолжали работу в имевшемся помещении. Был переработан и подготовлен к техническому оформлению план экспозиции (14 витрин), перестроена экспозиция отдела «Литературное наследство Горького». Подготовлено новое оформление траурной комнаты, перепланированы и пополнены отделы «1905—1906 гг.», «1917—1920 гг.».

Экспозиция строилась не тематически, а хронологически — по основным этапам жизни и творчества А.М. Горького. В отдельной небольшой комнатке был воссоздан интерьер кабинета Горького в доме Киришаума. Здесь экспонировались подлинные вещи, подаренные музею Е.П. Пешковой в 1940 году. Помимо основной экспозиции в музее было организовано несколько выставок, посвященных жизни и твор-

честву А.С. Грибоедова, М.И. Фонвизина, В.В. Маяковского, К.Ф. Рылеева, А.И. Герцена, Н.И. Лескова.

Примечательна выставка в январе 1945 года, посвященная 150-летию со дня рождения А.С. Грибоедова. Газета «Горьковская коммуна» писала, что на выставке «представлены редкие издания комедии «Горе от ума»: миниатюрная книга, затем издание с автографом Грибоедова, издание 1862 года с гравюрами художника М.С. Балышева. Экспонируется также уникальная книга — сборник «Полярная звезда» за 1825 год, изданный К.Ф. Рылеевым и А. Бестужевым, с которыми Грибоедов был близко знаком и дружен»⁴.

Продолжилась и научно-исследовательская работа. Сотрудниками музея был подготовлен сборник «Купеческий Нижний Новгород по произведениям М. Горького» с рядом статей, историко-литературными и биографическими примечаниями. А.В. Сигорский вел работу по подбору и систематизации материалов для «Словаря литературных типов М. Горького». Он же подготовил пособие-справочник «Горьковский календарь» — даты детализированной биографии А.М. Горького нижегородского периода 1889—1904 гг., снабженное цитатами из произведений и мемуаров Горького, архивных документов. Н.А. Барсуков подготовил к печати работу «А.М. Горький на сцене местных театров».

В 1944 году был издан художественный альбом «Иллюстрации к произведениям А.М. Горького» с использованием иллюстраций художников Дехтерева, Кукрыниксов к произведениям «Мать», «Жизнь Матвея Кожемякина», «Хозяин», «Челкаш», «Страсти-мордасти».

В 1945 году была закончена работа «Горьковские места нашего города», написанная на основе паспортизации горьковских мест, которая проводилась работниками музея в 1939—1944 годах, доработан и подготовлен к печати сборник «Старый Нижний Новгород в изображении А.М. Горького», составленный из отрывков произведений писателя.

В военное время в музеях получили наибольшее распространение оперативные формы работы: выставки, лекции, беседы о героическом прошлом народов СССР и доблести Красной армии.



Экспозиции Литературного музея. 1940-е годы.

В этом же русле работал и Литературный музей. Организовывались выставки-передвижки: «Жизненный творческий путь М. Горького», «Чехов», «Крылов», «Плакаты Великой Отечественной войны», «А.М. Горький», «Пьеса Горького «На дне»», выставки, посвященные другим произведениям Алексея Максимовича.

В городских общественных учреждениях и госпиталях читались лекции о Горьком и других русских писателях: «Жизненный и творческий путь М. Горького», «А.М. Горький в Нижнем Новгороде», «Великий русский баснописец Крылов», ««Война и мир» Л.Н. Толстого — героическая эпопея Отечественной войны 1812 года», «Поэт и гражданин К.Ф. Рылеев», «Творчество Маяковского». В прошедшем музее проходили чтения произведений М. Горького, русских и иностранных классиков. В госпиталь были переданы выставка-передвижка, посвященная Горькому, два альбома «Горький и Родина», небольшая библиотека-передвижка из художественной и социально-политической литературы⁴.

Проводились беседы-лекции и непосредственно в самом музее. Основная тематика экспозиционных бесед — жизненный, творческий и революционный путь Горького. Дополнительно с организованными посетителями проводились беседы о писателях, которыми были посвящены историко-литературные выставки. В беседах о Горьком подробно освещался нижегородский период жизни писателя.

Работа по составлению архива Великой Отечественной войны началась еще в 1943 году. К концу 1944 года была закончена картотека — хроника событий по Горьковской области за первые годы войны. Был приобретен и подготовлен к описанию архив мастерской Горьковского отделения Союза художников за годы войны. Музеем велась также работа по подбору местных печатных изданий за 1941—1944 годы: газет, брошюр, плакатов, листовок, календарей, афиш.

Эвакуация все же подорвала работу музея, но после возвращения в Горький его сотрудники делали все возможное, чтобы музей смог встать на ноги и в полном объеме развернуть свою работу.

Несмотря на военное время, увеличивались фонды музея. За 1944 год было приобретено 27 новых пред-

метов: иллюстрации, юбилейные медали, альбомы. Библиотечный фонд увеличился на 500 томов.

В 1945 году были приобретены преимущественно иллюстративные материалы: альбомы иллюстраций и отдельные иллюстрации к произведениям Тургенева, Достоевского, Пушкина, готовые материалы выставок-передвижек, посвященных русским писателям-классикам. За годы войны были найдены и приобретены отсутствовавшие ранее экземпляры первых изданий книг Горького и писателей нижегородского «литературного гнезда», комплекты газет и журналов, в которых печатал свои произведения Алексей Максимович, редкие юбилейные медали, выпущенные в честь М.В. Ломоносова, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого.

Самое ценное приобретение 1945 года, да и всего военного времени, — «Остафьевский альбом», относящийся к первой половине XIX века. Долгое время альбом считался безвозвратно утерянным. Он был случайно обнаружен у одной из жительниц города Горького, которая согласилась передать его Литературному музею⁵. На приобретение альбома было выделено 10 000 рублей из бюджета музея⁶. Особенно ценен «Остафьевский альбом» тем, что в нем сохранился автограф Александра Сергеевича Пушкина — запись стихотворения Г.Р. Державина. Под стихами указаны дата и место, где была сделана запись: «1830. Ноября 26. Болдино»⁷, — свидетельство того, что Д.А. Остафьев посетил А.С. Пушкина в его нижегородском имении.

Военные годы негативно сказались на деятельности музея: он лишился многих работников, ушедших на фронт, основное здание музея было занято под военные нужды. Музею довелось пережить эвакуацию. Как это часто случалось в годы войны, проводилась она в спешке, без должного материального обеспечения.

Но и в годы войны музей не прекратил заниматься экспозиционной, фондовой и научно-исследовательской работой, активно проводил массовую работу, направленную не только на ознакомление людей с творчеством А.М. Горького и других писателей, но и на поднятие боевого духа, укрепление веры в Победу и воспитание людей в духе любви к Родине.

Музей активно посещался. В 1944 году, например, он был открыт 311 дней. За это время его посетили 8430 человек.

Литературный музей в трудных условиях военного времени оставался учреждением культуры, которое не только занималось научно-просветительской деятельностью, но и вселяло в сердца людей гордость за свою Родину, уверенность в грядущей Победе.

Один из посетителей, пришедший в музей уже после войны, написал в Книге отзывов:

Здесь бьется горьковское сердце,
Здесь ум горит его большой,
И ты не можешь наглядеться
На кабинет его простой.

Мы окунулись в атмосферу
Событий жизненных его,
Прониклись горьковскою верой
В добра и правды торжество.

И ярче горьковское имя
Теперь у нас в сердцах горит,
Он с нами, как живой с живыми
Со стен музея говорит⁸.

Примечания

- 1 ЦАНО. Ф. 5530. Оп. 1. Д. 38. Л. 10.
- 2 Там же. Д. 46. Л. 44.
- 4 Липовецкий А.С., Званцева Т.П. Музей А.М. Горького на родине писателя. Горький, 1990. С. 150.
- 5 Липовецкий А.С., Званцева Т.П. Указ. соч. С. 15.
- 6 ЦАНО. Ф. 5530. Оп. 1. Д. 51. Л. 64.
- 7 Там же. Л. 51.
- 8 Там же. Л. 42.



«Этот день мы приближали как могли».

(Горьковский государственный университет в 1941—1945 годах)

Д.В. Любимов

В канун праздника Победы в музее Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского была открыта выставка «Этот день мы приближали как могли» (Горьковский государственный университет в годы Великой Отечественной войны). Одновременно был подготовлен и сборник документов, хранящихся в фондах университетского музея и государственных архивных хранилищах. Публикуются материалы, собранные и обработанные сотрудником музея Д.В. Любимовым, используемые им в экскурсии по выставке.

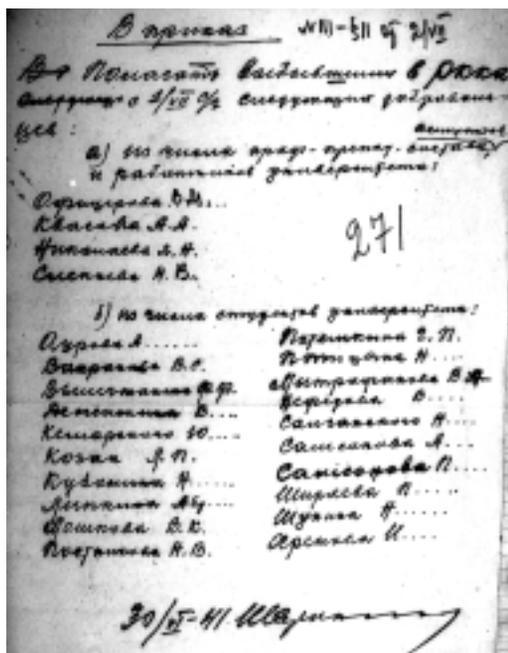
К концу 30-х годов в состав Горьковского государственного университета входили три факультета (физико-математический, биологический, химический), на которых действовало 23 кафедры. В его структуру входило 5 общеуниверситетских кафедр, биостанция, ботанический сад, геологический и зоологический музеи, астрономическая обсерватория, опытная станция по генетике и селекции шелкопряда. На момент начала боевых действий в университете работало 23 профессора и 33 доцента. На факультетах проходило обучение 1084 студента и 30 аспирантов.

С началом Великой Отечественной войны перед руководством ГГУ встала задача перестроить работу университета применительно к требованиям военного времени.

Одним из звеньев этой перестройки стало направление на горьковские оборонные предприятия сотрудников университета и передача заводским КБ ценного исследовательского оборудования. В первые месяцы войны на заводы Горьковской области были командированы 11 человек из преподавательского и учебно-вспомогательного персонала и 8 квалифицированных рабочих.

Часть из них (доцент Гапонов, научный сотрудник Васильев, механик Думеник и др.) были откомандированы на предприятия на все время войны, другие сотрудники (доцент Коршунов и другие) работали там по два дня в неделю.

Вместе с тем ряд ведущих ученых университета профессора М.Б. Нейман, А.Д. Петров, И.М. Коренман, М.Т. Грехова, доценты К.А. Новосельцев и М.С. Малиновский консультировали заводские КБ по вопросам организации контроля про-



Приказ о выбывших в РККА добровольцах ГГУ.
30 июня 1941 года

изводства и разработки новых технологических процессов. Профессор С.С. Станков консультировал специалистов по вопросам создания в области сырьевой базы лекарственных растений.

Из-за оттока специалистов, передачи университетского оборудования, приборов, станков заводским КБ серьезно изменилась ситуация в университетском НИИ. В частности, была даже прекращена его деятельность. Ведущие ученые ГГУ (Андронов, Грехова, Брюханов, Горелик, Нейман, Соколов) обратились в СНК с просьбой не исключать ГИФТИ из числа институтов, работающих в системе высшей школы. В обращении в частности говорилось: «...Мы считаем, что закрытие Горьковского физико-технического института, имеющего оборудование высокой ценности и квалифицированные кадры было бы крайне нецелесообразным ввиду того, что институт ведет работу по обслуживанию оборонной промышленности Горького. Объем работы все время возрастает, и в настоящее время по настоянию ряда заводов институт привлекает научные силы из других городов...»¹. Обращение Горьковских ученых в Совнарком было поддержано областным комитетом ВКП (б) и 1 марта 1942 года в обком пришла телеграмма: «Финансирование Физикотехнического института университета восстановлено зпт план смета утверждаются замнаркомпрос Сарычева...»². Так усилиями горьковских учёных ГИФТИ был сохранен.

С ноября–октября 1941 года характер сотрудничества университета с горьковскими оборонными предприятиями существенно меняется: война внесла коррективы в работу оборонных заводов. Из-за глубокого проникновения немецко-фашистских войск на территорию СССР были разорваны научно-хозяйственные связи горьковских предприятий, вследствие чего последние стали проявлять немалый интерес к научной работе университета.

В планах научно-исследовательских работ кафедр и НИИ Горьковского государственного университета на 1942–43 годы преобладали темы оборонного характера, выполняемые по заказам завода имени Г.К. Орджоникидзе, завода «Красное Сормово», Горьковского энергокомбината, ГАЗа, ЦКБ № 52 Наркомата ВМФ, завода имени И.В. Сталина, завода «Ока» и других. Всего таких производственных тем было запланировано около 30. Значительная их часть была выполнена в 1942–43 годах.

Наряду с этим ученые университета в 1941–1942 годах выполнили ряд инициативных проектов (как мы сегодня говорим).

Коллектив кафедры физиологии растений биологического факультета ГГУ под руководством профессора Красинского решил проблему «Получение хинина и хинных алколоидов из хинной корки». Учитывая наличие в г. Горьком 24-х тонн хинной корки, они разработали методику получения лабораторным путём чистого хинина и его алколоидов, и создали установку для выработки 50–70 кг. хинина в месяц.

Тема «Можжевельная ягода и её использование в пищевой промышленности» была разработана с целью получения дополнительного количества сахаристых веществ. На можжевельных экстрактах и сиропе были в фабричных условиях приготовлены



Заявление студентов ГГУ. 23 июня 1941 года

кондитерские изделия и напитки высокого качества. Методика приготовления была распространена в девяти областях Союза и получила высокую оценку наркомата пищевой промышленности.

Коллектив кафедры выполнил также работу «Сахар из дикорастущих инулиносов». Был получен сладкий сироп из лопухов и одуванчиков.

Важное оборонное значение имела тема «Изготовление препаратов витамина С». В качестве сырья предлагалось использовать кожуру шиповника.

Профессор Красинский разработал научную методику использования углекислоты в качестве удобрения, это способствовало повышению урожая овощей в парниках и теплицах на 30–50–70%. Метод был активно внедрён в Горьковской области.

Коллектив кафедры морфологии и систематики растений биологического факультета ГГУ под руководством профессора С.С. Станкова выполнил следующие работы оборонного характера.

1. «Использование сфагнумовых мхов, как перевязочного материала». Был проработан вопрос, где и когда собирать мох, дана технология его обработки.



Г.С. Горелик

Под руководством сотрудников кафедры был организован сбор и обработка мха в Горьковской области.

2. По заказу «Лекрастреста» Наркомздрава РСФСР была разработана тема «Лекарственные растения и был заключен договор на разведение и интродукцию в Горьковской области ряда лекарственных растений. Впоследствии сотрудниками Ботанического сада было выращено 126 000 штук рассады. В 1942 году сдано 25 кг семян долматинской ромашки, 200 кг сухого листа камфарного базилика. Вместе с тем был организован сбор дикорастущих лекарственных растений, определены районы их произрастания, а также отпечатано 20 000 экземпляров информационных плакатов, выпущена научно-популярная брошюра для населения.

3. Коллектив кафедры разработал тему «Полезные растения Горьковской области». Сохранились имена сотрудников проводивших данную работу. Доцент Д.С. Аверкиев «Пищевые растения», профессор С.С. Станков «Лекарственные растения», ассистент З.Ф. Катина, «Ядовитые растения» ассистент А.Д. Смирнова, «Эфирно-масличные растения»

ассистент О.Н. Шалыганова, «Масличные растения» С.С. Станков, О.Н. Шалыганова, «Текстильные растения» аспирант Е.В. Лукина, «Красильные растения» студентка Л. Черепанова, «Медоносные растения» ст. лаборант Л.А. Привалова, «Грибы и лишайные» П.А. Суворов.

Сотрудниками кафедры выполнили тему «Изучение окраски растений в целях маскировки аэродромов» Результаты переданы УВВС НКО СССР.

Активно работал коллектив Ботанического сада выполнил ряд работ, результаты которых были реализованы в колхозах Горьковской области, в том числе:

«Разработка ассортимента декоративных деревьев и кустарников для различных типов посадок в Горьковской области».

«Сбор лекарственных многолетников и их окультуривание».

«Культура земляники в Горьковской области и подбор сортов ее для производственных целей в связи с перекрестным опылением».

«Озеленение завода военного назначения с целью маскировки».

Особое место в научной работе биофака занимала кафедра генетики и селекции ГГУ. На два года раньше запланированного срока была окончена работа «Выведение моновольтинной породы дубового шелкопряда». Получение породы осуществлено в 1942 году. Тема разрабатывалась по договору с Наркоматом текстильной промышленности, и полученный образец использовался для производства парашютного шелка. На этом задании хочется остановиться подробнее. Имя выдающегося советского учёного Сергея Сергеевича Четверикова широко известно российской и зарубежной общественности. Всеобщее признание ему принесли работы в области популяционной генетики. Менее известны работы Четверикова по укреплению обороноспособности страны.

Начало этих работ датировано тридцатыми годами двадцатого века, когда в СССР, в соответствии с господствующей тогда доктриной «глубокой операции», началось массовое формирование воздушно-десантных войск. К началу Великой Отечественной войны в составе Красной Армии находилось пять полностью укомплектованных воздушно-десантных корпусов. Основной их задачей являлась высадка в глубине обороны противника, нарушение коммуникаций врага и борьба с его резервами. Востребованность воздушно-десантных частей осложнялась одним немаловажным обстоятельством — в СССР долгие годы не существовало сырьевой базы для массового производства парашютов.

Первоначально эта проблема решалась за счёт импорта готовых парашютов из США, главным образом приобретались парашюты и снаряжение компании «Irvin» (Буффало), позднее парашюты стали изготавливать в СССР из китайского и японского сырья. Безусловно, такой способ снаряжения воздушно-десантных частей был дорог и не практичен. Помимо всего ставил основной ударный кулак РККА в зависимость от иностранных поставок.

Дело в том, что основным сырьем для производства качественного парашютного шелка являлись

коконы китайского дубового шелкопряда, производимые в ряде азиатских стран. Его климатическая зависимость была обнаружена при первых опытах с данным сырьем. К середине тридцатых годов парашюты стали изготавливать в СССР по иностранным лицензиям из отечественного перкаля. Однако их первое боевое применение показало низкое качество таких парашютов.

Поэтому правительство поставило задачу найти заменитель китайского дубового шелкопряда перед учеными Москвы, Куйбышева и Башкирии. Подобное задание получил и профессор С.С. Четвериков.

Исследуя, китайский дубовый шелкопряд, ученый пришел к выводу о непригодности последнего к отечественному климату. «...На родине дубовый Шелкопряд дает два поколения в год, т.е. является «бивольтинным». У нас же даже на юге, при раннем наступлении осенних холодов, второе поколение очень сильно страдает и иногда гибнет нацело..., или дает мало шелка и самого плохого качества»³. Исходя из этого С.С. Четвериков решил акклиматизировать китайский дубовый шелкопряд к условиям средней полосы Европейской части страны, богатой кормовой базой для шелкопряда — дубовыми рощами. «...Эту задачу я наметил разрешить путем переделки (при помощи селекции) природы китайского дубового шелкопряда, превратив его из «бивольтинного» в «моновольтинного» (т.е. дающего одно поколение в год) и завивающего свои коконы в середине лета»⁴.

Четыре года напряженной работы ушло у гениального ученого на решение этой проблемы. Шла война, будучи деканом Биологического факультета ГГУ, С.С. Четвериков проводил большую педагогическую работу, руководил работой исследователей, решал множество бытовых проблем своих подчиненных и продолжал заниматься наукой. Архивные документы свидетельствуют: «...через четыре года работы, в 1942 году, нужная моновольтинная порода шелкопряда вчерне была мною получена, о чем я и рапортовал Наркомату Текстильной Промышленности СССР. Средний процент моновольтинности по всем семьям был доведен до 75,2%, было получено 9 семей с 100% моновольтинностью, общее число моновольтинных коконов достигло 5300, из которых свыше 4000 коконов было отправлено по распоряжению НКТекс. СССР в Куйбышевскую обл., Башкирию и Москву, где бивольтинные выкормки погибли... В текущем 1943 году работа продолжалась по консолидации породы «Горьковская моновольтинная № 1» и по улучшению ее основных показателей..., хотя уже и сейчас эти показатели очень хорошие...»⁵.

Характеризуя свое открытие, ученый писал: «...в результате работы нынешнего года мне удалось довести % моновольтинности по всей выкормке в условиях обычного лабораторного воспитания до 95,8, причём число 100% моновольтинности семей возросло до 36 (против 9 прошлого года). Общее количество полученных моновольтинных коконов сейчас равно 9544, которых по распоряжению НКТП СССР в Куйбышевскую область направляется 7000 шт. ... Полученная «Горьковская моновольтинная № 1» дает в условиях выкормки в помещении (лабораторная



А.А. Андронов

выкормка) коконы в конце июля и начале августа, т.е. в самое хорошее время года...»⁶.

Более того, С.С. Четвериков наметил пути промышленного производства полученного сырья.

Вскоре война была окончена. Военные со своими проблемами ушли в тень. Начинаясь очередной виток борьбы за власть. В рамках этой борьбы начались гонения на генетиков. С.С. Четвериков был вынужден оставить научную деятельность. Материалы открытия были изъяты, промышленное производство сырья приостановлено.

Позднее другие пытались повторить успех ученого, но шелкопряд был неприступен.

На кафедре органической химии химического факультета ГГУ, под руководством заведующего кафедрой профессора А.Д. Петрова в первый год войны были выполнены работы оборонного характера, среди которых «Приготовление реактивов»:

1 кг. диэтиланилина для спец. мастерской Индустриального института.

250 гр. фенолфталеина для спец. мастерской городского промкомбината.

5 кг. этилакриота для челюстного госпиталя.

1,3 кг. дипикриналлина для оборонного завода области.

Кроме этого доцент М.С. Малиновский сверх плана выполнил следующие работы:

1. «Разработка пропитки для противогАЗа»

2. «Разработка для завода ОАХ ряда каучуковых смесей из отходов производства горьковской химической группы».

3. «Разработка методов синтеза белого и красного стрептоцида».

Им так же проведено до 40 анализов трофейных материалов (топливо). Кафедрой аналитичес-

кой химии, руководимой профессором Коренманом, была выпущена брошюра «Индикация боевых отравляющих веществ», тиражом 1000 экземпляров. Профессор Коренман дал в 1941—1942 годах более 20 консультаций четырём оборонным заводам. Кроме того, в лабораториях кафедры было выполнено 15 анализов для оборонных предприятий.

На кафедре физической химии химического факультета под руководством профессора Неймана были реализованы следующие темы:

1. «Применение новых физико-химических методов в анализе» в рамках этой работы было исследовано внедрение спектрального и полярографического методов в работу заводских лабораторий.

1.1. По спектральному методу анализа за 1941—1942 годы выполнено 9 договоров, по которым вновь организованы лаборатории спектрального анализа на пяти заводах области (ГАЗ, заводы № 466, № 92, № 112, № 113)

1.2. По полярографическому методу анализа за 1941—1942 годы выполнено 9 договоров, по которым вновь организованы лаборатории полярографического анализа на семи заводах области (ГАЗ, № 466, № 92, № 397, № 148, и др).

2. «Кинетика окислительных процессов». В рамках данной темы выполнено две работы по договорам. Исследовалось накопление продуктов окисления диизопропилового эфира, как одного из компонентов высокоценных сортов моторного топли-

ва с целью подбора веществ, препятствующих преждевременному окислению топлива и повышающих его антиленотационные свойства. В результате лабораторных опытов был найден ингибидир, рекомендованный заводу.

3. «Термодинамические работы». В рамках данной темы заключено 2 договора. В одной из работ исследовался вопрос получения наркотозного эфира из отходов производства химзавода области. За период май—октябрь 1942 года изготовлено 1000 стограммовых флаконов эфира. Методика внедрена в производство.

4. «Технологические работы». Одна из работ этого раздела — изготовление индивидуальной грелки для бойцов РККА. В декабре 1941 года образец передан в производство, и завод «Заря» изготовил 7000 грелок из отходов производства.

Всего кафедрой было реализовано 26 договоров с 16 оборонными предприятиями и организациями.

Общий патриотический подъем, вызванный вероломным нападением гитлеровской Германии на Советский Союз, способствовал повышению общественной работы студентов и преподавателей университета.

Люди той эпохи — преподаватели и студенты ГГУ — были людьми особого склада, в них было то, что сегодня принято называть стержнем человека.

Ранее не публиковавшиеся документы ГУ ГОПАНО (Ф. 32, Оп. 1, Д. 2800), немые штрихи ушед-



1. Осенний ускоренный выпуск биофака ГГУ. 1941г. В центре за столом С.С. Четвериков.

шего времени говорят о коллективе ГГУ лучше всяких трескучих фраз о патриотизме, любви к Родине и так далее. Гневом, болью, тревогой за судьбу Родины проникнуты документы того великого времени. В резолюции митинга, «посвященного выступлению по радио товарища Сталина» говорилось: «...Профессора, преподаватели, сотрудники и студенты Горьковского Госуниверситета, собравшись на митинг..., заявляем, что все как один, встанем на защиту нашей священной Родины. Мы немедленно перестроим всю нашу работу на военный лад, все подчиним интересам фронта и задачам организации разгрома врага...»⁷. И это не было казенным выражением верноподданнических настроений. На момент описываемых событий большинство ответственных сотрудников ГГУ и многие студенты подали заявления о приёме в Красную Армию. «В этот грозный момент, когда зарвавшаяся фашистская клика нарушила наши священные границы и наш мирный труд, прошу отправить меня добровольцем на фронт...»⁸ — писал ректор ГГУ М. Шеронин. «В ответ на подлую выходку фашистских бандитов против нашей Родины прошу считать меня мобилизованным в РККА...»⁹ — из заявления К. Новосельцева. Доцент ГГУ А. Марков в своем заявлении в Свердловский райком ВКП (б), как всегда кратко и лаконично писал: «...Прошу послать меня добровольцем в действующую Красную Армию...»¹⁰. И таких заявлений были десятки.

Как свидетельствуют документы УЦВА ННГУ, 1 июля 1941 года университет провожал на фронт первых добровольцев (из числа профессорско-преподавательского состава — В.М. Офицеров, А.А. Квасов, Я.Н. Николаев, Н.В. Слепков и 20 человек из числа студентов)¹¹. В делах этого архива, в скупых документах того грозного времени, прослеживается судьба тех, кто уходил на фронт из стен университета. Музей науки ННГУ последовательно вводит в научный оборот эти ценные документы.

К 24-й годовщине Октябрьской революции и к 24-й годовщине РККА был организован бесплатный пошив белья, жилетов, варежек для бойцов Красной Армии.

В августе 1941 года был организован сбор средств в фонд обороны страны. К 1 августа 1942 года сотрудники и студенты университета внесли в этот фонд 21 673 рубля деньгами и 40 475 рублей облигациями госзайма.

В сентябре 1941 года был организован сбор теплых вещей для бойцов Красной Армии. Студентами и сотрудниками университета было сдано 54 шт. простыней, 60 шт. наволочек, 5 шт. стеганых шаровар, 7 шт. теплых рубашек, 30 пар нательного белья, 32 шапки ушанки, 8 пар шерстяных носков, 12 шерстяных одеял, 5 стеганых тужурок, 3 лыжных костюма, 1 шинель, 28 рубашек, 16 полотенец и много других вещей.

Кроме того, сотрудники и студенты университета привлекались на оборонные работы и для работы на предприятиях и в колхозах города и области.

Уже в июне 1941 года на заводах и колхозах области работало 180 студентов. В августе и сен-

118 В Свердловский райком ВКП(б).
 В момент, когда брел нахо-
 -дился у порога нашей Вели-
 кой Родины и мысленно ко-
 сались на ее честь и независимос-
 ть, я, как член Глав-
 ный член большевистской партии Ленин-
 Сталина, готов вступить в
 ряды защитников Родины, что-
 бы разгромить и уничтожить
 зарвавшихся фашистских захватчи-
 ков.
 Прошу считать меня та-
 ким, где я могу быть полезен и
 пригоден по состоянию своего
 здоровья.
 Иван ВКП(б), зав. кафедрой исто-
 рии Горьковского Гос. Университета
 29/6/41. Шеронин.

Заявление Коршунова. 29 июня 1941 года

тябре того же года весь коллектив университета четыре выходных дня работал на строительстве и выработал 1600 трудодней. В первых числах октября 1941 года 390 преподавателей и студентов работали в колхозах по уборке картофеля, отработав 3800 человекодней. С 27 октября по 27 декабря 1941 года около 300 человек преподавателей и студентов работали на строительстве оборонительных рубежей. Несмотря на суровые погодные условия и большую норму выработки (80 куб. метров вынудой земли), коллектив университета занял первое место на строительном участке и был награжден переходящим Красным Знаменем Свердловского райкома ВКП (б) и райисполкома депутатов трудящихся. Архивные документы свидетельствуют: «...86 участников работ получили благодарность от руководства строительства, 53 человека награждены почетными грамотами Городского Комитета Обороны. Коллективной почетной грамотой Комитета награжден университет в целом, а комиссар колонны доцент Новосельцев удостоен высокой награды правительства ордена Трудового Красного Знамени. В работе на трассе особо отличились начальник колонны ассистент А.К. Шевелев, начальники и политруки сотен: асс. М.С. Федотов, доц. А.Г. Майер, аспирант А.И. Кокорин, ст. преподаватель Прилучный, О.Н. Шалыганова, доц. Н.А. Жулин; бригадиры: аспирант Щербаков, студент Конаков, студентка Харченко, аспирант Сумин и десятки других товарищей отме-

ченных руководством строительства и Городским Комитетом Обороны»¹².

Подводя итог первого военного периода в истории ГГУ хочется отметить следующее.

В начале войны руководству ГГУ удалось избежать утраты ценного оборудования и сохранить кадры научных работников (попытки изъять оборудование и кадры в начале войны делали многие предприятия города), наладить сотрудничество со многими оборонными ведомствами страны, привлечь, путем выполнения хозрасчетных тем, инвестиции в ГГУ и, наконец, вести подготовку научных кадров.

Стремление руководителей горьковских заводов «подмять под себя» научно-производственный потенциал университета, сменилось постановкой перед учеными ГГУ научно-производственных задач, имеющих оборонное значение. Вместе с тем Госуниверситет не только справился со значительной частью таких задач, но и по своей инициативе горьковские ученые решали важные оборонные вопросы, связанные с наукой и производством.

Примечания

- 1 ГУ ГОПАНО, Ф. 3, оп. 1, д. 2760, стр. 61.
- 2 ГУ ГОПАНО, Ф. 3, оп. 1, д. 2760, стр. 60.
- 3 ГУ ЦАНО, ф. 377, оп. 8, д. 89.
- 4 ГУ ЦАНО, ф. 377, оп. 8, д. 89.
- 5 ГУ ЦАНО, ф. 377, оп. 8, д. 89.
- 6 ГУ ЦАНО, ф. 377, оп. 8, д. 89.
- 7 ГУ ГОПАНО, Ф. 275, оп. 4, д. 1, л. 22.
- 8 ГУ ГОПАНО, Ф. 32, оп. 1 д. 2800, л. 121.
- 9 ГУ ГОПАНО, Ф. 32, оп. 1 д. 2800, л. 119.
- 10 ГУ ГОПАНО, Ф. 32, оп. 1 д. 2800, л. 102.
- 11 УЦВА ННГУ, Ф. 377, оп. 7, д. 262 л. 271.
- 12 ГУ ЦАНО, Ф. 377, д. 53.



Выпускники химического факультета.

Во втором ряду сверху сидят: проф. А.Н. Франк-Каменецкий, проф. С.И. Дьячковский, доц. Ф.Р. Шеянова, ректор А.А. Яковлев, проф. И.М. Коренман.
1944 г.

«В военное время регулярно поступали книги...»

(Горьковская областная библиотека им. В.И. Ленина в годы Великой Отечественной войны)

Н.А. Кузнецова. Р.Я. Клыгина

К началу Великой Отечественной войны библиотека им. В.И. Ленина, получившая уже статус областной, полностью сформировалась как главное библиотечное учреждение области. Она реально выполняла многообразные функции библиотеки такого масштаба.

Огромную ценность представляли ее фонды – полтора миллиона единиц хранения. В разное время в них вошли богатые собрания научных, учебных и других библиотек Н. Новгорода, частные коллекции, уникальные книги и рукописи из библиотек бывших помещичьих усадеб. В 1930-е годы библиотека активно пополнялась новой литературой, получая обязательный бесплатный экземпляр всех издательств РСФСР.

По составу научной, иностранной, краеведческой литературы, дореволюционной и советской периодики это было одно из лучших книгохранилищ России.



Здание Нижегородская государственной областной универсальной научной библиотеки им. В.И. Ленина

В военное время регулярно поступали книги по вооружению, технике, боевой подготовке, военно-историческая, медицинская и другая актуальная литература.

Хорошо скомплектованные фонды, отраженные в обширном справочном аппарате (примерно 40 каталогов и карточек), позволяли выполнять даже сложные и узкоспециальные запросы научных работников, специалистов производства, медиков, командного состава Красной армии, т.е. основных категорий читателей военной поры.

Библиотека предоставляла свои фонды военно-оборонным заводам, воинским частям, госпиталям. Книги в их адреса выссылались по межбиблиотечному абонементу. Кроме того, были организованы передвижные библиотеки, в 1942 году их насчитывалось 30, в том числе 21 — в госпиталях, 5 — в воинских частях.

В архиве библиотеки сохранились интересные документы военного времени: приказы, распоряжения, планы, отчеты о работе, социалистические обязательства и многое другое. Они донесли до нас атмосферу тех лет. Очень многое делалось не из-за страха наказания, не по принуждению, а по зову души.

Сразу же были приняты меры по охране здания библиотеки и книжного фонда. Приказом директора библиотеки П.П. Юферова с 23 июня 1941 года. установлено круглосуточное дежурство ответственных работников, усилена охрана ценного фонда, создана группа самозащиты для дежурства во время бомбежек, проведены дополнительные противопожарные мероприятия. Началась учеба сотрудников в кружках ГСО, ПВХО, стрелковом.



К.П. Кустов



П.П. Юферев

В июле 1941 года 22 человека (не только все мужчины, но и многие женщины) подали заявления о вступление в ряды народного ополчения. Из заявления П.П. Юферева: «18 лет я проработал главным образом на фронте народного просвещения. Никогда не обучался военному делу. В этот грозный час для нашей Родины меняю книгу на винтовку».

Он ушел на фронт в 1942 году и закончил боевой путь в Берлине. Был награжден двумя орденами Красной Звезды, медалями «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». После войны заведовал библиотекой строительного института.

В 1941—1942 годах ушли на фронт К.П. Кустов, К.Н. Михайлов, Г.П. Кузьмичев, П.И. Сорокин, комсомолки М. Коптева, Л. Куликова, Т. Житова. После войны вернулись в библиотеку и многие годы плодотворно работали в ней с такой же самоотдачей, как и воевали, К.П. Кустов, М.А. Коптева, К.Н. Михайлов...

В первый военный год штат библиотеки сократился почти в два раза, работали 35–40 человек. Часто возникала необходимость выделить людей на различные участки трудового фронта. Женщины безотказно отправлялись на строительные и сельскохозяйственные работы, лесозаготовки и торфоразработки, разгрузку барж и уборку снега. 4 девушки, окончившие курсы, работали медсестрами в госпиталях. 20 человек являлись донорами.

Работники библиотеки шили белье для бойцов, отправляли на фронт посылки с теплыми вещами, сдавали деньги в Фонд обороны...

Часто в библиотеке оставалось совсем немного ее сотрудников. Каждый поэтому работал за двоих, а то и за троих. Все военные годы библиотека была открыта: она работала даже тогда, когда помещение не отапливалось и часто отключался свет (IV кв. 1942 года и I—II кв. 1943 года).

Небольшой коллектив обеспечивал двухсменную работу читальных залов (с 10 до 22 час.), отдела библиографии и книгохранения (с 10 до 21 час.). Людей все равно не хватало. Отработав одну смену, добровольцы оставались и на вторую.

Из характеристики библиотекаря читального зала А.П. Чугуновой-Шмыкалой: «Работала часто по две смены, заменяя мобилизованных работников. Очень внимательна к читателям. Много помогает новым работникам. Неоднократно премирована».

И еще выдержки из двух характеристик:

Сорокина Л.И., библиотекарь отдела книгохранения: «В условиях тесноты и недостатка света и тепла в отделе обеспечивала самую четкую и быструю подачу литературы читателям, часто работая по две смены. Работала на строительстве оборонительного рубежа и узкоколейки Бор — Керженец, 3 раза была на лесозаготовках, участвовала в сельхозработках».

Яржемская А.Н., заведующая читальным залом научных работников: «Обеспечивала в годы войны исключительно внимательное и квалифицированное обслуживание научных работников, специалистов, офицеров. Имеет много благодарностей от читателей. Неоднократно премирована. В 1941 г. Наркомпрос РСФСР объявил ей благодарность за обслуживание научных работников».

В 1941–1943 годах библиотека обслуживала ежедневно 15–16 тыс. читателей, выдавала 300–350 тысяч книг. В 1944–1945 годах количество читателей достигло довоенного уровня (23–24 тысяч), количество выданных книг дошло до 500–530 тысяч.

Библиотека являлась одним из центров пропаганды военно-оборонных знаний, вела большую просветительскую, культурно-массовую работу, оперативно информировала население о ходе боевых действий, последних событиях в стране и мире. Интерес к такой информации был огромным. У газетных витрин, оформленных на абонементе и в фойе читаль-



К.Н. Михайлов

ных залов, всегда толпился народ. На абонементе стояло несколько столиков, за которыми посетители также могли ознакомиться со свежей прессой. Много оформлялось выставок, проводились обзоры литературы, выступления с информацией о новинках по радио, публиковались списки литературы и другие материалы в местной печати.

В 1941 году сотрудники отдела библиографии — Д.А. Балика, Н.Ф. Ржига, В.М. Райковская и другие опубликовали в горьковской прессе 34 материала на актуальные темы, в том числе списки литературы: «Антифашистская художественная литература», «Новые книги по ПВХО», «Исторический роман» и другие. В 1942 году было выпущено 7 бюллетеней новой литературы, опубликовано в периодических изданиях 19 материалов. В журнале «Партработник» ежемесячно помещался календарь памятных дат, сопровождавшихся списком литературы.

Библиотека выполняла большой объем справочной работы (20–25 тысяч справок в год). Базой для нее был богатый справочный фонд, хорошо организованная система каталогов и картотек, значительно дополненная в годы войны.

Уже с июля 1941 года отдел библиографии приступил к созданию 10 картотек военной тематики: «Великая Отечественная война советского народа», «Всеобщее воинское обучение», «Санитарная оборона» и другие. Они помогали квалифицированно выполнять самые разнообразные запросы, быстро подбирать литературу даже по самым сложным темам.

Возросла роль краеведения и краевой библиографии. Это было связано прежде всего с необходимостью выявления местных сырьевых ресурсов, полезных ископаемых, изучения экономического потенциала области.

Систематически пополняемый каталог «Горьковская летопись» отражал богатейший материал о местном крае. Велась постоянная работа по дополне-



Е.М. Томасова

нию существовавших и созданию новых краеведческих картотек и указателей. Н.Ф. Ржига разработала картотеку «Сырьевые ресурсы Горьковской области». Она же составила новые выпуски указателя «Природа Горьковской области» и указатель «Нижегородское народное ополчение 1611–1612 гг.» (опубликован в 1944 году в сборнике «Великое дело Минина и Пожарского»).

Большая работа проводилась по сбору материалов об участии горьковчан в войне. Просматривались и расписывались центральные, местные издания, районные газеты. Была составлена обширная картотека «Горьковская область в Великой Отечественной войне» (к концу войны она содержала 20 тыс. названий). Краеведческий аппарат библиотеки активно использовался учеными, специалистами, краеведами, писателями, пропагандистами.

В тяжелых условиях военного времени библиотека находила возможности для проведения научной работы. В ее штате были такие высококлассные специалисты, как библиограф, книговед, профессор Д.А. Балика, библиограф-краевед Н.Ф. Ржига, знатоки иностранной литературы Л.Д. Беляев и А.Н. Яржемская. Библиотека имела тесные связи с институтами, научными обществами, музеями, общественными организациями.

В 1943 году библиотека, пединститут и музей А.М. Горького совместно провели две научные сессии: Горьковскую научную сессию, посвященную 75-летию со дня рождения М. Горького, и научную сессию, посвященную педагогической деятельности И.Н. Ульянова (к 80-летию его приезда в Н. Новгород).

Первая из них имела важные последствия. Ее участники решили организовать постоянно действующую Горьковскую комиссию во главе с директором областной библиотеки Н.М. Томасовой. На регулярных заседаниях комиссия заслушивала и обсуждала доклады, научные работы, помогала в публикации



Р.Н. Алексеева



Д.А. Балика

наиболее интересных материалов, осуществляла подготовку и проведение Горьковских научных сессий, позднее преобразованных в Горьковские чтения.

Продолжалась работа по изучению ценных коллекций, редких изданий и рукописей в фондах библиотеки. Д.А. Балика в 1942 году подготовил «Описание личной библиотеки П.И. Мельникова-Печерского и всех пометок его на книгах». Изучив материал о Я.М. Неверове, он опубликовал статью «Друг Н.В. Станкевича — педагог, нижегородец Я.М. Неверов» (1944). Балика выявил ранее малоизвестные материалы о талантливом судовом механике В.И. Калашникове и о родоначальнике музыкального образования в Нижнем Новгороде В.Ю. Виллуане.

В военное время библиотека подтвердила свою роль областного методического центра. Выпускались методические материалы и рекомендательные списки в помощь библиотекам области, проводились консультации и учеба библиотечных кадров, осуществлялись выезды в районы, описывался опыт лучших библиотек.

Специалисты областной библиотеки оказывали методическую помощь не только государственным библиотекам, но и библиотекам профсоюзов, воинских частей, госпиталей, обучали библиотечкарей, не имевших специального образования.

В массовой работе областной библиотеки ярко звучали темы патриотизма, прославления героизма советских людей на фронте и в тылу. Нередко лекции, беседы, литературные вечера, выставки проводились вне стен библиотеки — в госпиталях, воинских частях, театрах и кинотеатрах.

Особенно часто библиотекари посещали два подшефных госпиталя: приносили раненым книги, газеты, радовали их подарками, устраивали концерты, громкие читки. Группа раненых написала письмо в газету «Горьковская коммуна», в котором выражала благодарностью библиотекарям Е.Н. Вехиной, П.Н. Полуэктовой, М.В. Горской, А.И. Павловой за их теплоту и заботу.

Одной из главных задач библиотеки было сохранение и пополнение своего фонда. Исключительно внимательные отношения дирекции и отдела комплектования к этому вопросу, использование любых возможностей приобретения книг способствовали и тому, что в годы войны Горьковская областная библиотека добилась наилучшего комплектования среди всех областных библиотек России.

В 1942 году было приобретено 22,7 тысяч экземпляров, в 1943 — 27,2 тысяч экземпляров, в 1944 — 19,2 тысячи. А всего за годы войны фонд увеличился на 153 тысячи экземпляров.



А.В. Яржемская



Н.Ф. Ржига

В разгар войны, в 1942–1943 годах, были куплены пять крупных частных библиотек. Большой интерес представляла библиотека московского профессора П.Г. Любомирова. В ней насчитывалось примерно 3 тысячи книг, преимущественно по истории России и всемирной истории, имелись также летописи, акты, грамоты, мемуарная литература.

В 1944 году состоялась поездка в Лысковский и Муромский музеи, в которых хранились ценные собрания из поместий князей Грузинских и графов Уваровых. Из Лысковского музея получено 2000 книг, в том числе архив царевичей Грузинских, содержащий немало уникальных памятников культуры.

Библиотека постоянно занималась сбором книг у населения, неиспользуемых фондов в городах и районах области. Это позволяло ей делиться своими запасами. Большая помощь оказывалась библиотекам, пострадавшим в годы войны. Этим занимался филиал Госфонда литературы, в котором по совместительству работали сотрудники областной библиотеки. Небольшой коллектив за короткое время собрал примерно 200 тысяч книг, скомплектовал и направил в разные адреса 93 библиотеки для взрослых и 91 школьную библиотеку.

С особым вниманием отбиралась литература для отправки фронтовикам в ответ на их просьбы. В архиве библиотеки сохранилось несколько писем с фронта:

«Уважаемые товарищи горьковчане! В нашей части служит ваш земляк Галетов Юрий, который в дни войны не посрамил честь своего древнерусского города и за боевые успехи отмечен тремя правительственными наградами. От него мы узнали, что вы неоднократно охотно помогали частям Красной армии литературой. Мы были бы вам очень благодарны, если бы вы помогли нам присылкой книг».

Из другого письма: «В одной из последних боевых операций погибла наша библиотека. Остро нуждаемся в художественной и политической литературе, в литературе в помощь художественной са-



Г.И. Копелова

модеятельности и в нотных материалах. Мы решили обратиться к вам с просьбой о высылке нам этой крайне необходимой литературы. Наш адрес: Полевая почта № 39234 Б. С гвардейским приветом гвардии капитан Гурария».

В ответ шли посылки с книгами на фронт, в санитарные поезда, госпитали.

Особо хочется сказать о директоре библиотеки Екатерине Михайловне Томасовой. Она приняла библиотеку в 1942 году, и зарекомендовала себя талантливым, компетентным руководителем, замечательным организатором. Проявляла много настойчивости и находчивости при разрешении трудных хозяйственных вопросов, твердо отстаивала интересы библиотеки во всех инстанциях.

Екатерина Михайловна много работала сама и строго требовала того же от других, но при этом была сдержанна, тактична, внимательна к людям, поощряла инициативу и творческий подход к делу.

И сотрудники библиотеки отвечали ей доверием, обращались не только с производственными, но и с личными, домашними проблемами. Екатерина Михайловна помогала, чем могла, и морально, и материально.

Под ее руководством в годы войны библиотека трижды занимала второе место в республиканском соревновании областных библиотек за высокое качество обслуживания читателей и организацию научной работы. По итогам работы за 1945 году библиотека получила первое место, ей было вручено переходящее Красное знамя Комитета по делам культпросветучреждений при Совете министров РСФСР.

5 человек, в том числе Е.М. Томасова, награждены значком «Отличник народного просвещения», 28 человек — медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».

В год 60-летия завершения Великой Отечественной войны мы снова с великой благодарностью вспоминаем тех, кто в трудное время сохранил главную библиотеку области, внес в Победу свою лепту.

Библиотекари военной поры

О.В. Григорьева

Нижегородская центральная городская библиотека им. В.И. Ленина — одна из старейших в городе. За 100 с лишним лет прошла большой и славный путь.

Незабываемый след в истории библиотеки оставили годы войны. Этот период воссоздан сегодня по документам, архивным материалам, фотографиям, воспоминаниям библиотекарей и читателей.

Воскресенье 22 июня 1941 года в библиотеке было обычным рабочим днем. Приходили читатели, обменивали книги библиотекари. У заведующей библиотекой Е.П. Дмитриевой в квартире было включено радио (ее квартира находилась в здании библиотеки). Она первая услышала страшную весть и тут же сообщила читателям. Елизавета Павловна вспоминает, что читальный зал сразу же опустел, женщины плакали, многие мужчины говорили, что идут в военкомат.

Война радикально изменила характер работы библиотеки с ее читателями. В октябре 1941 года был издан приказ Наркомпроса РСФСР «О работе массовых библиотек в военное время». Он обязал библиотеки всемерно использовать книжные фонды для выполнения задач военного времени, информировать читателей о военных действиях, помогать обучению военным специальностям и новым производственным профессиям.

Пересмотрев ранее утвержденный план работы, коллектив библиотеки определил свою главную задачу — сделать библиотеку центром пропаганды военно-патриотических знаний. В ней и до войны существовал «Уголок военных знаний». Расширив его, библиотека информировала читателей о событиях на фронте (через газетные витрины), знакомила с книжными выставками «Тыл на помощь фронту», «Герои войны», «Горьковчане на фронте», «Чем ты помог фронту», «Патриоты земли русской»...

В первые годы войны библиотека работала в очень стесненных условиях. Читальный зал был отдан под занятия школьников (многие школы использовались под военные госпитали). Работал один абонемент. Небольшая комната была отведена для занятий отдельных читателей с литературой из читального зала. Как и другие женщины города, библиотекари, призывались на трудовые, торфозаготовки, рытье окопов...

Несмотря на это, коллектив библиотеки вел большую организационную и воспитательную работу не только в стенах библиотеки, но и в четырех госпиталях на территории Канавинского района, проводил для раненых маленькие концерты, громкие чтения, беседы по книгам о патриотизме, героизме, полководцах.



Коллектив Горьковской центральной городской библиотеки им. В.И. Ленина.
1940-е годы



Б. Буранов

Особенно любили раненые рассказ Алексея Толстого «Русский характер», стихи К. Симонова, А. Твардовского. Тепло встречали раненые библиотекарей Елену Чижикову, Софью Михайловну Ситникову, Анну Лазаревну Глакзон, благодарили их и ждали снова.

Для бойцов Красной армии библиотекари организовали сбор книг среди населения: в библиотеке было вывешено объявление, активисты ходили даже по домам. В военкомат было передано примерно 100 книг.

За годы войны библиотекари помогали своим читателям не только книгой. Е.П. Дмитриева рассказала такой случай. В библиотеку почти ежедневно приходила старая одинокая женщина. Она брала книгу домой или сидела в сторонке и читала. Потом приходить перестала.

Забеспокоившись, библиотекари пришли к ней домой и узнали, что у их читательницы украли продуктовые карточки на целый месяц. Старая женщина уже много дней голодала. Тогда Мирошниченко, Чижикова, Ситникова и сама Елизавета Павловна стали делиться с ней своими пайками, кормили чем могли, пока читательница не получила *новые* карточки...

Еще до войны частым гостем библиотеки был участник Гражданской войны М.Г. Ковшов. Он много раз выступал с воспоминаниями о Гражданской войне на массовых мероприятиях библиотеки.

Постоянной читательницей библиотеки являлась и его дочь-студентка. В 1943 году Ковшов умер — она осталась без средств к существованию. Елизавета Павловна, добрейшей души человек, имевшая большой авторитет у городских властей, с присущей ей энергией стала добиваться через административные организации города помощи и для дочери Ковшова. Вот документ из областного архива:



А.Ф. Селиванова

«Протокол № 5 заседания комиссии по назначению персональных пенсий от 18 июня 1943 года. Дочери-студентке персонального пенсионера местного значения *т. Ковшова, члена ВКП(б) с 1918 г., участника гражданской войны — назначить пенсию местного значения в размере 200 руб. с 1 июня 1943 г. — до окончания института*»¹.

Читатели любили нашу библиотеку. Перед отправкой на фронт, многие заходили попрощаться с любимыми библиотекарями, даже оставляли на память библиотеке свои личные книги. В библиотеке сохранилась одна из таких книг. Уходя на фронт, ее подарил Борис Буранов с надписью: «Любимой библиотеке от ее читателя Б. Буранова 14 окт. 1941 г.».

Борис погиб на фронте. Не вернулся домой и единственный сын Дмитриевой Сергей...

Библиотека вывесила траурный список читателей, погибших в годы войны. В него вошли Борис Буранов, Сергей Дмитриев и другие горьковчане.

Некоторые читатели, приезжая с фронта на побывку, обязательно заходили в библиотеку повидаться с ее сотрудницами.

Город часто бомбили: за 1941–1943 годы на Горький было совершено 43 налета вражеской авиации, сброшено 1560 фугасных и 4787 зажигательных авиабомб. Чижикова рассказывала, как во время дневных воздушных тревог читатели вместе с библиотекарями спускались в подвал (он существует под библиотекой и сегодня) и там пережидали бомбежку. После отбоя возвращались в библиотеку. Иногда такое случалось по два–три раза в день...

Вспоминает старейшая читательница библиотеки А.Ф. Селиванова. Сегодня Антонине Федоровне 94 года. Из них три четверти века она пользуется книгами нашей библиотеки:

«Несмотря на военное время при библиотеке работал литературный кружок. Активной его участ-

ницей была и я. С начала войны он помолодел — многие его участники ушли на фронт, и членами кружка становятся учащиеся старших классов, студенты, молодые педагоги и др. Мы участвовали в массовых мероприятиях библиотеки, выступали в госпиталях с художественными чтениями, читали стихи о Родине, патриотизме, в т.ч. и свои стихи, обсуждали новые сборники.

Помню, большой популярностью пользовалась маленькая книжечка — поэтический сборник «Отчизна», к счастью, он сохранился в библиотеке и сегодня. Здесь были собраны патриотические стихи, начиная от Ломоносова и кончая Маяковским. И девизом нашего кружка на все военные годы стало четверостишие Ф. Тютчева:

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить*

С благодарностью вспоминаю библиотекарей военной поры — Мирошниченко, Дмитриеву, Ситникову и других. Это они создавали в библиотеке в ту трудную пору атмосферу творчества, уюта и теплоты».

В годы войны особое внимание библиотека уделяла комплектованию своего фонда литературой военной тематики. Книжные издательства страны выпускали рассказы, репортажи, очерки о подвигах советских солдат, о зверствах фашистов.

Горьковское книжное издательство оказалось тогда на высоте. Книги, изданные им в первые годы войны о героях-горьковчанах, советских партизанах, защите родной земли, выступления И.В. Сталина, М.И. Калинина, В.М. Молотова и других руководителей страны помогали нашим библиотекарям в повседневной работе с читателями.

На основе этих и многих других книг наша библиотека устраивала для читателей серии книжных выставок, проводила громкие читки, обзоры, беседы: «Война Отечественная и Великая Отечественная война», «Горьковчане на фронтах Великой Отечественной войны», «Жизнь за Отчизну».

Мы благодарны библиотекарям военной поры, которые смогли сохранить эти уникальные маленькие книжки, ставшие сегодня уже библиографической редкостью.

«Вести с фронта» — под таким названием выходила в библиотеке стенгазета. Один из ее выпусков был посвящен военному параду на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 года и речи Сталина на параде.

Стенгазета помещалась в «военном уголке» библиотеки. С ней библиотекари выходили в передвижки, рабочие общежития, госпитали...

Заметки в стенгазету писали и читатели: они рассказывали о своих близких, ушедших на фронт, приносили их письма с фронта. В конце 1943 года в библиотеку пришла Е.Ф. Буранова, мать погибшего в 1943 году Бориса. Она принесла фотографию сына, его письма с фронта и письмо его друга, в котором тот сообщил о гибели лейтенанта Буранова².

С разрешения Елизаветы Федоровны библиотека поместила реликвии в разделе «Наши читатели-фронтовики» стенгазеты рассказала о его судьбе, показала книгу с надписью, которую подарил библиотеке перед уходом на фронт Борис Буранов.

В 1944 году в стране произошло знаменательное событие: вместо «Интернационала» 15 марта 1944 года был принят новый Гимн Советского Союза.

Библиотека стала вести работу по популяризации гимна и творчества его создателей — композитора А.В. Александрова, поэтов С.В. Михалкова и Г.Г. Эль-Регистана. Был оформлен плакат с текстом гимна, книжные выставки о творчестве поэтов (тогда в стране были выпущены фронтовые открытки, посвященные новому гимну).

В конце войны вся страна стала оказывать помощь освобожденным от врага территориям. Наша библиотека собрала более 300 книг. Е.П. Дмитриева рассказывала, что из Белоруссии от школьников и их учительницы пришло благодарственное письмо за полученные книги.

Еще раз хочется поклониться библиотекарям военной поры: в суровые годы они несли читателям высокое чувство патриотизма, надежду на Победу.

Примечания

- 1 Центральный архив Нижегородской области. Ф. 3074. Оп. 1. Д. 2128. Л. 58.
- 2 Сегодня эти письма хранятся в семье Бурановых.

«...Там начиналась для нас Родина...»*

И.С. Корина

Это очень красивое место знают и любят не только жители Нижегородской области: здесь располагается дом отдыха «Лесной курорт». Построен он в глубине высокого соснового леса, на берегу Ветлуги в 1935 году ЦК союза автомобильной промышленности для рабочих Горьковского автозавода и завода «Красная Этна».

В годы войны «Лесной курорт» стал вторым домом для детей немецких, венгерских, румынских, финских, австрийских, японских антифашистов, домом для русских, англичан, французов, американцев. Сюда из Москвы было эвакуировано более 700 детей сотрудников исполкома Коминтерна (ИККИ) и Международного общества помощи революционерам, примерно сто сотрудниц ИККИ с грудными детьми.



Воспитанники «Лесного курорта». 1941–1944 годы.
Фото из личного архива Э.В. Бреславской

Многонациональный коллектив стал называться детинтернатом ИККИ. С первых дней шефство над ним взял народный герой Болгарии Георгий Димитров. Он поддерживал постоянную связь с ребятами, писал им теплые ободряющие письма. Без его резолюции не принималось ни одного более или менее важного решения, касавшегося детинтерната.

В короткие сроки были организованы ясли и детский сад. Ребятам постарше объединили в коллектив «Пионерский лагерь». Первого сентября в «Лесном курорте» открылась начальная школа, старшие дети стали посещать школу в Красных Баках, Ветлужской и Черепанихе.

Большие трудности по организации жизни и быта большого коллектива детей и взрослых легли на плечи сначала Л.М. Крылова — первого директора интерната, затем П.И. Кадушина, который приехал в «Лесной курорт» по направлению ЦК союза рабочих автопромышленности. В ноябре 1941 года, узнав о гибели на фронте своего брата, Кадушин добился отправки на фронт политбойцом. Директором интерната стал бывший директор Кунцевского дома отдыха Коминтерна В.В. Миндин.

Жизнь в интернате была организована четко, рационально. Завтрак, обед, ужин — в строго определенные часы для каждой группы детей и взрослых. Всем выдавались талоны в столовую — определенного цвета для каждой возрастной группы. Дети находились под постоянным наблюдением нянь, воспитателей и старших товарищей. Дисциплина поддерживалась строгая.

* В статье использованы материалы, переданные в Краснобаковский краеведческий музей Шеманихинской сельской школой, заслуженным работником культуры России М.А. Рыминой.



Народный герой Болгарии
Георги Димитров

Первый год жизни интерната оказался очень трудным. Не хватало самого необходимого. Приходилось экономить продукты. Вот как об этом вспоминает бывшая воспитанница интерната Вальтраут Шелике: «Еда занимала наши желудки, наши души, наш ум. По дороге в школу, вечером после уроков, утром после завтрака, и днем, и ночью, даже во сне кто-нибудь начинал говорить на тему, на которую мы же сами наложили строжайший запрет.

— А моя мама... — приступал очередной фантазер к созданию живописной картины тарелки жареной картошки с луком и колбасой.

Слушать это было просто невозможно, в воздухе немедленно начинало пахнуть, нос вбирал этот аромат, язык жаждал вкусить, а желудок властно, как настоящий бандит внутри тебя, требовал утолить его желания. И нельзя было не слушать, и нельзя было слушать»¹.

Требовалось топить сотню печей, а запасы дров в «Лесном курорте» оказались невелики. Пришлось заготавливать дрова своими силами. Первый субботник по их заготовке провели 7 ноября 1941 года. Работали все с подъемом, энергично. Дров заготовили много. Домой возвращались с хорошим настроением, шутками и песнями.

Постепенно интернат стал единой трудовой коммуной. Вся взрослая часть приехавших объявлялась мобилизованной. Рабочий день сотрудников был ненормирован. Кроме выполнения основных своих обязанностей каждый трудился еще и в подсобном хозяйстве. Воспитатели, няни, учителя, работники столовой, канцелярии объединялись по бригадам. За каждой из них закреплялся участок в огороде или в поле. Были бригады «капустников», «огуречников», «томатников», «морковников», «картофелеводов». Уже с осени 1942 года интернат полностью обеспечивал себя овощами.

Начиная с детсадовского возраста все пополю грядки, собирали лекарственные растения, ягоды в лесу. Дети постарше были настоящими маленькими тружениками. «Как мы трудились! Летом все в лапточках, в шароварах (чтоб не кусали комары), лы-

сенькие (чтоб не заводились вши). Мы обрабатывали огромные поля: пропалывали, собирали червей с капусты, сгребали сено, заготавливали веники липовые для скота, грибы, ландыши для госпиталей, шиповник, бруснику, клюкву и т. д.».

Наравне со взрослыми трудились старшеклассники. Как вспоминает В. Шелике, «в лесу пилили бревна, в проруби полоскали белье, из промерзлой земли выкапывали картошку, бросали по два огуречных семечка в лунку, угорали — жаль было выпустить тепло, ухаживали за свиньями».

Интернат имел животноводческую ферму, где были лошади, коровы, свиньи, овцы, куры.

Всеми сельскохозяйственными работами в интернате руководил ленинградский агроном Березин. Этот энергичный человек сделал многое для того, чтобы дети забыли о голоде. «Мичурин на полях интерната, вырастивший урожай, когда одна морковка весила 750 гр.! А горох был выше человеческого роста», — вспоминает В. Шелике.

Хорошим подспорьем к зимнему столу были грибы, шиповник, брусника, черника, клюква.

«Мы ведь чувствовали себя совсем родными, действительно одной семьей, созданной трудом, трудностями, смехом (мы много хохотали в наших спальнях и, честно говоря, много и баловались) и общей ненавистью к фашизму», — пишет В. Шелике.

Ненависть к фашизму и горячее сочувствие советским солдатам выражались в посильной помощи фронту: девочки вязали носки и варежки, шили и вышивали кисеты.

Все лето воспитанники «Лесного курорта» собирали лекарственные растения. Местная газета «Социалистическая стройка» в 1942 году писала: «Дети «Лесного курорта», стремясь помочь Красной армии в разгроме врага, собирают лекарственное сырье. Недавно они сдали 10 килограммов листа ландыша».

Как вспоминала Трудя Пфлаумер, за заготовку лекарственного сырья для фронта они однажды даже получили благодарность от командования, своеобразную премию — леденцы («в то время они были вкуснее шоколада для нас»).

Воспитанники интерната заботились о раненых воинах, которые находились на лечении в краснобаковском госпитале: ухаживали за ними, писали письма, устраивали замечательные концерты. Раненые с радостью встречали своих маленьких шефов.

С большим нетерпением и дети, и взрослые ждали вестей с фронта. Вместе с русскими радовались каждой победе Красной армии немцы, венгры, финны, японцы, поляки и представители многих других национальностей. Все вместе искренне верили в победу над фашизмом.

Каждый день для всех детей начинался с гимнастики. Были разработаны специальные комплексы упражнений для разных возрастных групп, отдельно для мальчиков и для девочек. Для всех была сшита спортивная форма.

Для укрепления дисциплины каждое утро проводилась линейка. На ней подводились итоги предыдущего дня, ставились задачи на предстоящий день. Воспитатели строго отчитывали провинившихся, отлучали тех детей, кто в каком-либо виде деятельно-

сти достиг хороших результатов. На линейке читали письма от Георгия Димитрова.

Часто проводились спортивные праздники и соревнования. Зимой — лыжные кроссы. Многие из воспитанников впервые встали на лыжи в «Лесном курорте». Летом проводились соревнования по бегу и плаванию. Старшие дети много катались на лодках, младшие совершали большие прогулки в лес, дышали свежим воздухом, любовались красотой природы.

Воспитанники постоянно находились под бдительным наблюдением врачей. Им вовремя делались все нужные прививки. Постоянно проводились профилактические мероприятия (чтобы не допустить вспышек эпидемий). Медицинские работники часто беседовали с детьми на гигиенические темы, давали элементарные медицинские знания.

В суровое военное время воспитатели и педагоги интерната «Лесной курорт» заботились и об эстетическом воспитании детей. Гордостью воспитателей и воспитанников были хор, танцевальная группа, драмкружок и оркестр народных инструментов. Часто выступали с концертами в колхозах, в госпитале, на сцене районного Дома культуры. Об этих выступлениях писала газета «Социалистическая стройка» за 1942–1943 годы. Вот одна из тех заметок: «Концерт силами воспитанников и воспитателей детинтерната “Лесного курорта” поставлен 29 ноября в районном Доме культуры.

Исполнялись музыкальные номера на скрипках под аккомпанемент рояля, шуточные танцы, хоры и сольные песни. Выступлениями руководила тов. С. Русакова. Замечательно исполнили коллективный танец ученики второго класса. Общее восхищение вызвала декламацией Дора Бобылева».

Все бывшие воспитанники с любовью вспоминают единственного на весь интернат музыкального руководителя С.А. Марголиса — человека, боготворившего музыку. Высокий, худой Соломон Абрамович напоминал детям мужественного и романтичного Дон Кихота. Он играл на различных народных инструментах, фортепиано, сам переписывал и транспонировал ноты для оркестра, хора и сольного пения, обучал ребят игре на скрипке.

Любили песни. В общежитии и детских комнатах распевали то протяжные старинные русские песни, то советские революционные, то песни времен Гражданской войны, то современные из популярных кинофильмов и задорные деревенские частушки. Пели вместе русские и иностранцы. Учили друг друга своим песням. Особенно любима всеми была песня:

*Далеко-далеко за морем
Стоит золотая стена,
В стене той заветная дверца,
За дверцей большая страна...*



«Лесной курорт» 1941–1944 годы. Бригада овощеводов

Детям думалось, что именно так будет, когда закончится война.

Настоящим фестивалем искусств становился Праздник урожая. Он продолжался целый день. Дети и взрослые могли увидеть результаты своего труда на большой выставке, где демонстрировались не только выращенные чудо-овощи, но и образцы солений и варений. Каждая бригада отчитывалась о проделанной работе, показывала лучшие концертные номера. Финалом фестиваля был праздничный обед. И здесь уже повара творили настоящие чудеса. Из самых простых продуктов готовились изумительные блюда. Чего только не было на том сказочном столе: лесные полянки с зайчиками, сказочные персонажи.

«Всех накормили, всех сберегли, никого не обидели, — говорила В. Шелике. — Всем им — педагогам, поварам и врачам, няням и администраторам, прачкам и уборщицам — поклон и благодарностью шлют из разных стран мира те, кого они во время страшной войны кормили, оберегали, обихаживали, учили человеческой мудрости и дружбе».

Много радости, ярких незабываемых впечатлений приносил детям Новый год. Даже в условиях военного времени взрослым удавалось создать для детей настоящую сказку. Вот как писала об одной удивительной елке в «Лесном курорте» корреспондент газеты «Социалистическая стройка» в 1943 году:

«Звонкие голоса дождоколат певиче и уверенно выводят мелодию задорной песни, кружится веселый хоровод вокруг красавицы елки, блистают дутые блестящие фабричные игрушки, но не уступают им по своей прелести и замысловатости самоделки. И в какую комнату ни загляни, одна другой краше и пышнее елки.

Проявили материнскую заботу о малышах руководительницы Г.К. Неселовская, Ф.П. Коган, О.И. Ващенко, А.Ф. Титова, К.П. Мезис и другие.

Радость воспитанников им не менее дорога, чем радость ребенка для матери, поэтому и не



«Лесной курорт» 1941 — 1944 годы.
Группа воспитанников детского сада.

жалели они ни сна, ни свободных минут, чтобы шить костюмчики для зайчат и лисичек, для лесных, с высокими колпаками, гномов. А сколько песен и стихов, сколько танцев и прибауток нужно было подобрать и разучить с детишками!

Зато и новогодний праздник получился сказочный. Его так и называли: «В лесном царстве»².

Опыт работы интерната уникален. За годы пребывания в «Лесном курорте» дети и взрослые из разных стран стали одной большой дружной семьей. Они хорошо усвоили, что война — это забота о защитниках Родины, труд на своем огороде, дисциплина в учебе, экономия во всем. Но главное, чему научились дети в интернате, это пронесенное ими сквозь всю жизнь глубокое чувство ненависти к войне как источнику огромных бед и несчастий и большая любовь к Советскому Союзу.

В 1944 году интернат был расформирован. Забирая своих детей, родители, нашли их подростками, здоровыми и бодрыми. Отец известного ныне журналиста Отто Лациса даже оставил письмо с искренней благодарностью работникам.

Может быть, эта страница истории нашего края оказалась бы забытой, если бы в газете «Известия» за 1972 год не появилась трогательная статья «По дорогам войны и мира» доцента Киргизского государственного университета Вальтраут Шелике.

Вальтраут Фрицевна Шелике — бывшая воспитанница «Лесного курорта». Дочь немецких коммунистов. Родилась в Берлине в 1927 году. Была очень энергичной и умной девочкой. В интернате ее звали ласково Травка. После войны она окончила Московский государственный университет. Жила и работала в городе Фрунзе.

Статья была написана после того, как В. Шелике вместе со своим младшим братом и его другом (тоже воспитанниками детинтерната) спустя тридцать лет снова посетила «Лесной курорт». «По нашим дорожкам ходили веселые отдыхающие. Мы были для

них новой группой, неудачно прибывшей — в дождь. И быть может, им, уже ожидавшим конца заезда, было странно видеть блеск в наших глазах, сияние радости, проступавших на наших мокрых от дождя лицах. Они не знали, что мы прибыли домой.

Мы были готовы ночевать под кустами, питаться грибами и ягодами — мы помнили их вкус, — лишь бы наглядеться на дремучие леса, найти ромашковую поляну, пойти на обрыв, забрести в ту глушь, что иногда являлась во сне...»³.

Эта статья дала начало большой поисковой работе. Ее организовал преподаватель истории Шеманихинской сельской школы Павел Михайлович Евстропов.

Перед войной он окончил педагогические курсы. В 1939 году был призван в армию. Затем — фронт, плен. Два раза бежал, но его ловили.

На третий раз побег удался. Дальше партизанский отряд и вновь фронт... После войны приехал в Шеманиху к своей невесте. Стал преподавать детям историю и задумал найти бывших питомцев интерната ИККИ, проследить их судьбы, чтобы передать ученикам эстафету интернационализма, любви ко всем народам земли и ненависти к фашизму. На его родной ветлужской земле Родина охраняла жизнь детей всех национальностей — и англичан, и немцев, и американцев, и венгров, и итальянцев, и румын, и французов — детей антифашистов всех народов планеты.

Учитель хотел, чтобы эта страница нашей истории не осталась за семью печатями от его учеников⁴. Группе «Поиск. Коминтерн» удалось найти примерно 70 бывших воспитанников интерната ИККИ. С тридцатью из них завязалась переписка.

Было очень мало надежды, что по прошествии стольких лет можно найти еще кого-либо из воспитанников. Тем не менее удалось разыскать еще одну бывшую питомицу детинтерната ИККИ. Это жительница Китая Чжэн Яохуа (Роза Анатольевна Алеева). В «Лесном курорте» она была вместе со своей сестрой Кларой и братом Синхуа. Из воспитанников интерната Роза Анатольевна хорошо помнит Отто Лациса, с которым сидела за одной партией.

В 1944 году из «Лесного курорта» их перевели в Ивановский интернациональный детский дом (ИДД). В этом детском доме Чжэн Яохуа с золотой медалью закончила школу. Затем училась в МГУ им. М.В. Ломоносова. Чжэн могла остаться в СССР, но ею «руководила мысль остаться верной интернациональным традициям, в духе которых... в ИДД, и как только представился случай... уехала в Китай, на родину своих предков, с тем, чтобы принять участие в развернувшемся там социалистическом строительстве».

В Китае работала по специальности в институте Академии наук КНР. Научной работе мешала «культура»

турная революция». Чуть ли не ежедневно выводили на политические собрания, демонстрации. Участие в них было строго обязательным. Чжэн сменила профессию — стала работать редактором-корректорщиком текстов на русском языке.

Поиск воспитанников продолжается.

Изыскания шеманихинских краеведов позволили организовать встречи бывших питомцев и сотрудников интерната ИККИ. Первая из них состоялась в 1976 году. На нее приезжала группа бывших воспитанников и работников детинтерната, живших тогда в Советском Союзе. Как они ждали этого волнующего события, как торопили дни, оставшиеся до встречи, как благодарили «за радость и счастье иметь возможность вернуться в страну детства».

Эмилия Владимировна Бреславская — детский врач из Москвы (бывшая Милочка, романтическая мечтательная девочка), собираясь на встречу, написала стихи:

Детство! Где искать тебя,
Ту девочку босую?
За рекой — Ветлугою
Спряталась за соснами.
Светится туманами,
Голубеет росами,
За рекой — Ветлугою
Спряталась за соснами.

Детство конопатое
И рыжеволосое,
Там оно счастливое,
Там оно не старится,
Речкой шаловливую
Пробегает к старице,
Да по лугу — по лугу,
Средь друзей — подруг,

Где цветет единственный
В мире синий лук.
Где костры да мельница,
И грибов не счесть!

Даже пусть не верится,
Есть все это, есть!
И другою девочкой,
Рыжей, конопатой,

Смотрит недоверчиво,
Ходит угловатую.
Там тебе не стариться!
Станут кудри косами!

Вот приеду встретиться
Под родными соснами,
Жизнь — с утра до вечера,
Все тобою спросится!

Кроме Э.В. Бреславской на встречу приехали инженер-полиграфист В.А. Стругач, литературный редактор одного из московских издательств М.М. Валюхова, геолог-палеонтолог, кандидат геологических наук И.А. Добрускина, ответственный работник аппарата СЭВ Гертруда Пфлаумер-Корнилова (дочь немецкого коммуниста, отдавшего свою жизнь за свободу Испании), преподаватель техникума Б.Ф. Дорфман-Пономаренко (дочь секретаря ЦК, члена политбюро компартии Бельгии Франсуа Морриенса,



Встреча в Шеманихинской школе бывших воспитанников В. Шелике с П.М. Евстроповым.



Встреча бывших воспитанников и сотрудников детского интерната ИККИ с шеманихинскими школьниками из поисковой группы «Коминтерн». 12.07.1976



Встреча бывших воспитанников и сотрудников детского интерната ИККИ. 1981 год



Алеева Роза Анатольевна
(Чжэн Яохуа)



Отто Лацис



Вальтраут Шелике

погибшего в феврале 1945 года в концентрационном лагере «Гроссрозен»), учительница З.П. Боровская, медсестра П.Б. Афанасьева.

Встреча была приурочена к открытию на главном корпусе дома отдыха мемориальной доски с надписью, что на его территории в годы Великой Отечественной войны находился интернат для детей сотрудников ИККИ.

Вторая встреча состоялась в 1981 году. На нее приехали гости и из-за границы — полковники Народной армии ГДР Вольфганг Шелике и Карл Хормс.

«Мы воспитывались в духе интернационализма и стремились передавать его подрастающему поколению в разных странах, — сказала в заключение В. Шелике. — Многие из воспитанников интерната живут сейчас в капиталистических странах, активно участвуют в классовой борьбе на стороне прогрессивных демократических сил. Все мы, дети суровой военной поры, помним наш интернат и сердечно благодарим всех его работников за заботу и любовь к детям антифашистов».

Много добрых и теплых слов было сказано о «Лесном курорте» и его работниках. Но самыми волнующими останутся слова Вальтраут Шелике:

«Нет прекраснее места на земле, чем «Лесной курорт». Там началась для нас Родина... И мы ее любили, Советскую Родину. Любили и любим сегодня мы, бывшие питомцы «Лесного курорта». Это была и есть Родина детства. Не вторая, а самая что ни на есть наипервейшая»⁵.

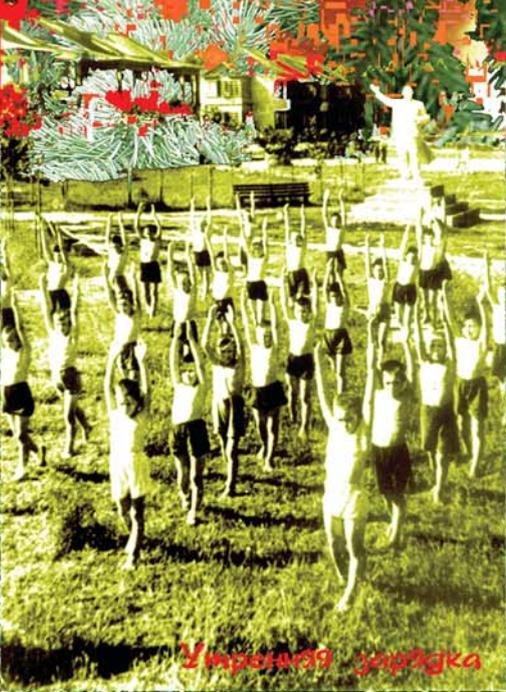
Примечания

- 1 Шелике В. По дорогам войны и мира // Дети военной поры, 1988. С. 218–222.
- 2 Пономарева М. В лесном царстве // Социалистическая стройка. 1943. № 3.
- 3 Шелике В. По дорогам войны и мира // Известия. 1972. № 219.
- 4 Она же. Родина // Дружба народов. 1988. № 9. С. 188.
- 5 Она же. По дорогам войны и мира // Известия. 1972. № 219.

Цветная вкладка:

- С. 1 — интернат ИККИ «Лесной курорт» 1941–1944 годы (материалы 44);
- С. 2 — город Горький — фронту (материалы 73, 78);
- С. 3 — полевая почта (материалы 91);
- С. 4 — Горьковский художественный музей (материалы 17)

"ЛЕСНОЙ КУРОРТ" 1941 - 1944



Утренняя зарядка



Оркестр и хор

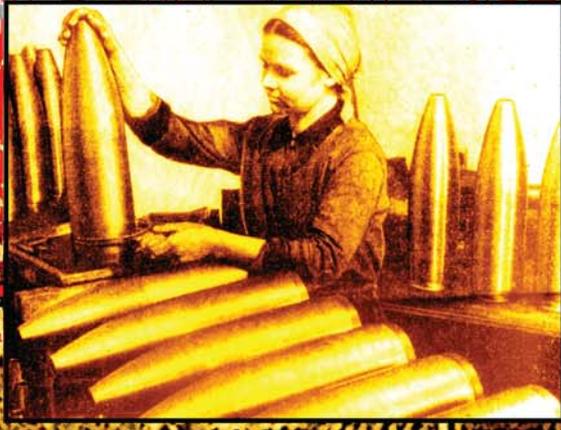
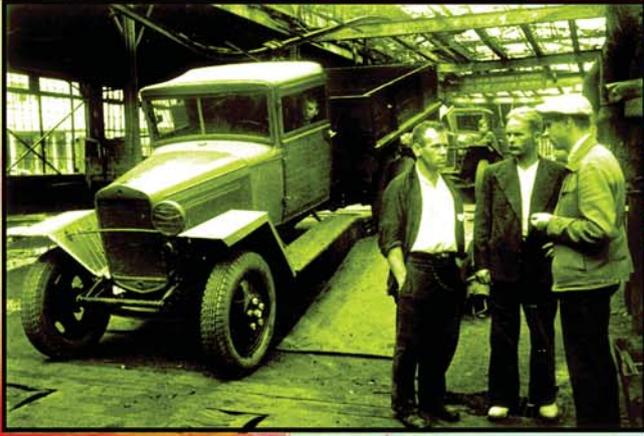


Заготовка гроб



Миложка Бреславская

Город Горький - ФРОНТУ



ПОЛЕВАЯ ПОЧТА

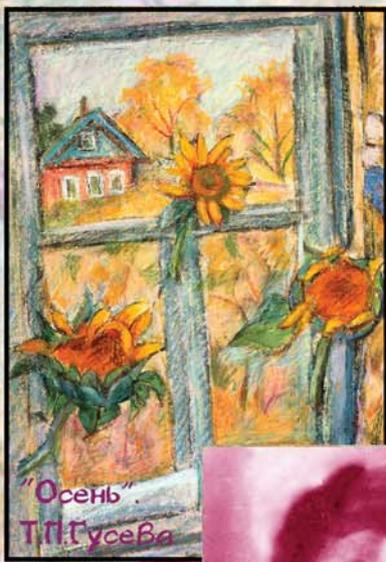


Д.С.Ф.Р.
 Обл. Ковровской
 Сельно-ветеринар. Района.
 Зиланковская ул. д. 40
 Зиланки
 Мельникова
 Полевая почта № 134
 Анисимович
 част. №

Мы кто же еще
 Родина наша
 Все впереди нас

1/1111 от Кузнецова
 Добрый день родная
 Нюра Зоя и Шура сидят
 уже # 19 над 1-е дека
 продолжаю оставаться
 жив и здоров, был во
 многих местах наших
 но как видите уже все
 в боях тыщесю в число
 лучших смель, как м
 меня так и мое подро
 Рение, конечно я не
 тивай что астануе
 потому, что об жи
 я не всеюкомис ^{мса}

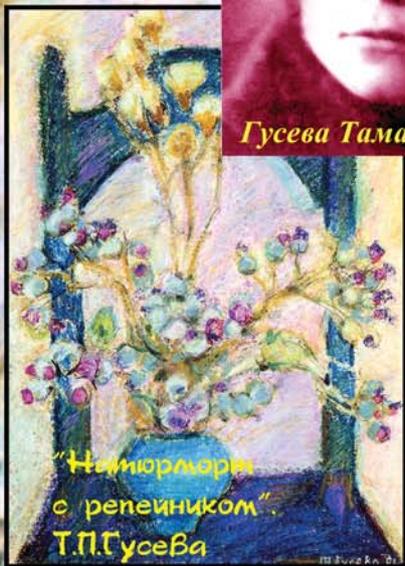




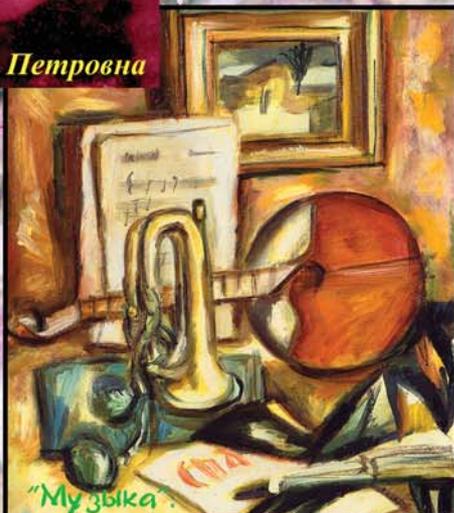
"Осень"
Т.П. Гусева



Гусева Тамара Петровна



"Натюрморт
с репейником"
Т.П. Гусева



"Музыка"
Т.П. Гусева



Сотрудники Горьковского художественного музея и художники
г. Горького в годы Великой Отечественной войны

Первые бомбежки города Горького в 1941 году

(Воспоминания очевидца)

С.М. Ушаков

Я, бывший рабфаковец, а потом студент-первокурсник физико-математического факультета Горьковского университета, после отмены стипендии и введения 2 октября 1940 года оплаты за обучение вынужден был поступить на работу электромонтером в Горьковское отделение треста «Центроэлектромонтаж» в группу наладки.

В отличие от монтажников, наладчикам приходилось часто менять объекты. И лишь на пуске второй очереди Автозаводской ТЭЦ мы работали продолжительное время. Здесь меня и застала Великая Отечественная война.



Ирина, Святослав и Зоя Павловна Ушаковы.
1943 год

Мой шеф — Борис Алексеевич Раевский, несмотря на свою молодость, являлся уже опытным электроинженером. Нашим объектом наладки стал главный пульт управления ТЭЦ. Мы быстро отладили цепи управления. Но этот пульт впервые был оборудован светящейся схемой всех агрегатов станции.

Включая схему, расположенную на высокой стене перед пультом, дежурная бригада сразу видела всю картину происходящего на станции и на всех объектах, получавших электроэнергию.

Все они обозначались на схеме линиями, квадратиками, треугольниками, кружками. Схема освещалась тремя цветами: красный цвет обозначал, что линия находится под напряжением. Зеленый показывал, что линия включена, но напряжение на нее не дается. Белый цвет обозначал, что линия полностью отключена от напряжения. При любой аварии схема включалась автоматически и звучала сирена. Место аварии начинало пульсировать, что позволяло дежурному инженеру принять на пульте срочные меры.

Работа со светящейся схемой забирала много рабочего времени. Кроме основного нашего дела на ТЭЦ, мы работали еще и на других важных объектах. Несколько дней срочно налаживали в кузовном цехе первый сварочный полуавтомат, сконструированный для ускорения сварки танковых корпусов, выпуск которых готовился на заводе. Выезжали и на завод «Красное Сормово» для пуска электропечи большой мощности. И каждый раз торопились вернуться к работе над светящейся схемой: ТЭЦ работала на полную силу.

Приближались ноябрьские праздники 1941 года. Вторник 4 ноября был обыч-

ным рабочим днем. В 16 часов дежурной на главном пульте управления заступила новая смена. Наш рабочий день заканчивался в 17 часов. Главный инженер смены, милостивая женщина, в 16 часов 15 минут включила светящуюся схему и обнаружила, что один квадратик на схеме темный. Главный инженер обратилась к Раевскому, прося исправить дефект.

Устранить его было не сложно: с обратной стороны панели следовало вынуть темную колодочку с 12-вольтовыми лампочками трех цветов — красной, зеленой и белой и отверткой расширить прорезь в ножке штепсельной вилки, чтобы контакт стал прочным.

Борис Алексеевич поручил мне залезть на высокую стремянку за панелью и отыскать нужную колодочку. Стоя на вершине стремянки, я нашел колодочку, исправил контакт и поставил ее на место. В один голос и Раевский, и дежурная мне прокричали: «Хорошо!». В этот момент раздался сильнейший грохот. Мне показалось, что обрушился потолок. Со стремянки меня снесло, как пушинку. Обогнув панель, я вбежал в зал главного пульта, но все дежурные исчезли, и только в коридорчике, ведущем в машинный зал, я увидел спину Бориса Алексеевича. Он был близорук, а его очки свалились в момент неожиданного грохота. Я подобрал их возле пульта и быстро догнал его.

Группу беглецов с главного пульта управления возглавил техник Махно, за ним бежали инженер и две девчухи-практикантки из ремесленного училища автозавода, замыкали группу мы с Раевским.

Махно распахнул дверь в машинное отделение, и вся наша группа замерла: в обширном зале, через который мы должны были пройти к лестнице, не было никакой видимости, а стояла плотная стена непроницаемой пыли. Под ногами хрустели оконные стекла. Продолжать движение по залу было крайне опасно, так как отсутствовала уверенность в целостности перекрытия. Махно повернул нас в сторону корпуса распределительных устройств. В это пятиэтажное здание, всегда надежно запечатое, входили с величайшей осторожностью и только по специально выписанному наряду. Махно плечом вышибал двери — мы проходили галереями, где шли цветные шины трехфазного высоковольтного тока.

С пятого этажа мы спустились на первый. Слышалась беспорядочная стрельба зенитных пушек и крупнокалиберных пулеметов, стоявших на плоских крышах близлежащих цехов. Одна из девчушек тихонько причитала: «Ой, мамочка, ой, мамочка...» Я удивленно посмотрел на нее, мы встретились глазами, и она начала скороговоркой говорить: «Ой, папочка, ой, папочка...» Махно окликнул ее: «Ты чего?» Она объяснила, что в машинном отделении, откуда мы ушли, работает ее отец.

Минут через десять стрельба зениток прекратилась и наступила зловещая тишина. Мы стояли перед дверью во двор, и Махно рванул ее плечом. Пришедшая в себя инженер потребовала его возвращения на пульт, а мы с Б.А. Раевским вышли во двор. Перед нами предстала комичная картина: несколько охранников из караула ТЭЦ, вооруженные короткими

кавалерийскими карабинами, важно вышагивали, приложив ложе оружия к плечу и пристально вглядываясь в сероватое осеннее небо, готовые стрелять и поразить фашистский самолет, сбросивший фугаску.

На наше счастье, бомба не долетела каких-то ста метров до здания ТЭЦ. Ориентиром фашисту служила железнодорожная ветка, входившая в самую середину станции. Бомба упала между рельсов, разрубив их и развернув вместе с вывороченными шпалами на четыре стороны. В образовавшуюся воронку легко уместился бы одноэтажный дом. Мы постояли над воронкой, определяя, какой мощности был заряд, и тут увидели над Окой бомбардировщик.

Он шел на высоте кромки правого берега в сторону Мызы. Кресты на крыльях и фюзеляже четко выделялись, вызывая отвращение и ненависть. Нас поразило, что он летел не спеша, как бы высматривая свою жертву. Над ним появились, как футбольные мячи, темные шары разрывов зенитных снарядов. Это зенитчики с левого берега брали выше самолета, боясь стрелять ниже, чтобы не угодить в строения правого берега.

Жертвой фашиста стал главный корпус завода им. В.И. Ленина на Мызе, где в директорском кабинете проходило совещание руководящего состава завода. Сразу погибло более 190 человек.

Обогнув здание, мы подошли к главному входу, и тут со стороны Окского моста показались сразу три бомбардировщика, идущие рядом в нашу сторону. Ощущение было жутковатое, и мы ушли под гранитные своды огромного портала ТЭЦ. Опять энергично заработали зенитки со всех плоских крыш завода.

Мы стояли в широком коридоре первого этажа, каждую минуту ожидая удара. Рабочий день для нас закончился, но вахтеры сказали, что все проходные завода закрыты и всякие передвижения запрещены. Только в 19 часов открыли проходные, и мы пошли к выходу. На пороге ТЭЦ нас осветили языки пламени большого пожара — горели здания завода «Двигатель революции». Те три бомбардировщика не донесли свой злодейский груз до автозавода, сбросив его на ближайшего соседа.

Выйдя из главной проходной, мы увидели опрокинутый взрывом бомбы трамвай двенадцатого маршрута и воронку возле остановки. Стало ясно, что транспорта не будет и надо быстрее выходить из зоны заводов.

Мы с Борисом Алексеевичем зашагали не хуже олимпийских чемпионов по ходьбе. Только прошли открытую часть автозаводского шоссе и достигли первых домов возле Управления железной дороги в Канавине, как снова заговорили зенитки и засверкали трассирующие очереди. Мы вошли в подъезд первого дома, чтобы не получить ранений от осколков зенитных снарядов. Но как только стихала стрельба, мы продолжали свой путь.

Первый милицейский заслон нам встретился перед площадью Московского вокзала. Прохода на площадь не было. Боковыми улицами мы пересекли улицу Советскую и вышли к тыльной стороне Главного ярмарочного дома. Повернув на Окскую набережную, мы были поражены скоплением народа. Оказалось, что проход через Окский мост перекрыт це-

почкой милиционеров. Людей, работавших в Канавине, Сормове, на Автозаводе, оказалось так много, что они стояли на набережных очень тесно. Через мост пропускали только редкие автомашины. Грузовикам, проезжавшим через плотную толпу, приходилось снижать скорость, и этого было достаточно, чтобы кузов набивался пассажирами.

Мы с Борисом Алексеевичем учли это и стали поджидать удобного случая. Вскоре он подвернулся. Грузовик пытался проехать через толпу, и мы, помогая друг другу, через задний борт залезли в кузов. Другие залезли тоже, но шофер остановил машину, требуя освободить кузов. Завязалась бессмысленная перебранка, сверху я видел, что цепочка милиционеров, взявшись за руки, из последних сил удерживает напиравшую массу людей. Поняв, что уговаривать шофера бесполезно, а надо продавливать цепочку милиционеров, я, спрыгнув с машины, стал проталкиваться в первые ряды. Сбоку раздался крик: «Нажимай, ребята!»

Толпа вынесла меня в первый ряд. Милиционеры почувствовали, что им не сдержать напиравшую толпу, и разбежались к перилам моста, боясь быть растоптанными сотнями ног. Лавина народа хлынула на мост. С Раевским мы разминулись. Я бежал в первых рядах, крича «ура!», меня поддерживали, и мы быстро достигли верхней части дуги моста. Нам стали видны противоположный берег и толпа людей, желавших попасть на канавинскую сторону. Они увидели бегущих к ним людей, зашевелились, и повторилась ситуация прорыва через милицейскую цепь. И вот две толпы ошалевших людей неслись друг на друга. Мы оказались в лучшем положении, поскольку бежали под горку и количественно наши ряды были мощнее. Но все же я крикнул: «Держись правой стороны!» и постарался увлечь наш первый ряд с трамвайных путей ближе к правой стороне моста. Однако столкновения происходили, люди сшибали друг друга.

Прошло много лет, но этот жуткий топот бегущих ног в тиши лунного вечера 4 ноября 1941 года я четко слышу до сих пор. Было трудно понять тогда, а сейчас тем более, запрещение пешеходам проходить по мосту в моменты затишья стрельбы. Ведь повторись налет в этот час, фашистские налетчики смогли бы перебить из пулеметов безоружных людей, запрудивших набережные Оки.

Голодный, уставший физически и морально, я поздно вечером дошел до дома № 13 по тогдашней улице Фигнер. Мама и сестренка Ира сидели возле печки в прихожей, озаряемые тусклым светом копилки, так как возникли какие-то неполадки со светомаскировкой. Не пугая родных, я кое-что рассказал им о налете на автозавод. Не успели мы поужинать, как по радио вновь объявили воздушную тревогу. Во дворе у нас, как и в других дворах, были вырыты щели, но никто из жителей дома туда не ходил, а все сидели на ступеньках лестницы. Мне необходим был отдых, поэтому я ушел спать.

На другой день я с трудом добрался до автозавода. Двенадцатый маршрут трамвая еще не восстановили. Пришлось ехать до «Красной Этны», а там через Первый инструментальный поселок выходить на Автозаводское шоссе и продвигаться

пешком. Работать в этот день было трудно: каждый стук заставлял вздрагивать, хлопок двери напоминал выстрел. Не слышалось ни смеха, ни громких разговоров.

В обед мы узнали о чрезвычайном происшествии на крыше ТЭЦ. Пожарный, осматривая кровлю, заметил в одном месте пролом. Заглянув туда, он обмер: на прямооточном котле, подходившем под самый свод, лежала фугаска большого размера, продавившая крышу. Дрожа от страха, пожарный запер выход на крышу и доложил о случившемся начальнику. Группа саперов прошла на крышу и обезвредила «подарочек». Фашистский стервятник спикировал на ТЭЦ с предельной точностью, но подлетел к крыше так близко, что сброшенная бомба не успела развернуться и упала плашмя, продавив крышу. Поэтому взрыватель и не сработал. Было очевидным намерение фашистов в первую же бомбежку нанести удар по «сердцу» завода — его ТЭЦ. Но она выстояла.

5 ноября налет начался в 21 час. В ту ночь было сброшено множество зажигательных бомб. Когда утром 6 ноября мы опять шли пешком на работу по Автозаводскому шоссе, два столба черного дыма поднимались к небу. Это горели здания Главной конторы и отдела кадров. Сгорел компрессорный цех. Монтажников срочно призвали восстанавливать его. Через несколько дней и нас, наладчиков, направили на этот очень важный для завода объект. Трое суток мы не выходили из цеха. Питание подвозили в цех. Мы и спали на рабочем месте по три часа. В кратчайший срок компрессорный цех был восстановлен. К счастью, бомбежек в эти дни не было.

О них уже стали забывать. Поэтому, ложась спать, выключали радио. Но в ночь с 13 на 14 декабря мы вскочили от сильного грохота и звона разбитого окна в комнате. Быстро накинув на себя зимнюю одежду, мы с мамой схватили Иру, завернули ее в теплое одеяло и выскочили на лестницу. Зенитки надрывались во многих местах нагорной части города. Особенно мощно выделялись залпы тяжелых зенитных установок Горьковского зенитного училища на Ижорской улице. Вскоре стрельба прекратилась, и я вышел на улицу. Левее площади Свободы полыхал пожар.

Вернувшись домой, помог маме успокоить Иру и уложить ее в кровать. Верхнюю полукруглую часть окна, выбитую воздушной волной, пришлось заткнуть стареньким одеялом.

Пожар не унимался, и я побежал установить, где и что горит. Добравшись до площади Свободы, я увидел в проеме улицы Горького, что горят двухэтажные дома возле церкви Спаса. На фоне пожара виднелись силуэты людей, тушивших огонь. Подойти ближе было нельзя, так как на углу улицы стоял пост милиции. Через несколько дней у моей пятилетней сестренки возле лба появилась седая прядка волос.

Как мы отмечали приход Нового 1942 года, я сейчас припомнить не могу, но работу по 12–13 часов помню.

Вспомнил обо мне и райвоенкомат. Несмотря на мою нестроевую статью 31 (порок сердца), он прислал мне повестку: явиться 3 февраля к восьми

часам утра, имея при себе документы, вещмешок и смену белья. Меня мобилизовали на нестроевую службу, направив в Рабочую колонну № 1683 при заводе «Ява» в городе Дзержинске. Этот очень важный оборонный завод начали спешно строить в августе 1941 года возле железнодорожной платформы «Ворошиловская».

К февралю 1942 года завод уже выдавал для фронта этиловую жидкость, служившую добавкой к авиационному бензину. Она повышала КПД авиационных моторов, исключая губительную для них детонацию. Предприятие было секретным и очень вредным для здоровья рабочих.

Бомбежки автозавода продолжались весь 1942 год. Особенно интенсивно они проходили весной 1943 года. Тогда я уже работал на «Яве», а ночами дежурил на крыше электроцеха как пожарный...



Добровольцы. Город Горький, 1941 год.
Фото Н.М. Капелюша

Воспоминания

Т.Г. Брилкина

Родилась и выросла я в Воронеже. В 1939 году поступила на химфак Воронежского государственного университета (ВГУ). 22 июня 1941 года была в фундаментальной библиотеке ВГУ. После объявления по радио о начале войны побежала в актовЫй зал на митинг. Мальчики с курса тут же стали записываться добровольцами и в первые дни войны ушли на фронт. Третий год моего обучения в университете прошел для нас, студенток химического факультета, в тревоге за отцов и братьев и ребят с курса, которые воевали. Многие пропали без вести. Фронт приближался к городу, но до самых страшных дней (1–4 июля 1942 года), когда немцы круглосуточно бомбили город – университет работал.



Т.Г. Брилкина. 1950-е годы

В течение этого года девушки-студентки нашего курса окончили курсы санинструкторов, телефонисток и трактористок. Рыли окопы, работали санитарками в госпиталях...

Весной 1942 года студенческими тракторными бригадами университета была проведена посевная кампания в Бутурлинском районе на юге Воронежской области. Работали там на тракторах «Универсал», которые заводились огромной ручкой — наваливались на нее всей тяжестью — две-три девчонки. К сожалению, труды наши пропали: убрать урожай нам не довелось. Не смогли мы и сдать экзамены в сессию. 5 июля 1942 года немцы взяли Воронеж. Буквально за несколько дней захвата города ВГУ был срочно эвакуирован в город Елабугу Татарской АССР. Уехали ректорат, архив, очень небольшая часть оборудования. 6 июня по расписанию мы должны были сдать экзамен по органической химии...

Наша семья потеряла все — сгорели наш дом, вещи, документы. В самом начале июля немцы страшно бомбили город. Одна группа бомбардировщиков сменяла другую. Очень хорошо помню начало бомбежки. Я была на Московской улице у школьной подружки, когда начался этот ад — все рушилось, свистело, грохотало. Начались пожары. Мы в ужасе выскочили на улицу, и я побежала домой — на 5-ю Беговую Ямской слободы. Я бежала и молилась: «Только не в нас, не в наш дом, Господи, пронеси!». Кругом вой от летящих бомб (они были снабжены какими-то воющими устройствами). То тут, то там — черный дым и пламя. Добежав до угла улицы Радищева, я поглядела вдоль улицы — наш дом был цел, я припустилась бежать. Во дворе метались женщины



Сотрудники кафедры органической химии
(слева направо): Б.Н. Морыганов, Е.И. Федорова,
Т.Г. Брилкина, Г.А. Разуваев, Н.С. Василейская,
М.С. Федотов. 1982 год

ны — мама с Инкой на руках, тетя Вера, тетя Паша. Не знали, что делать, куда спрятать себя и детей.

В саду была вырыта щель (рыли дядя Гриша Помбзоев, Анатолий Варваркин). Папа же наш был еще в 1941 году эвакуирован с заводом им. Коминтерна под Свердловск, где делали «катюши». Мама не поехала с ним — немец далеко, как можно бросить дом, хозяйство, и дети учатся. Отец плакал, но мама была неумолима.

К счастью, у меня сохранилась зачетная книжка, так как в июне–июле я носила ее с собой — сдавала зачеты. Понадобился год, чтобы я смогла добраться до Горького (в те времена он был закрытым городом, и требовалось особое разрешение на въезд в него). Добирались мы с мамой и младшими сестрами до Горького где на крыше, где в тамбуре товарных составов или в теплушках с ранеными бойцами летом 1943 года. Перед началом учебного года я сидела в кабинете декана химфака Горьковского университета. Деканом факультета был в это время И.М. Коренман. Израиль Миронович незадолго до этого защитил докторскую диссертацию. Он же заведовал кафедрой аналитической химии. Принял меня декан хорошо, хотя смотрел со странным чувством удивления и сострадания: так как сидевшая напротив молоденькая девушка выглядела не совсем обычно — на ней была большая мужская рубашка, нелепая юбка, сшитая из серого солдатского одеяла, на ногах — растоптанные мужские ботинки. В дрожащих руках я держала зачетную книжку. Поскольку имелась некоторая разница в программе ГГУ и ВГУ и у меня не были сданы экзамены за второй семестр третьего курса, зачислили меня на третий курс. Так я стала студенткой химфака ГГУ.

Наш курс (приема 1942 года) был самый маленький за всю историю факультета. Нас было лишь 13 человек — 12 девчонок и один парень, которому так и не удалось окончить университет. Помню многих однокурсников: Олю Ухову, Шуру Порхуну, Сашу Овчинникова, Зину Гурвич, Олю Буклер, Раю Муллер, Сергея Надежкина.

Будет интересно, чему нас учили, кто учил, и как мы жили? Если сравнить учебный план обучения на химфаке 1941–46 года и 1984–85 года, то: было 22 дисциплины против 34 нынешних. Из них 16 дисциплин совпадающих — это основные предметы по химии — неорганическая химия, аналитическая химия, органическая химия, математика, физика и ряд социальных дисциплин. Не было таких предметов, как квантовая химия и строение вещества, радиохимия и химия высокомолекулярных соединений, охрана труда и охрана природы. Зато были такие курсы, как химия взрывчатых и отравляющих веществ, основы устройства противогазов.

До защиты диплома сдавались госэкзамены по основам марксизма-ленинизма и спецкурсу.

Сейчас студенты получают более универсальное образование. В наше время больше внимания уделялось основным химическим дисциплинам. Общие курсы по неорганической, органической и физической химии были большими, примерно по 200 часов (лекционных), но по физической химии — более 200 часов (лекционных). Подробно изучались методы получения, свойства веществ, вообще материи. Веществу придавалось весьма большое значение. Считалось большим грехом назвать какое-либо твердое вещество жидким и наоборот.

Нашими учителями были очень уважаемые и почитаемые нами профессора. Неорганическую химию читал профессор С.И. Дьячковский. Степан Иванович был приглашен в университет в 1932 году, когда произошла реорганизация химико-физического факультета университета в два факультета — химический и физический. Первым деканом химического факультета и стал С.И. Дьячковский, работавший до этого в Воронежском сельскохозяйственном институте. Будучи деканом (до 1939 года), Степан Иванович заведовал также кафедрой неорганической и коллоидной химии. Лишь в 1947 году произошло разделение кафедры на две: неорганической химии (заведование поручили доктору химических наук И.А. Коршунову) и коллоидной химии (остался заведующим Степан Иванович). Степан Иванович был увлеченным ученым и очень живым человеком. Благодаря его энергии на факультете сохранились новые кафедры и лаборатории.

Приглашались видные ученые. Стараниями Степана Ивановича на заведование кафедрой физической химии был приглашен крупный специалист в области физической химии и термодинамики А.Ф. Капустинский (ученик академика Н.И. Каблукова), который заведовал кафедрой до 1938 года.

Заведовать кафедрой органической химии был приглашен ученик академика А.Е. Фаворского доктор наук А.Д. Петров (он руководил кафедрой в ГГУ до 1946 года. После избрания членом-корреспондентом АН СССР он вернулся на работу в Институт органической химии АН СССР). По его рекомендации на заведование кафедрой органической химии был приглашен Г.А. Разуваев. Органическую химию в годы войны читал А.Д. Петров. Александр Дмитриевич был крупным специалистом в области химии нефти. На кафедре долгие годы читался спецкурс «Химия нефти» и велись научные исследования по развитию

химии моторного топлива. Научные работы сотрудников кафедры были связаны с получением новых высококачественных видов моторного топлива. За работы в этой области в годы войны Александр Дмитриевич был удостоен Сталинской премии и награжден орденом Трудового Красного Знамени.

По химии моторного топлива работала Е.И. Федотова (до недавнего времени работавшая на кафедре органической химии доцентом). Она была первой аспиранткой по органической химии на нашем факультете. Под руководством А.Д. Петрова на кафедре органической химии были синтезированы примерно 40 представителей углеродов разного состава, входящих в состав моторного топлива.

Благодаря исследованиям Александра Дмитриевича и его сотрудников была разработанная шкала октановых чисел, характеризующих бензин как моторное топливо. В военное время это стало важным открытием. Определенный вклад в него внесли также работы сотрудников и дипломников ГГУ. А.Д. Петров организовал прекрасную лабораторию органической химии, создав работоспособный творческий коллектив. Александр Дмитриевич обладал удивительной энергией, благодаря которой не только ставил и решал научные проблемы, но и внедрял в производство результаты научных исследований своих сотрудников.

Старшее поколение помнит, как Петров привозил из Москвы полные чемоданы и рюкзаки реактивов, обеспечивая выполнение научных работ аспирантов и студентов.

Физическую химию в 1941—1946 годах читал профессор М.Б. Нейман (он начал заведовать кафедрой физической химии после профессора А.Ф. Капустинского с 1939 года). Моисей Борисович был блестящим лектором и организатором. С его именем связана организация Научно-исследовательского института химии (НИИХ), которой фактически был открыт в 1940 году (официально открытие НИИХ при ГГУ произошло в 1944 году). Первыми лабораториями НИИХ были лаборатории полярографического и спектрального анализа и лаборатория кинетики. Идейным и научным руководителем этих лабораторий являлся профессор М.Б. Нейман. В первые послевоенные годы (1947—1949) лабораторией полярографии стал заведовать И.А. Коршунов. Позднее в лаборатории спектрального анализа защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертации Н.К. Рудневский. Он стал заведующим лабораторией, а лабораторию кинетики получил после ухода М.Б. Неймана в Институт химической физики АН СССР доктор химических наук В.А. Шушунов.

Научная работа кафедры физической химии в годы войны была тесно связана с новыми лабораториями НИИХ. Многие дипломные работы выполнялись студентами в лабораториях института. Направление научных исследований лабораторий определялось нуждами заводов Горького и Дзержинска. В институте создавались оригинальные конструкции полярографов, разрабатывались методики спектрального и микрохимического анализа, которые передавались в заводские лаборатории автозавода, авиационного завода.



Т.Г. Брилкина и Г.А. Разуваев. 1954 год

На четвертом курсе мы, студенты нашего небольшого курса, распределялись по специальностям. В то время имелись четыре кафедры (неорганическая и коллоидная химия, аналитическая химия, органическая химия и физическая химия). Нас же было всего 13 человек. Поэтому на каждую специальность попадало всего по три человека.

Я пошла специализироваться на кафедру физической химии. Тогда в НИИХ была создана еще одна лаборатория — технической химии, которую возглавил доктор физико-математических наук Давид Альбертович Франк-Каменецкий. Лаборатория находилась на третьем этаже (над органиками) в комнате, где работали Соня Демиховская и Ода Дьячковская. Это было до 1945 года. Помнится, я заходила в эту узкую, окнами во двор, вытянутую вдоль здания, комнату, где у Сони была ректификационная колонна для перегонки.

Свою дипломную работу я выполняла в институте, а вот Валя Фетюкова, по-моему — на химфаке. Тема ее дипломной работы «Диффузионная кинетика растворов меди в растворах хлорного железа». В.А. Фетюкова была первой дипломницей Давида Альбертовича (выпуск 1945 года).

Моя курсовая, а затем и дипломная работа были связаны с исследованиями процесса каталитического окисления изопропилового спирта в ацетон. В 1944—1945 годах известный сейчас метод получения ацетона Сергеева, Немцова и Кружалова только что разрабатывался. Работы эти были строго засекречены (сейчас студенты 3-го курса знают, что этот метод основан на получении гидропероксида кумола и последующего его разложения на фенол и ацетон). В производстве, в том числе и на Дзержинском заводе «Оргстекло», в широком масштабе получают ацетон окислением изопропилового спирта. Ацетон же шел на производство органического стекла, в котором очень нуждалось военное самолетостроение.

Получение ацетона из изопропилового спирта в производстве было не совершенным. Лаборатория технической химии НИИХ занималась исследованием процесса окисления изопропилового спирта как



Т.Г.Брилкина и В.А.Шушунов. 1956 год

в направлении создания физической теории (изучения термического режима), так и в чисто химическом направлении — изучались необычные продукты и влияние природы, и количество катализатора на выход ацетона. Целью моей дипломной работы являлось изучение выхода и состава продуктов окисления изопропилового спирта на медном и серебряном катализаторах.

Очень хорошо помню время, проведенное в лаборатории, когда я работала бок о бок с Давидом Альбертовичем. Состав лаборатории был небольшой, но дружный (старший научный сотрудник Н.Н. Знаменский, младший научный сотрудник В.В. Фетюкова, младший научный сотрудник Израиль Евсеевич Сальников — выпускник физико-математического факультета ГГУ, ассистент кафедры технической химии, затем аспирант Давида Альбертовича Софья Захаровна Демиховская, лаборант Елена Ефимовна Франк-Каменецкая, дипломница Т.Г. Брилкина. Короткое время на кафедре технической химии работала О.С. Дьячковская).

Все делалось своими руками. Готовились трубчатые печи, где проводилось окисление изопропилового спирта для определения состава газовой смеси, различные катализаторы (очень кропотливая и тонкая работа по осаждению меди или серебра на пемзу). И всегда рядом был Давид Альбертович. Замечательный человек (металлург и математик по образованию), влюбленный в химию и... звезды, Давид Альбертович читал факультативный курс «Теория звезд». Мы с большим интересом слушали этот увлекательный курс о жизни горячих тел в далеком и таинственном космосе.

Давид Альбертович окончил Томский технологический институт, получив диплом инженера-металлурга. Родился же он в Вильнюсе (1910) в семье ученого-химика, впоследствии профессора Иркутского университета, так что о химии знал с детства. После окончания института работал на горнообогатительном заводе. В начале 1935 года Давид Альбертович написал академику Н.Н. Семенову в Ленинград письмо, в котором обсуждались проблемы химической термодинамики.

Талант автора письма был настолько очевиден, что его пригласили в Институт химической физики АН СССР. Умер Д.А. Франк-Каменецкий 2 июня 1970 года.

В 1938 году Франк-Каменецкий защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата химических наук (выполненную в Ленинграде в ИХФ АН СССР). В 1943 году Давид Альбертович стал доктором физико-математических наук, и возглавил кафедру технической химии на химическом факультете Горьковского университета.

С 1956 года и до конца жизни работал в Институте атомной энергии им. И.В. Курчатова. Одновременно он возглавлял кафедру физики плазмы в Московском физико-техническом институте.

Свою дипломную работу я выполняла под руководством Франк-Каменецкого, но защищала уже без него. У меня сохранилась фототелеграмма, в которой Давид Альбертович сообщал свои московские телефоны для консультации перед защитой дипломной работы.

По результатам моей дипломной работы в лаборатории технической химии были сделаны некоторые рекомендации для дзержинских заводов.

Проблемами окисления различных органических веществ я занималась и после защиты дипломной работы, оставшись в этой же лаборатории. С приходом Г.А. Разуваева на факультет (1946) лаборатория технической химии была переименована в лабораторию органической химии. Все сотрудники, в том числе и я, стали заниматься исследованием радикальных реакций в жидкой фазе. Так я стала органиком (до 1954 года). Выполнив и защитив кандидатскую диссертацию под руководством Г.А. Разуваева, я вернулась к работе в НИИХ, но уже в лабораторию кинетики.

Можно много добрых слов сказать о преподавателях химфака, передававших свои знания и опыт студентам моих лет. Среди них Михаил Сергеевич Малиновский, Нина Ивановна Малюгина, Александр Васильевич Рябов, Юрий Артурович Ольдекоп.

Я защитила дипломную работу без Давида Альбертовича. В те времена студенты перед защитой сдавали два госэкзамена. Мне надо было сдать основы марксизма-ленинизма и физическую химию (общего курса у Давида Альбертовича не было, хотя кафедра, как таковая, короткое время существовала).

Давид Альбертович уехал в мае 1946 года, а приехал он в Горький в 1943 году. За это время он успел поработать проректором ГГУ, заведовал кафедрой технической химии и руководил лабораторией с таким же названием в НИИХ. Под его руководством выполнены дипломные работы В. Фетюковой и мной, диссертация С. Демиховской. На госэкзамене по физической химии меня «завалил» Моисей Борисович Нейман, задав несколько вопросов, касавшихся парадоксов в физической химии (он любил поражать воображение студентов парадоксами по химии на своих лекциях).

Я, конечно, не ожидала такого подвоха и растерялась. Как после моей диссертационной защиты сказал Израиль Миронович Коренман (он был чле-

ном госкомиссии), М.Б. Нейман сделал это умышленно. Не помню точных слов, но как я поняла, у Моисея Борисовича с Давидом Альбертовичем был какой-то конфликт, что отразилось на мне.

Помню, как я стояла у двери в нашу лабораторию на первом этаже института и как меня утешали «почти доктора» Н.К. Рудневский и В.А. Шушунов, что это все ерунда, игра Моисея Борисовича, все устроится.

Давид Альбертович был потрясен таким оборотом дела, звонил, разговаривал с Н.Н. Знаменским. Вероятно, у него был разговор и с Моисеем Борисовичем. В результате Коренман тут же написал мне характеристику с просьбой дать возможность защитить дипломную работу в сентябре. Эта характеристика лежит у меня вот уже 43 года...

В сентябре я сдала физическую химию на «хорошо» и отлично защитила дипломную работу. Моисей Борисович взял меня в свой институт в лабораторию технической химии. Давид Альбертович прислал отличнейшую характеристику с рекомендацией считать меня младшим научным сотрудником. Претерпев позор «завала» спецпредмета, я вернулась в свою лабораторию.

Давид Альбертович осуществлял научное руководство, но я не помню, чтобы он приезжал в Горький, когда лаборатория еще числилась лабораторией технической химии.

В декабре 1946 года приехал Г.А. Разуваев и стал заведовать кафедрой органической химии, а в 1947 году решался вопрос о создании лаборатории органической химии в институте. Я точно не помню, когда это случилось. Но впервые мы, сотрудники лаборатории технической химии, которую было решено передать Григорию Алексеевичу и переименовать в лабораторию органической химии, увидели Г.А. Разуваева, пришедшего познакомиться с нами, в зимнем одеянии. На нем было темного цвета полу пальто или крытый сукном полушубок с большим из рыже-белого собачьего меха воротником. Так что это было или зимой, или весной, но не осенью. У меня есть фотография, подписанная ноябрем 1947 года. На ней сняты мы в лаборатории и сидит за письменным столом Наташа Василейская, первая аспирантка Григория Алексеевича. Я думаю, что все разрешилось в первые месяцы 1947 года, поскольку Наталья успела сдать вступительные экзамены и к ноябрю уже работать над темой. Лаборатория технической химии, а с 1947 года органической химии, помещалась на первом этаже института (Верхне-Волжская набережная, дом 11). Рядом с квартирой Д.А. Франк-Каменецкого, а потом Григория Алексеевича (по приезду в Горький Г.А. ютился несколько месяцев у какого-то профессора. Когда уехала Елена Ефимовна Франк-Каменецкая с родителями в Москву, эту квартиру передали Разуваеву).

Лаборатория — большая комната на первом этаже с балконной дверью, выходившей на площадку небольшой, но широкой каменной лестницы (несколько ступеней), спускавшейся в левую часть усадьбы, где были деревья и небольшой цветник, в разведении которого деятельное участие принимал Григорий Алексеевич. Мы любили сидеть на ступенях лестницы.



Г.А. Разуваев (в центре) и Т.Г. Брилкина (справа)

Делать это приходилось часто, так как комната была единственная и находиться долгое время в ней было тяжело.

Дверь в лабораторию находилась напротив парадного входа в институт, который был закрыт (ходили через маленькую боковую дверь). Парадный вход в здание-дворец имел две двери, между ними был просторный пролет с двумя-тремя широкими ступенями, над ним — защитные антресоли. На них был устроен склад всякого нужного и ненужного оборудования. Лаборанты впахивали туда свои ящики, приборы для временного хранения. Оказалось, что именно в этом месте через много лет (когда здание перешло в руки общества «Знание») был обнаружен тайник с антиквариатом бывших хозяев дворца.

Лаборатория — большая светлая комната с большими окнами. В лаборатории технической химии работали: Валя Фетюкова (сейчас В.В. Грызина) — младший научный сотрудник, Николай Николаевич Знаменский — старший научный сотрудник, докторант Академии наук Изя Сальников, лаборант Мария Ивановна Стецюк и я. Меня закрепили за Н.Н. Знаменским. Я занималась газовым анализом смесей, образующихся в экспериментах Николая Николаевича.

С приходом Григория Алексеевича к концу 1947 года состав лаборатории пополнился А.И. Субботиной, аспиранткой Н.С. Василейской, затем появились М.А. Шубенко, препаратор Коля Новоторов. Несколько месяцев 1947 года и последующего 1948-го (до 1 апреля) тематика Николая Николаевича сохранялась, я работала с ним.

Научное руководство осуществлял Давид Альбертович заочно. Николай Николаевич Знаменский завершил свою докторскую диссертацию, и мне была запланирована диссертационная тема «Ингибирование распада углеродов в электрическом разряде». Сохранившийся у меня план работы младшего научного сотрудника Т.Г. Брилкиной подписан руководителем к. т. н. докторантом АН СССР Н.Н. Знаменским и согласован с зав. лабораторией органической химии НИИХ, профессором доктором химических наук Г.А. Разуваевым.



Т.Г. Брилкина

В работе предполагалось исследовать действие окиси азота, паров железа и алюминия на распад ацетилена, этилена и метана в электрическом разряде и установить количественные зависимости протекания процессов распада в различных условиях опыта. В пояснительной записке говорилось, что работа связана с решением основного практического вопроса — максимального и наиболее экономически выгодного превращения метана в ацетилен.

Конкретная задача вытекала из установленного в 1944 году Давидом Альбертовичем факта, что окись азота ингибирует термический распад ацетилена. Позднее (1946) обнаружено было ингибирующее действие паров некоторых металлов (железа, алюминия) на распад ацетилена в электрическом разряде. Это действие проявилось в значительно более сильной степени, нежели действие окиси азота. В записке фигурирует такая фраза: «...В последние годы приобрели большой интерес вопросы действия окиси азота при термическом распаде углеводородов и некоторых металлоорганических соединений». В этом я усматриваю прямое согласование с Григорием Алексеевичем Разуваевым. К сожалению (почему же «к сожалению»... иначе я не работала бы у Григория Алексеевича и не была бы тем, что есть), план работы с подробным описанием экспериментальной части остался на бумаге. Вскоре Н.Н. Знаменский перебрался в Москву, защитил там докторскую диссертацию и остался работать в одном из НИИ АН СССР, Изя перешел работать в ГИФТИ, а я стала металлооргаником.

Курс наш был очень маленьким — 13 человек — нынешняя подгруппа, но дружным. В общежитии, правда, жили кроме меня еще два или три человека. Остальные были горьковские. Жила я в общежитии на улице Ульянова, в комнате № 41. Было голодно, холодно, но, как и все в то время, мы почти не болели. Ели в основном картошку во всех видах. Почти не видели сливочного масла и мяса. Картошка и капуста в общежитии были общими. Если удавалось привезти из деревни что-либо, все делилось поровну на всех живших в комнате. Самой вкусной

картошкой была испеченная в сушильном шкафу лаборатории. Любили ее и наши руководители.

Одеты были просто, не говорю о себе, но даже горьковские девочки, жившие с родителями, одевались очень скромно.

Больше, чем голод, запомнился с тех времен холод. Мерзли в общежитии, на лекциях, в лабораториях. Часто слушали лекции зимой в пальто, профессора читали их тоже в пальто. Нехватку топлива ощущал весь город. Поэтому студентов в трудовые семестры (а это было в июле и сентябре) привлекали не на уборку урожая, а на лесозаготовки.

Мы валили лес, пилили, обрубали сучья, вязали плоты, наравне с редкими мужчинами-лесозаготовителями в Работкинском районе. Работали без понуканий и собраний. Мы понимали, зачем мы это делали. Работал весь факультет — студенты и преподаватели. Никто не болел и никто не убегал.

Вечерами пели песни военных лет и мечтали о Победе. А победа была близка. В 1943 году наступил перелом — от обороны наши войска перешли в наступление. 1944–1945 годы были тяжелыми. Но 9 мая приближалось, и мы жили, учились, трудились, пели и танцевали на вечерах, которые устраивали и на 1 Мая, 8 Марта, в ноябрьские дни и Новый год. Мы, старшие на химфаке, помним, что собирались вечерами в те времена гораздо чаще, чем теперь собирается молодежь. Были речи, самодеятельные концерты, танцы (именно танцы, а не топтание на месте) и задушевные песни, беседы.

Фотографии предоставлены Т.Г. Брилкиной

«...Война показала себя в городе...»

Л.М. Зерчанинов

Лев Михайлович Зерчанинов, Заслуженный работник культуры РСФСР, с 1966 года до 1990 года руководил Горьковским историко-архитектурным музеем-заповедником, одним из крупнейших провинциальных музеев Российской Федерации. Живет в Нижнем Новгороде., пенсионер. В настоящее время работает над книгой воспоминаний о своей жизни, в которой большое место будет уделено рассказам о том, как развивался музей в его время.

Предлагаем читателю фрагмент из будущей книги, в котором не совсем традиционно представлен г. Горький военной поры.



Л.М. Зерчанинов. 1946 год

О войне мы с отцом услышали на станции Арзамас, где поезд стоит долго. 22 июня было воскресенье, рано утром мы выехали на каникулы в Ягодное. Дорога как раз и лежит через Арзамас. После Арзамаса — еще несколько остановок. А выходить можно на разъезде Ревезень — и тогда через Тилинино идти в Ягодное... Я помню только людей у станционного репродуктора да помрачневшее лицо отца... Сообщение о войне не вызвало у меня каких-то памятных впечатлений.

...Война показала себя в городе. В «своей» семнадцатой школе мне уже никогда не довелось учиться: она к началу учебного года была занята под госпиталь. Занятия начались в школе № 20. Ее теперь нет, как нет 17-й, 23-й, в которой тоже пришлось поучиться. Но это потом.

А сейчас оказалось, что у нас новая учительница. Звали ее Анна Николаевна Новоторова. Жила она на Больничной улице (теперь Нестерова). Много лет спустя, по воле судьбы мне приходилось бывать рядом с ее домом, в доме гостеприимных Елизаветы Евгеньевны Поповой (наша художница в музее) и Кирилла Александровича Яковлева (завуч 14-й школы). Она хорошо помнила А.Н. Новоторову, но к этому времени старой учительницы уже не было. А она, пожалуй, единственная из школьных учителей, что запомнилась мне на всю жизнь своим добрым сердцем.

Занятия в школе шли. В классе появились новенькие — эвакуированные... Скоро наступили холода. В школе практически не топили, мы мерзли... Помню, Анна Николаевна рассказывала что-то о строении человеческого организма. Ей хотелось показать это на живом человеке. Из всего класса один Витька Хальзов решился снять рубашку на несколько минут.

Вскоре он посинел и затрясся... Все меньше мы играли на переменах, больше сидели, разглядывая учебники по истории, в которых почти все фотографии были густо зачеркнуты прошлыми владельцами...

Ввели «завтраки». Во вторую перемену приносили поднос с тонкими кусочками хлеба, чуть-чуть посыпанного сахарным песком. Сначала были такие, кто отказывался в пользу более голодных. Позже таких не припомню... И дома становилось все голоднее. Запасов в семье никогда не водилось. Не было их и теперь... У нас не было ни сада, ни огорода... А вскоре отца забрали на рытье окопов. Было такое. Следы этих титанических трудов еще и сейчас можно увидеть в наших краях... Часто стал болеть, особенно ближе к зиме. По дороге домой заходила Анна Николаевна, приносила «завтрак» — кусочек... Валенки были, но с худыми пятками. Бывало, идешь по всей Володарке, а из дыры в пятке тащится старый чулок, намотанный на ногу, да вот вывалившийся в дыру. Слабел организм, слабела голова... Бывало, чуть до школы доплетешься, хватя, а портфель с книгами, тетрадями, пеналами (носил свои и сестры) забыл дома... Плачешь, а идешь обратно... Как прошла зима, сейчас, спустя столько лет, просто не помню.

Летом 42-го мы с отцом уехали в деревню. «Женская» половина осталась, кажется, дома. Мы работали в колхозе. Что-то возили на телегах, насыпали горох в амбары... Помню шум молотилок, пыль, голоса.

Один месяц (кажется, в этом году — 42-м) пробыл вместе с сестрой в пионерлагере в Курмыше. Это на Суре. Везли нас туда долго на пароходе «Степан Халтурин». Кстати, я был там еще раз год спустя. Может быть, что-то путаю, но скорее так. Места красивые, речка Курмышка, какая-никакая еда регулярно. Удавалось даже иногда конфетку сберечь для сестры — она была в самом младшем отряде. У меня даже были кое-какие деньги: у чувашей покупали ягоды. За любые ягоды, за стакан, они просили рубль. Помню, Лешка Козлов, он жил рядом с роддомом на улице Фигнер, взял у меня взаимку трешку. Да так и забылось. Встретились через много лет, посмеялись. Тогдашняя трешница, на которую можно было купить три стакана ягод, к этому времени превратилась в три копейки, на что и пары ягод было уже не купить... Надо быть справедливым: пионерские лагеря многим помогли подкрепиться и уцелеть.

...Осенью 42-го я пришел в 5-й класс с опозданием на несколько дней: не могли почему-то вовремя приехать из деревни. Лето меня подбодрило, подкрепило. Жизнь казалась не такой страшной. В этом году решили разделить сначала классы в одной школе, а потом и школы на мужские (!) и женские. В 23-й школе, где предстояло учиться в 5-м классе, девочек отгородили по коридору какой-то фанеркой, у них был свой ход, у нас свой. Эта школа была там, где сейчас новый полиграфический корпус (ул. Варварская, 32).

Началось с того, что кто-то из учителей (а в 5-м классе их было уже много) в первый же день вызвал меня к доске что-то отвечать, попрекая меня уже

нахвattanными двойками. Я ничего не понимал, стал объясняться. Оказалось, злостный двоечник В. Хальзов выдал себя за меня и бодро хватал двойки («плохо»). Ну, все утряслось. А географичка-старушка запомнилась именно здесь, так как она увлеченно рассказывала о многих странах, особенно о Швейцарии, в которых побывала до революции, используя для этого летние отпуска. Мы вежливо делали вид, что верили в эти сказки...

Других учителей в 23-й школе я не запомнил... Вскоре наступили совсем тяжкие времена. Я часто болел, появились огромные фурункулы на лице, на шее... В школе приставали с непрерывными уколами то от одного, то от другого. Надо сказать правду: я ни одного укола в школе не дал сделать — умудрялся... Если раньше дежурные проверяли, чисты ли руки, то теперь учителя шерстили в голове и за воротом — у многих появились вши. Мать старалась держать нас в чистоте, и у меня насекомых не было...

Осенью отца взяли на фронт... Однажды он приходил на побывку, когда их, измученных в окружении, отпустили на несколько дней. Помню только, как стоял он у окна, наблюдая за налетами немцев. Рядом, на облвоенкомате, непрерывно били зенитки, шарили лучи прожекторов, горели Ленинский завод и автозавод, взлетела на воздух ни в чем не повинная хлебная лавка около Спасской церкви. Взрослым было страшно. Он так и сказал: «У вас тут хуже, чем на фронте. Там хоть у своей пушки, вроде, защищен... А тут... полная беспомощность...» На фронте его сделали артиллеристом, таскал с такими же бедолагами пушку. Вскоре он опять ушел...

А мы не боялись... Стояли кучкой во время тревог под огромным тополем, что рос около кузнецовского дома, слушали вой самолетов, следили, где вспыхнет новое зарево, подбирали прямо у ног горячие осколки зенитных снарядов, посмеивались над теми, кто бежал в бомбоубежища на откос.

Когда было тепло, ходили за многие километры на трофейные свалки за станцией Сталинская, в теперешнюю Кустариху... Чего там только не было. Особенно после битвы за Москву, после Курской дуги, Сталинграда... На обратном пути нас поджидали ленивые канавинские шакалы — хулиганье. Они отбирали что получше. У меня долго хранилась немецкая целенькая каска и штык — все со свалки.

Война делала свое черное дело. Ушел на фронт и не вернулся Ваня Рагулин — единственный сын Алексея Ивановича и Клавдии Митрофановны. «Ванюшка!» — рыдали они во дворе. Ушел и не вернулся Борис Павлович. Говорили, что его представили к Герою. Но кто знает... Умер на наших глазах Толька Климов (он — подросток — ушел без спроса с завода к матери, посадили, выпустили с туберкулезом) — склонился над тазом и истек кровью... Умер Витька Коробов. Ушел на фронт и отец В. Кузнецова — Никандр Владимирович. Но вскоре вернулся — полуслепой...

Нам — ребятишкам — по иждивенческим карточкам давали по 300 граммов полупропеченного хлеба. Бывало, если попросишь, то давали за 2–3 дня. А потом? Самым страшным было потерять кар-

точки. Я один раз нашел спичечный коробок с карточкой на хлеб за несколько дней. Была она на предъявителя. Никаких укоров совести я не испытал, когда получил по находке несколько кусков хлеба. Даже и не подумал тогда, что у кого-то не будет в эти дни хлеба.

Рядом (относительно рядом), на Ковалихе, была колбасная фабрика. И в какое-то время — мы проведали мигом — около ее проходной открыли ларек, в котором продавали — без карточек — мясной бульон... Очередь за ним выстраивалась большая, «давали» по сколько — не помню, но мало. В очереди крепких мужиков не бывало, и нас — мальчишек — звали таскать тяжеленные фляги из колбасного цеха. За это нам наливали бульон без очереди и столько, сколько вмещала принесенная с собой тара. Домой приносили емкость, в которой на доннышке улеживался довольно заметный слой мясных волокон. В этом бульоне можно было сварить суп — если было из чего (правда, продолжалось это недолго)...

Когда пошла американская помощь мне по карточкам достались сколько-то граммов яичного порошка и кусочек плавленого сыра красного цвета.

В войну мы — да разве только мы! — бедствовали страшно. В доме двое взрослых и двое детей. Взрослые были совсем не приспособлены к таким тяжким временам. Сестру на время отдали в детский дом им. Ансона, что возле Дома офицеров. Как ей там жилось? Не знаю. Может быть, хоть сыта была... Мать пробовала работать хоть где-нибудь. Помню, что работала в каком-то подсобном хозяйстве в Зеленом Городе. Дело было летом. Что-то перепало из еды...

Какое-то время она работала на каком-то хлебозаводе. Несколько раз она приносила, привязав к животу, горячие половинки ржаного хлеба. Радости тогда было! А, повзрослев, я понял, что она рисковала свободой — за меньшие дела давали астрономические сроки.

На углу улиц Ошарской и Володарского в те времена была небольшая пекарня. Пахло из нее свежим хлебом на всю улицу. Лучше этого запаха я до сих пор ничего не знаю. И лучше для нас — мелюзги — не было момента, чем тот, когда из нее в фургон через специальный лоток загружали хлеб. Когда лошаденка отъезжала, в лотке оставались довольно многочисленные крошки. Их-то горсточкой мы отправляли в свои вечно голодные рты...

Лето, даже во время войны, проходит быстро. Зима и в более путные времена тянется ужасно долго. Во время войны зима, казалось, не имеет конца. Ломали на дрова все, что ломалось — заборы, сараи, перила. Свои и чужие. Старались натаскать с Волги щепок. Покупали на что-то и «настоящие» дрова. Сами пилили и кололи. Почему-то всегда (видимо, покупали поздно осенью, когда становилось ясно, что зима на пороге и без дров явно не прожить) дрова оказывались сырыми. Разжечь их в подтопке (русскую печь — ясное дело — не топили) было неимоверно трудно. Не помогал даже керосин. Он прогорит, а дровам хоть бы что! Керосин покупать приходилось часто. Вот только как его «давали» — по талонам, по карточкам или без них — не



Л.М. Зерчанинов

помню. Примусы, керосинки, керогазы съедали керосина море. Жечь их приходилось не только для приготовления какой-либо еды. От них шло тепло. А если положить сверху целый красный кирпич — тепло шло и от него, причем долго после того, как керосинку погасят... И спички следовало экономить. Каждый спичечный «гребешок» доставался с трудом. Да, да! Кто-то изобрел спички в гребешках; маленькие спички — щепки и приклеенная полоска черт знает чего, от чего эти щепки загорались! Не помню, как они добывались. Не помню, как куряки добывали курево (я не курил). Табак, махорку в пачках продавали или обменивали на хлеб на рынке — это помню. Отец курил.

Когда дрова не брал керосин, надо было, используя малейшее загоревшееся, затлевшее место, раздуть. Чтоб из искры возгорелось пламя, надо было, используя свои неокрепшие детские легкие, дуть, дуть и дуть в это внушавшее надежду тлевшее местечко. Дрова шипели, плевались какой-то пеной... Но в конце концов разгорались. Велико было наслаждение сидеть у печки. Сушить мокрые штаны, валенки, носки — или что там их заменяло. На улицу приходилось выходить — а там дождь, слякоть, снег — потом греться у боковой стенки, сидя на родительской кровати. Иногда можно было залезть на чуть теплую печь (лежанку) под кучу какого-то тряпья. Были дни, когда, поев чего-то и угревшись на печи, я даже пел что-то (наверное, чтоб не плакать!). Слушать меня было некому. А на соседей я не реагировал, когда они стучали в переборку. Но было это редко.

До войны ли, во время нее ли — ходили мы, ребятня, со взрослыми в какой-то бор, по моим тогдашним представлениям, довольно далеко. Была при нас какая-то тележка, веревка, топорик. Рубить

в бору (у него было свое название, а какое?) запрещалось. На сборку сучьев, валежника лесники закрывали глаза. Но не мы одни такие были. Валежник утаскивали, кто жил к бору поближе. Бывало, с оглядкой, ломали засохшие сучья... Домой тащили полную тележку, да еще и через плечо сучки... Но все это, я думаю, капли в море. Знаю, что многие собирали коровьи лепешки, сушили их и топились ими. Топили и соломой... Но в деревне ведь надо было топить и летом. Попробуй в деревне летом не испечь хлеба, не сварить еду на ораву, еще скотине надо что-то припасти.

Учебный 1943–44 год вылетел из моей жизни полностью... В один из ледяных дней поздней осени 43-го шел я от Парфеновых. Вячеслав Павлович оказался нужен в тылу, на фронт не попал, и семья их не очень голодала. И время от времени я ходил к ним «в гости», зная, что тарелка супа — чаще всего с маленьким кусочком мяса — мне всегда обеспечена. Так было и на этот раз. Дошел я до угла Свердловки и Воробьевки и остановился, прислонившись к каменной стенке углового дома: страшная боль в легких не давала шагу шагнуть... Как дошел — не помню... С температурой 40,5° очутился в детской больнице на Арзамасском шоссе (пр. Гагарина ныне). Провалился долго. Кормежка плохая, но была. В палате температура не повышалась выше восьми градусов. Постоянно зябли под тонкими одеялами, просили еще. Было страшнейшее воспаление легких... Выписали из больницы — приписали к противотуберкулезному диспансеру, что на Краснофлотской. В направлении указали — прикорневая эритема. Было плохо. Родителям удалось достать путевку в детский санаторий для ослабленных детей в д. Тяблино Городецкого района. Как добирались туда — не помню. Помню только, что в большом деревянном доме было всегда тепло и чисто, кормили хорошо — по тем временам. Спали мы в «тихий час» без принуждения, гуляли в чистом сосновом бору вволю, а вечером никто не заставлял спать «по звонку». Была прекрасная пионервожатая-воспитательница. Молодая и — так уж нам, может быть, казалась — красивая. До того симпатичная, что я — когда она спросила, кто еще не вступал в пионеры, заявил — чтобы доставить ей удовольствие — что еще не опиионерился. Хотя, естественно, один раз вступал в школе, затем в больнице. И она перед строем полумертвых (или встающих из мертвых?) детей приняла нового пионера. Казалось, ей доставило удовольствие. Эта вожатая стала «предметом» тяжелейших переживаний Севы Голованкова. В городе он жил на улице Карла Маркса, был старше большинства из нас. Влюбился в юную вожатую со всем пылом юности. Помню, как мы сидели на опушке леса, на поваленной сосне, и он плакал навзрыд, рассказывая мне о своей любви... Говорил ли он что-нибудь своему «предмету» — не знаю. После Тяблина я его не встречал. Они были из Ленинграда и, видимо, туда и уехали.

Другого обитателя санатория — Витьку Цоппи, эвакуированного из Москвы — не запомнить было просто невозможно. Когда за окном темно, мы

все собирались в кучку, и Витька по несколько часов(!) пересказывал романы Дюма, рассказы Конан Дойля... Прошло более пятидесяти лет, а я до сих пор удивляюсь, как он мог запомнить столько и с такими подробностями, что у нас дух захватывало во время этих «чтений»... Много лет спустя я встретил имя рассказчика в «Литературной газете». Специализировался он на международной теме. В одну из поездок в Москву я разыскал его (по телефону) на работе. Поговорили, но повидаться не удалось: он уезжал в командировку в Польшу... Из Тяблинской эпопеи мне еще вспоминается югослав Войко Милованович. Его имя попадалось мне потом в «Огоньке»: в группе альпинистов они что-то покоряли. Но, может быть, это был и не он.

...В первых числах мая 1944-го я — в чем-то зимнем, в валенках — шлепал по лужам от пристани домой. Не думаю, что кто-нибудь обратил внимание на мою несуразную личность — тогда много бродило таких медленно воскресавших после тяжелейшей зимы...

Дома мне сказали, что две недели тому назад умер отец — 14 апреля 1944 года. Я подозревал это еще и в Тяблине, читая чересчур оптимистичные письма из дома... Поздней осенью 43-го отец пришел с фронта тяжело больной, где-то они попали в окружение, еле выбрались. Поддержки фронтовику, защитнику Отечества никто вовремя не оказал. Он и умер в госпитале, похоронен в Марьиной роще. Так я стал еще одним из миллионов российских сирот.

О дальнейшей своей жизни я думать не думал. И слава богу. В школу я, конечно, уже не пошел. Все больше сидел дома. С едой по-прежнему было плохо, делать я ничего не мог... Вскоре кто-то помог устроить меня в летний пионерлагерь в Александровке. Об этом времени сохранилась в «Горьковской Коммуне» за 44 год заметка какого-то корреспондента, побывавшего в Александровке: он там беседовал почему-то со мной и написал о своих безрадостных впечатлениях.

Вскоре (через несколько дней после начала смелых), собрав свои нехитрые пожитки и не предупредив никого, я ушел домой... Помню, приходила за мной оттуда воспитательница, уговаривала вернуться. Но, видимо, впечатления от Александровки были неприятными — туда я не вернулся... В этом же году пришла повестка из военкомата, в которой М.И. Зерчанинову предлагалось с котелком и ложкой явиться туда-то. Повестка долго валялась у нас, второй не последовало... Оставшиеся месяцы лета прошли где-то на Кудьме, где мать работала бог весть кем в каком-то подсобном хозяйстве...

А осенью пошел в шестой класс уже 19-й школы (пл. Славянская). Именно здесь стал замечать, что вижу слабо. Сел на первую парту. Соседом на два года стал Дима Соколов. В этом же классе учился Саша Мельников. Он многие годы потом работал в политехническом институте, заведывая кафедрой. Встречались мы довольно часто, когда я жил в микрорайоне в Лапшихе, он тоже. Моим одноклассником был Вениамин (Венка) Хлыбов. Я с ним долго поддерживал отношения, когда он уже стал генералом, профессором военной академии в Москве; во время

приездов в Горький я его всегда устраивал в «Россию». Учились также Саша Алейник, В. Кузнецов и другие. Школа была мужской. В. Хлыбов и А. Мельников звались в классе «слонами». Они резко отличались от остальных своей физической силой. Они, видимо, глядя на меня — полудохлого, взяли над мной негласное шефство. Оно сказывалось в том, что никто не смел меня тронуть пальцем без последующего возмездия. А когда в класс на подносах приносили бесплатные «завтраки» — куски хлеба с сахарным песком и мы все ордой бросались на дежурного уже, пожалуй, не столько от голода, сколько хулиганя, мой кусок, а то и 2–3, всегда оставался мне. Ну, в этом, я думаю, заслуга была не только «слонов», а и отсутствие жестокости в наших ребятах, которые уже понимали, что к чему... И никогда не вырывали кусок у голодного.

Учился я средне. Удивляюсь, как еще справлялся; особые неприятности были с математикой. Вел ее у нас директор школы Балов (Николай Николаевич?), звали которого мы «мяшок с картошкой», так как любимый его пример был «мяшок с картошкой да еще мяшок с картошкой». Было у нас еще «военное дело». Мы изучали винтовку, задохались в вонючих противогазах, маршировали — истощенные дети — под его команду. Если что-то нарушали, он останавливал «урок», ставил нас по стойке «смирно», заставлял вытянуть вперед руки и стоять столько, сколько ему надо. И так два учебных года — 1944/45 и 1945/46. Весной 1946 года были выпускные экзамены. Как-то я их сдал. Наша учительница (истории?) и классный руководитель Дубиновская заметила, бросив на меня взгляд:

«Что, Зерчанинов, даже на экзамены не мог надеть чего-нибудь получше?!»

А я не мог, действительно не мог: просто ничего больше не было... Да и был я в таком состоянии, что был равнодушен к тому, что на мне надето.



У карты Германии. Фото Н.М. Капелюша

Моей пятилетней сестренке это было не очень понятно, но память у нее оказалась цепкой:

Дневников я тогда не писала.
Я в песочек тогда играла,
И единственной музыкой стало:
Вой сирены и стук метронома,
Грохот пушек и свист зажигалок.
В темноте — мерцание копилки
У топящейся слабо буржуйки,
Вкус олифы и студня из клея,
И завернутый труп на парадной.
Похоронка, и мама — упала...
Дневников я тогда не писала.

Только не сказала она, как чуть не умерла, переев лепешек из дурынды, жаренных на олифе. Дурында — продукт для корма скотины, попавший к нам стараниями нашей добытчицы — маминной сестры. Она никогда не уходила с нами в бомбоубежище, а во время бомбежки, приговаривала: «Плюю на тебя, Адольф». После чего укладывалась спать...

Умирили соседи. В эти дни живые не успевали хоронить мертвых. Какое — хоронить — собирать в грузовые машины (видела такой фургон) и отвозить их в пункты, расположенные на кладбищах!

В нашей семье все поддерживали друг друга. Мама часто вспоминала, что мы, дети, все понимали и есть не просили. Однажды в минуту отчаяния на ее слова: «Давайте ляжем и не будем больше рыпаться, надежды нет» я ответила: «Мы должны выжить. Это будет наш удар по врагу». Я думаю, что это было влияние радио.

И опять О. Бергольц:

Он придет, ленинградский
торжественный мой день.
Тишины, и покоя, и хлеба
душистого полный.

О, какая отрада,
Какая великая гордость
Знать, что в будущем
каждому скажешь в ответ:

Я жила в Ленинграде
в декабре сорок первого года,
вместе с ним принимала
известия первых побед.

Сообщение о первой победе было действительно в декабре. Мы проснулись, слушаем радио: «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой!» Кричали «Ура!». Мамина сестра побежала за снегом. Грелись над буржуйкой, пили чай...

В апреле 1942 года было восстановлено трамвайное движение.

В мае подошла наша очередь в баню — дали по кусочку мыла. Стали работать школы. В подвале дома напротив был водопровод. Однажды очередь за водой разразилась хохотом. Оглядываюсь — кошка. Решили, что хитрая, коль ее еще не съели.

На Невском проспекте открылся кинотеатр «Художественный». Демонстрировали «Большой вальс».



Коней Аничкова моста сберегла ленинградская земля

Все эти победы были уже после того, как умерли наши тети. Младшей было 20 лет. Старшая тетя надорвалась, когда чистили город ото льда, фекалий и мусора. Дети от этих работ были освобождены, хотя я по просьбе мамы и выходила помогать тете.

После их смерти чуть и я не отдала Богу душу. Ноги в цинготных язвах, забытье, рвота. Спас меня сосед-офицер Шнитман, пришедший из окружения, исхудавший и заросший, с сухим пайком в вещмешке...

Я шла в школу, вдруг возник нарастающий глухой гул. Стало ясно (люди заулыбались, некоторые обнимались): артподготовка. Началось! Слышу над головой мужской голос: «Запомни этот день, девочка». Это было 13 января 1943 года. 18 января объявили о прорыве блокады. За эту победу наша семья заплатила очень дорого. В первых же боях погиб папа, пропал его брат — любимый всеми детьми дядя Саша. Мамин брат был ранен шесть раз.

Дядя Саша нашелся через три месяца в госпитале на Старо-Невском проспекте. Потом в этом здании разместилась администрация Смольного района. Дядя лишился обеих ног. В госпитале дежурили ученики нашей школы. После того, как у меня там случился обморок (под утро привезли тяжелоране-



ных), мама меня больше не пустила. Теперь, когда дядя Саша нуждался в нашей помощи, мы до самой его выписки два года ходили в госпиталь. Я подолгу там находилась. Научилась играть в шахматы, играла с его соседями по палате.

Весной 1943 года разбомбили нашу школу № 161. Погибли шесть учителей...

В январе 2004 года меня направили делегатом в Санкт-Петербург на празднование 60-летия полного освобождения Ленинграда от блокады. На съезде я стала искать своих однокашников. Одна из учениц той школы оказалась председателем петербургской организации блокадников. Мы обнялись, долго вспоминали. На мой вопрос, помнит ли она девочку, которую оставили в ту ночь с учителями (мама просила) и которая перед налетом сбежала через окно, она ответила: «Это я».

Летом 1943 года уже из другой школы наш отряд отправили вести огородные работы на правом берегу Невы (село Овцино).

Добирались долго, через Колпино: переплывали на каких-то плотках в районе Усть-Ижоры. Нам сказали, что там обстреливать не будут. После прорыва блокады немцы обстреливали и бомбили Ленинград с каким-то остервенением.

В сентябре 1943 года пятерым отличникам дали медали «За оборону Ленинграда». Мама пошла к директору школы, несмотря на мой протест. Я отличницей не была, ей же казалось, что ее дочь заслуживает медаль.

Я стояла в коридоре. Мне было стыдно. Мама перечислила мои болезни, отец погиб на фронте. Слышу: «Ни от какой работы она не отказывалась, надорвалась от разгрузки дров (посылали нашу школу постоянно, так как рядом был Московский вокзал), далее — огородные работы!»

Она им пообещала, что пойдет дальше. Еле-еле я отговорила ее от этой затеи. Я всю жизнь не испытывала той гордости, о которой говорила в стихотворении О. Бергольц: нельзя гордиться теми страданиями, которые выпали на мои детские годы. После окончания войны — субботники, воскресники, а то и с уроков снимали. В этнографическом музее, например, по расчистке зала от щепня работали даже в Пасху. Проходя мимо Спасо-Преображенского собора, увидела много людей, спросила, сказали — Пасха. Первый раз захотелось в церковь. Дома ни иконы, ни веры в Бога, а я стала ходить. Комсомолой не была.

Сегодня в парке Победы Московского района — настоящий лес. Мы ездили на пустырь в 1945–1946 годах сажать деревья. Лунки, помню, и саженцы. Только земля какая-то была странная, как будто зола. Много лет спустя я узнала, что там создан мемориал-часовня и установлена вагонетка на рельсах. Мы, делегаты съезда, возложили цветы.

Когда сестра прочитала мои воспоминания, помещенные во второй книге «Горьковчане в битве за

Ленинград», она возмутилась, что я много написала о театрах и кино.

Ходили с маминной сестрой в театр комедии, что над Елисеевским магазином, на «Коварство и любовь» — в самом начале блокады. Потом театр уехал, но остался театр музкомедии. Ходили мы и на оперетты. Ставили их и в академическом театре им. А.С. Пушкина. Однажды люди в зале забеспокоились, раздается гул, а на сцене поют, смеются. Выходим после спектакля — нас просят подождать: тревога.

Работал театр краснознаменного Балтийского флота на площади Труда. Только я там спектакли не видела, а ходила к судомойке за картофельными очистками (мама посылала). Однажды, переходя площадь, я попала под обстрел. Этого не забыть:

Я никогда героем не была,
Не жаждала ни славы, ни награды,
Дыша одним дыханьем с Ленинградом,
Я не героиствовала, а жила.

Мы с сестрой прожили интересную жизнь. Не часто вспоминали и рассказывали о блокаде. Да никого это и не интересовало. Сестра, как и я, стала архитектором. Она живет в Ленинграде, а я оказалась в Горьком.

Этот город мне стал родным. Пришлось много трудиться. Двадцать четыре года работала районным архитектором — Сормовского, Московского, затем Нижегородского районов. Весь 1979 год трудилась в Ленинградском ГлавАПУ...

В Ленинграде ходила по местам своих воспоминаний. Работала до 69 лет.

Сегодня я являюсь заместителем председателя общественной организации «Жители блокадного Ленинграда». Правление во главе с председателем Сергеем Сергеевичем Фогелем много делает для объединения блокадного братства. Традиционным стали встречи со школьниками, детдомовцами. Благодаря приглашениям руководства театров и филармонии блокадники посещают спектакли и концерты.



На улице блокадного Ленинграда

Фотографии блокадного Ленинграда предоставлены Н.Ю. Курепиной

Сто дней и сто ночей...

(По материалам фондов музея истории ОАО «ГАЗ»)

Н.В. Колесникова

Рожденный в 1932 году Нижегородский автозавод и сегодня занимает особое место среди промышленных предприятий страны. Его история неотделима от истории России. Особой вехой на пути завода стала Великая Отечественная война.

Коллекция материалов музея истории ОАО «ГАЗ», посвященных Великой Отечественной войне, начала комплектоваться в 1964 году. Центром ее стали музейные предметы, рассказывающие об одной из самых трагических страниц истории Горьковского автомобильного — бомбежках 1943 года.



Литейный цех Горьковского автозавода после бомбежки.

Июнь 1943 года.

Фото Н.Н. Добровольского

Впервые автозавод бомбили в самые ожесточенные дни обороны Москвы. 4 ноября 1941 года среди бела дня так низко, что была видна фашистская свастика на крыльях, самолеты пролетали над улицами Соцгорода, заводскими проходными и сбросили бомбы.

Пострадали в основном местные жители и беженцы из Москвы. Эти дни описал в своем дневнике (с ним могут познакомиться посетители музея) художник Центрального клуба Горьковского автозавода И.И. Пермовский. Его дневник — рассказ очевидца событий, подробный, правдивый. В дневнике имеются рисунки с натуры.

В феврале 1942 года немецкие самолеты подкрались к автозаводу так скрытно, что даже не была объявлена воздушная тревога. Зенитки молчали. Разрушения были небольшие. Пострадали стеклянные потолочные перекрытия и окна. Заградительный огонь зениток надежно защищал завод.

Но в июне 1943 года, готовясь к наступлению под Курском, немецкое командование решило нанести массированный удар по промышленным центрам Поволжья, в том числе и по нашему городу. Противник решил раз и навсегда стереть Горьковский автозавод с лица земли.

Разведка не располагала какими-либо данными о планах врага. Длительное отсутствие бомбардировки, успешное наступление Красной армии способствовали ослаблению бдительности.

В мае 1943 года немцы запустили дезинформацию о том, что 5–6 июня готовится массированный налет на Москву. Вечером 4 июня 45 двухмоторных бомбардировщиков «Хейнкель-111» из эскадрилий KG-27 и KG-55 поднялись с аэро-

дромов в районе Орла и Брянска, взяв курс на Горький.

В полночь первая группа самолетов вошла в зону зенитного огня. Из 45 самолетов к городу прорвались 20. Они повесили на парашютах примерно 80 осветительных ракет. Стало светлее, чем даже днем. Сбросили 289 фугасных бомб, 260 из них — на автозавод. Попытка прорваться к «Красному Сормову», авиазаводу № 21, заводу № 92 не удалась.

В первый налет из строя были выведены главный конвейер автозавода, рессорный цех, кузница № 3. В районе оказались разрушенными несколько домов и больница. Вспыхнули десятки пожаров, нарушилась подача воды, связь.

За оборону второго сектора ПВО, в котором находился и автозавод, отвечал 784-й зенитный артполк. Его орудия были на расстоянии 5–7 км от обороняемого объекта. Некоторые батареи располагались вокруг предприятия и даже на его территории.

Во время второго налета в ночь с 5 на 6 июня немцы сменили тактику: первые группы самолетов ринулись на подавление зенитных батарей. В налете участвовали 80 «Хейнкелей». Подходя к городу, они рассредоточивались и на разных высотах с разных направлений мелкими группами входили в зону ПВО. Выключив двигатели, они бесшумно снижались к цели.

Несмотря на то, что первый налет выявил много недостатков в организации ПВО, руководство корпуса ПВО не сделало своевременных выводов и не приняло мер по усилению противодействия налетам. В фондах музея истории ОАО «ГАЗ» хранятся планы завода: на них отмечены все попадания авиабомб летом 1943 года, журналы донесений вышковых постов Гражданской обороны, в которых зафиксированы все налеты немецких самолетов на предприятие. Наши посетители могут увидеть также остатки упавших на завод авиабомб, ручную сирену, с помощью которой давались сигналы воздушной тревоги, и многое другое. Эти реликвии действительно «воспитывают историй».

Самым сложным был третий налет (с 6 на 7 июня). В нем участвовали 157 самолетов. На этот раз снаряды зениток встретили немцев уже на подходе к городу.

Было разрушено 12 цехов, склады, депо. В Автозаводском районе полностью или частично разрушены десятки домов, АТС, поликлиника, райисполком, Центральный клуб, электроподстанция, отделение милиции. Особенно пострадал колесный цех.

Зенитки мужественно защищали завод. Пожарные и отряды самообороны тушили пожары, обезв-



Склад изделий смежных производств после пожара.
Июнь 1943 года. Фото Н.Добровольского

реживали десятки невзорвавшихся бомб. Медсестры оказывали помощь раненым. Несмотря на большие разрушения, предприятие продолжало работать. Некоторые самолеты с малой высоты поливали сооружения воспламеняющейся жидкостью. Поэтому завод горел, как тайга: пламя пожарища было видно за десятки километров. После налета немецкое радио объявило об уничтожении автомобильного завода.

Бомбежки продолжались до 22 июня 1943 года. Всего в ходе семи налетов немецкая авиация совершила 645 самолетовылетов, сбросив на город 1631 фугасную и более 3390 зажигательных бомб. Из них соответственно на ГАЗ — 1095 и 2493. По официальным данным погибло 282 человек, ранено — более 500 человек. Сбито 14 самолетов, из них зенитными батареями — 8, истребителями — 6. Несмотря на героические усилия ПВО, на заводе было разрушено 52 здания, 9000 единиц оборудования выведены из строя. Специалисты дали заключение: на восстановление предприятия потребуется несколько лет.

Посетители музея всегда задают вопросы: «Как допустили разрушение завода? Почему не сумели защитить? Кто виноват?»

Причины, конечно, были. В них попытался разобраться бывший зенитчик — доктор исторических наук профессор В.Н. Окороков.

Причин много. Самые главные: противник переиграл нас в тактике, у зенитчиков не было еще опыта, не хватало средств ПВО, не сумели организовать бой с воздушным противником. Командование страны не смогло обеспечить координацию действий районов ПВО.

Были сняты со своих постов командующий ПВО города Горького генерал А.А. Осипов и директор ГАЗ А.М. Лившиц.



Главный конвейер ГАЗа после налета вражеской авиации.
1943 год. Фото Н. Добровольского

8 июня на ГАЗ прибыла правительственная комиссия во главе с секретарем ЦК ВКП(б) А.С. Щербачевым. Сохранилось фото, на котором запечатлены члены комиссии: А.С. Акопов — нарком среднего машиностроения, К.В. Власов — главный инженер автозавода, Н.С. Кучумов — заместитель наркома, М.И. Родионов — первый секретарь обкома ВКП(б), И.К. Лоскутов — директор ГАЗ и С.З. Гинзбург — нарком строительства СССР. Комиссия выработала меры по восстановлению завода.

Оно началось уже во время бомбежки. Под открытым небом работали кузнецы, литейные цехи. 11 июня восстанавливать завод вышли 15 молодежных бригад, почти полторы тысяч жителей Узбекистана.

16 июня ГКО принял Постановление о восстановлении автозавода. В начале июля на нем работали 1500 молодых специалистов, через месяц — уже 3500. 14 июля пустили на полный ход кузницу. 18 июня вошел в строй литейный цех.

После 12 июля к работе были привлечены заводы не только нашего города, но и ряда других городов. Строители и монтажники прибыли из Сибири и Урала. 7 июля приступила к работе выездная редакция газеты «Правда». Ее листовки-молнии выпускались 120 дней. Все они хранятся в фондах заводского музея.

В восстановлении автозавода участвовали 35 тысяч человек. Работали сутками, несмотря на неустроенный быт, неимоверные трудности. Возродили завод за 100 дней и ночей. Это чудо произошло 28 октября 1943 года. Рапорт И.В. Сталину о восстановлении ГАЗа подписали 27 тысяч человек.

Все горячее время, с июня по октябрь, фиксировал разрушения и восстановление заводской фотолетописец Н.Н. Добровольский. Текст рапорта было

решено проиллюстрировать сделанными им фотографиями. Когда же собрали вместе фотокадры июня, картина предстала ужасающая. Послать такие фотодокументы вождю не рискнули. В коллекции музея — не только негативы Н.Н. Добровольского, но и рапорт И.В. Сталину.

8 июля 1993 года в музее автозавода состоялась встреча ветеранов, посвященная 50-летию восстановления Горьковского автозавода от последствий вражеских налетов. В ней приняли участие 50 очевидцев и участников событий лета 1943 года.

Ниже приведены фрагменты воспоминаний участников встречи.

Т.А. Позднякова — в 1943 году инженер-технолог ГАЗа:

«...Я работала в ЦКБ технологического отдела. Помню, после первой смены увидели «разведчика». Помню, как мы ошарашенно смотрели в небо, а «он» — черный с утробным звуком, летел по окраине Северного поселка в сторону Соцгорода. Ничто не нарушало его полета. А потом начались бомбежки, пунктуально, каждую ночь. «Он» развешивал «люстры» освещения. Ослепительный свет — все при нем проступало отчетливо и незнакомо. Дома цепенели под этим беспощадным светом, появлялось чувство незащитности, обреченности. Такого страшного белого света я больше никогда не видела. От него хотелось куда-то убежать, скрыться в тень, но тени не было.

Налеты шли волнами, отбомбившись, самолеты налегке, но с тем же противным утробным низким гулом уходили на запад. Каждое утро мы шли на завод и начали разбирать и убирать то, что осталось от разбойной ночи. Сортировали исковерканные, оплавленные станки, фермы цехов, поднятые на дыбы, целые пролеты разрушенных зданий. Человеческий

труд превращался в хаос. К концу смены мы кое-что расчищали, убирали, а утром следующего дня все начиналось снова. И все-таки завод работал в три смены.

Трупы убитых увозили на грузовиках. Помню, с каким ужасом я поняла, что везут убитых после бомбежки людей. Я шла по территории завода, передо мной остановился грузовик, задний борт был открыт — целая гора трупов.

На Главной конторе появилось огромное полотно с надписью:

“Дорогой автозавод, мы тебя строили, мы тебя защитим и снова отстроим!”»

Г.И. Зяблов — в 1943 году водитель-испытатель танков:

«...Главный конструктор завода А.А. Липгарт был не только отличным конструктором, но и быстро ориентировался в сложной обстановке и действовал там, где другие раздумывали, ждали указаний или соглашения с начальством. После первой бомбежки он решительно взял всю ответственность на себя, велел немедленно разобрать маскировочные щиты вокруг зданий и убрать. Приказал вывезти архив конструкторской документации и авиабензин. Архив увезли в подвалы монастыря села Борисова Дальнеконстантиновского района. Был учтен опыт 1941 года, когда в профтехкомбинате сгорел архив завода...»

Ф.Д. Чинченко — в 1943 году — заместитель начальника цеха:

«...В ночь с 6 на 7 июня налет повторился. И сейчас до мелочей помню те страшные часы. Без четверти двенадцать мы, работники колесного корпуса, услышали воздушную тревогу, а через 15 минут появились немецкие самолеты. Они зависли над корпусом. На парашютах спустили осветительные фонари. Были уничтожены зенитные точки. А потом начали падать зажигательные и фугасные бомбы. Хорошо, что мы заранее залили масляный пол водой. Зажигалки падали и затухали. Мы с начальником цеха Д.В. Горячим советовали людям прятаться под фундамент крупных прессов. Держали связь со штабом обороны, но вскоре вышла из строя рация. Примерно полпятого приехал директор завода А.М. Лившиц. Увидел, в каком состоянии цех и мы с Горячим — грязные и полуобгоревшие, и, не выходя из машины, поехал докладывать, что завод уничтожен. За что и был снят с работы.

Колесный цех был суперважным объектом. Здесь изготавливались колеса для пушек артиллерийского завода им. И.В. Сталина № 92, катки для всех танков Т-34, выпускавшихся заводом «Красное Сормово», корпуса снарядов для реактивных установок “Катюша” и многое другое. Поэтому Л.П. Берия, приехавшему инкогнито на завод в июне 1943 года, И.В. Сталиным лично было дано поручение: “Немедленно восстановить колесный, любой ценой!” Колесный цех восстанавливала вся страна. Мне запомнился начальник специального поезда Наркомата обороны СССР инженер Монозон. Это был чудо-строитель. За 10 дней он поставил кровлю на колесный цех. По его схеме по торцам цеха установили по мачте, между которыми натянули тросы, а по ним стали спускать фермы краном, снимая их прямо с плат-

форм поезда, стоявшего рядом с цехом параллельно по 6 штук в сутки. Из Москвы возили металл, предназначенный для строительства Дворца Советов. Сталь сверхвысокой прочности особой марки “ДС” позволила значительно уменьшить количество балок, ферм и этим ускорить процесс восстановления.

До сентября 1976 года я не понимал, почему немцы так быстро сумели разрушить автозавод. Пока не встретил в Берлине на совещании СЭВ бывшего работника штаба воздушного корпуса дальней авиации Германии г-на Нидерера. Он показал нам фото, в центре которого я увидел моего бывшего начальника на ГАЗе Леопольда Финка. На фото он был в генеральской форме — в 1943 году он командовал корпусом стратегической авиации. На автозаводе до войны он проектировал все подземные коммуникации, а потом работал у нас заместителем начальника ОТК завода. Так что знал все об автозаводе 1932–1937 годов. Финк работал у нас по контракту, подписанному В.М. Молотовым. В 1937 г. его с семьей выслали из СССР в 24 часа. Этот Нидерер в конце войны попал к нам в плен, назвавшись рядовым, после лагерей стал в ГДР коммунистом. Он рассказал, что налеты на Горький дорого обошлись и немцам. Самолеты настолько израсходовали тогда ресурс, что не смогли участвовать в битве на Курской дуге...»

П.С. Попов — в 1943 году лейтенант 238-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона:

«...На вооружении у нас были зенитные пушки “сорокомиллиметровки”. Высота их стрельбы ограничивалась 4 км. Если самолеты летели выше, огонь их не доставал.

Из наших частей на фронт забирали парней, взамен их присылали девчат. Очень добросовестные, старательные, они были и шоферами, и прибористами, работали на дальномерах. Абсолютное большинство прибывших девушек впервые увидело пушки, не слыхало их выстрелов, не видело разрывов авиабомб. Но, неся страшные потери, в первые дни налетов девушки из 58-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона 784-го полка проявляли героизм. Подносили тяжелые снаряды, под огнем вели стрельбу, отсекая путь вражеским самолетам, спасали раненых...»

Память — великая вещь. Она заставляет ветеранов вновь пережить и почувствовать время, когда они были молоды, заставляет чаще биться сердца тех, кто не знает, что такое война...

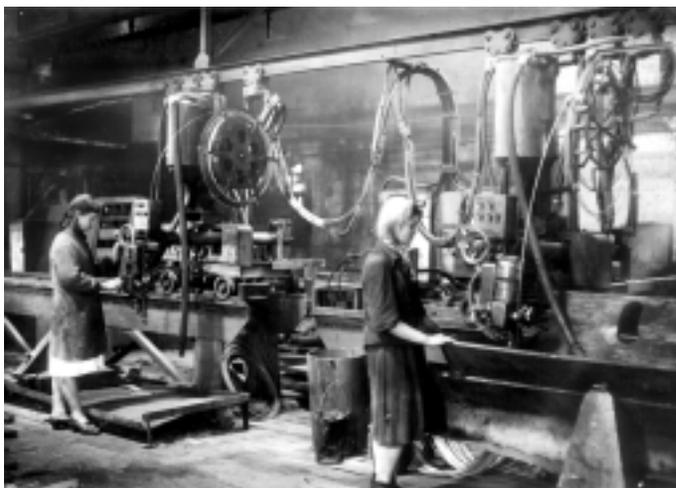
Фотоматериалы из фондов музея ОАО «ГАЗ»

Подвиг сормовичей забвению не подлежит

Г.А. Илескин

«Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд». Эти строки приходят на память, когда проходишь вдоль стендов музея завода «Красное Сормово». Фотографии, документы тех лет наглядно показывают величие и трудовой героизм людей 40-х годов XX столетия.

Ныне стесняются напоминать о трудовых и боевых традициях сормовичей, стараются реже говорить о воспитании молодежи на примерах старших поколений. Назидательный тон, может быть и правда, ни к чему. Экскурсанты, которых в эти дни в заводском музее великое множество, затаив дыхание, вслушиваются в слова экскурсовода Елены Мироновой о вкладе завода «Красное Сормово» в Великую Победу, о тех, кто защищал Родину с оружием в руках, и о тех, кто 1418 дней совершал трудовой подвиг.



На смену ушедшим на фронт мужчинам на завод пришли женщины

На стенде фотографии. Много лиц. Мужчины, женщины, седоусые старики и совсем юные подростки. Некоторые фотокарточки пересняты с документов, на других — производственные процессы, на третьих — солдаты в серых шинелях. Каждый человек, запечатленный на них, достоин отдельного рассказа. Портрет юной Любы Шишариной помещен рядом с фотографией В.Ф. Новожилова и Ю.И. Хмелева, мужчинами зрелого возраста. А подпись одна — они добровольцами ушли на фронт. Многие годы после войны Любовь Федоровна Шишарина вела активную борьбу за мир, утверждение лучших традиций сормовичей. И в пожилом возрасте она, небольшого роста, хрупкая на вид, была сильным духом и большой энергии человеком.

А вот портрет паренька с известной в Сормове фамилией — Александр Рубинчик. Как и многие сверстники, в свои «шестнадцать мальчишеских лет» он убежал на фронт, но был возвращен домой. Отец его — директор завода «Красное Сормово» генерал-майор-инженер Е.Э. Рубинчик взял сына на завод испытателем танков. Когда ему исполнилось 18 лет и он окончил военное училище, лейтенант А.Е. Рубинчик вместе с танковой ротой «Горьковский комсомолец» на легендарных «тридцатьчетверках», построенных сормовичами, отправился на фронт.

Здесь же на стенде — газетная заметка, которую следует привести дословно: «Танки и пушки сверх плана. Город Н. 27 октября 1943. (ТАСС). Сегодня комсомольцы и несоюзная молодежь завода, где директором тов. Рубинчик, в ознаменование 25-летия ВЛКСМ в торжественной обстановке подарили Красной армии танковую колонну имени Горьковского комсомола. Стахановец Шлепков и директор за-



Ефим Эммануилович Рубинчик.1975г.



Александр Ефимович Рубинчик

вода Рубинчик, выражая волю многотысячного коллектива, заверили танкистов, что завод даст столько машин, сколько потребуется для окончательного разгрома немецких оккупантов. Выступивший от имени экипажей лейтенант Рубинчик, сын директора завода, горячо поблагодарил коллектив завода».

Рядом фотография танкистов на фоне грозных машин роты «Горьковский комсомолец». Экскурсовод непременно расскажет о том, что в первом бою погиб командир роты и лейтенант А.Е. Рубинчик возглавил ее. Войну закончил командиром полка гвардейской Кантемировской дивизии. В боях был неоднократно ранен, обморожен, горел в танке. За боевые заслуги награжден орденами Ленина и Красной Звезды, медалями. Сын генерала впоследствии сам стал генералом. Связи с родным заводом танкист не терял — приезжал, писал письма. Вот только на открытие памятной доски в честь отца на улице Е.Э. Рубинчика приехать не смог — был тяжело болен, но прислал телеграмму.

К сожалению, не дожил он до 60-летия Победы. Но память об Александре Рубинчике, Любви Шишиной, как и о девяти Героях Советского Союза и двух полных кавалерах ордена Славы, о сормовских танкостроителях, давших фронту более 12 тысяч лучших танков Т-34, хранится в музее, в воспоминаниях и рассказах ветеранов.

Воевать — удел молодых. Они уходили на фронт, а на их место вставляли к станкам и верстакам старики, женщины-домохозяйки и подростки. Посетители музея непременно обратят внимание на фотографии двух благообразных стариков, помнивших еще дореволюционные времена, — И.М. Олимпиева и М.Г. Бокова.

Исторические личности. Первый известен в Сормове как человек, давший исторический гудок в декабре 1905 года, который призвал сормовичей на баррикады. Второй прославился в советские годы, одним из первых на заводе получил звание Героя труда. Когда началась война, заслуженные пенсионеры вернулись на свои рабочие места и стали выпускать танки. Таких стариков были сотни, на стенде — фотографии лишь немногих, самых известных. А рядом можно было бы поставить фотографию школьника Коли Гусева, который был настолько мал ростом, что у станка сделали специальное возвышение. Но не нашлось такой фотографии в архиве фотокорреспондента заводской многотиражки «Красный сормович» Н.И. Гусева, который лет тридцать вел заводскую фотолетопись, сохранив для истории тысячи имен и событий.

Помимо фотографий на стенде — документы военных лет. Например, приказ директора завода, который объявляет благодарность группе сталеваров за освоение новой марки стали для танков. 19 человек премированы. Приказ напечатан на серой шершавой бумаге, даже переработанные опилки видны — и это тоже символ эпохи. Как знать, может, и эта премия пошла на строительство танков. Тут же фотография из мартеновского цеха — сталевары подписываются на оборонный заем.

О том, что на «Красном Сормове» в годы Великой Отечественной войны делали танки, известно давно. А вот о подводных лодках ничего не говорилось, лишь в начале 90-х стала приоткрываться завеса секретности. Многие утверждали, что с началом войны часть лодок была отправлена в Северодвинск, часть законсервирована на заводе. Но



Лейтенант Александр Рубинчик
и старший сержант Николай Панасенко.
Октябрь 1943 года

стараниями ветеранов М.И. Лернера, А.А. Постнова и других были найдены доказательства, что работа по подводному судостроению на заводе не прекращалась и в те годы. За предвоенное десятилетие сормовичи сдали флоту 32 подлодки, а в годы войны ввели в строй 27 подводных кораблей.

Как и Александр Рубинчик, в 1942 году ушел на фронт Александр Удалов. После окончания ФЗУ он строил на заводе подводные лодки. Служил на подводной лодке «М-104», «Ярославский комсомолец», которую строил. После войны Александр Петрович



Бригада Юрия Городецкого

вернулся на родной завод и вновь строил подводные лодки, стал Героем Социалистического Труда.

Две подводные лодки получал на заводе легендарный А.И. Маринеско, именно его лодка «С-13» потопила лучший корабль третьего рейха «Вильгельм Гуслов» вместе с подготовленными экипажами для подводных лодок. До недавнего времени на заводе музей подводных лодок был секретным подразделением, куда не могли попасть даже многие руководители предприятия. Сейчас этот раздел музея истории завода один из наиболее посещаемых, особенно подростками. Много интересного узнают они от экскурсовода, да и фотографии, макеты, диаграммы дают немало полезной информации.

Например, первая подлодка «Щ-304» была заложена 23 февраля 1930 года на «собачьей площадке» в судояме. Комсомольцы взяли шефство над ней. По всей стране проходил сбор средств на строительство лодки. Это о ней писал В. Маяковский: «На комсомольские рубли выстроим подлодку».

По иронии судьбы в год 75-летия подводного судостроения на заводе славная летопись подводных лодок будет закрыта. Оптимисты надеются, что не навсегда. Всего же за три четверти века на «Красном Сормове» построено более 300 подводных лодок и спасательных аппаратов, 25 из них — атомные.

Подводную лодку проекта № 877 «Варшавянка» американцы называли «черной дырой в океане» за ее малозумность и скрытность. Атомная лодка из титанового сплава «Кондор» признана лучшей атомной подводной лодкой двадцатого столетия. Спроектировали ее тоже сормовичи в ЦКБ «Лазурит». Они же и спасательные аппараты проектировали, а на заводе их строили. Об этом тоже можно узнать в заводском музее, более подробно будет рассказано в книге, которую пишут ветераны завода.

К сожалению, никакой музей, никакие воспоминания не вместят все достойное для сохранения. И все-таки об одном крохотном экспонате сказать надо. Это кусочек от рейхстага. Вполне допустимо, что он был выбит сормовским снарядом, выпущенным из пушки танка Т-34, построенного на «Красном Сормове».

Но самым священным экспонатом было и останется переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны, которое в годы войны присуждалось заводу 33 месяца подряд. За большой вклад сормовичей в Великую Победу оно передано коллективу на вечное хранение. И сегодня его место в музее — в «переднем, красном углу», где в русских избах обычно находились иконы.

Это знамя выносится в самых торжественных случаях. Экскурсовод непременно расскажет, что однажды в дни боев в Сталинграде сормовичи никак не решались взять на себя высокое обязательство по дополнительному выпуску танков. И тогда директор завода Е.Э. Рубинчик распорядился внести в зал заседания знамя ГКО. Подъем был настолько велик, что люди проголосовали за немислимые цифры. Но важен был результат — завод выпустил не 50 машин сверх плана, как того просил (не приказыв-



А.П. Удалов. Северный флот.
1943 год

вал, не требовал — просил!) Верховный главнокомандующий И.В. Сталин, а 51 танк. Потому что это сормовичи — скромно скажет экскурсовод.

Принято считать, что музей — хранилище прошлого, что здесь можно узнать только то, что было, что экспонаты собраны для благоговения, почитания и гордости. Но для нашего музея это верно лишь отчасти. Он тоже живет сегодняшним днем. И большое место в деятельности музея занимают выставки творчества сормовичей. Здесь часто выставляются самодельные художники, несут свои поделки из самых обыденных материалов. Обо всем не расскажешь. Но о двух выставках, посвященных 60-летию Великой Победы, сказать надо.

С большим успехом экспонировалась выставка «Золотые купола России», на которой были представлены картины учащихся детской художественной школы № 3, вышивки и поделки сормовских мастериц, объединенные духовной тематикой. Но главными экспонатами выставки стали макеты нижегородских, московских, дивеевских храмов и церквей, сделанных из спичек В.А. Кашиным. Если учесть, что высота макетов достигает метра и более, то не удивительно, что на создание каждого у автора ушло до 600 коробков спичек.

Многочисленные посетители, и не только сормовичи и нижегородцы, восхищались этими замечательными работами. И преклонялись перед силой воли человека, когда узнавали, что В.А. Кашин, создавший эту красоту, — ветеран Великой Отечественной войны, полковник запаса, тяжело больной человек. После инсульта врачи рекомендовали ему разрабатывать руки, учиться говорить, читать и писать. Превозмогая боль, он стал собирать макеты храмов. Это помогло не только восстановить физическое здоровье, но и укрепиться духом.



Герой Социалистического Труда
А.П. Удалов

И сегодня, в свои 80 лет, он настолько жизнедеятелен, что отказывался даже от машины, чтобы приехать в музей и собственноручно собрать макеты (а после выставки и упаковать их), присутствовать на торжественном открытии выставки.

На художественной выставке были представлены картины ветерана Великой Отечественной войны, члена Союза художников России А.Н. Подорогина, скульптуры, вырезанные из дерева ветераном войны, в прошлом конструктора И.А. Ерофеева. А рядом экспонировались картины молодого самодельного художника Павла Корягина. Выставка так и называлась «Преемственность поколений» и работала она до праздника Победы.



Подводная лодка М-104, построенная на заводе «Красное Сормово», на которой с 1942 по 1948 год служил А.П. Удалов

Фотоматериалы из фондов музея завода «Красное Сормово»

Красноармейские шинели (из собрания нгиамз)

П.В. Шавенков

В Нижегородском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике (НГИАМЗ) хранится большое количество предметов обмундирования участников Великой Отечественной войны. Воинский мундир способен многое рассказать как о своем бывшем владельце, так и о времени, когда он использовался. Но заставить его «заговорить» можно лишь при условии точной атрибуции и понимания связи между государственной политикой и изменением форменной одежды. Шинель в «гардеробе» Российской армии появилась в конце XVIII века и на протяжении многих десятилетий верой и правдой служила нашему воину. В годы войны широко использовались полушубки, телогрейки, кожаная одежда. Но именно шинель оставалась наиболее распространенной верхней одеждой военных.



Шинель генеральская повседневная образца 1943года. (Фрагмент)

Практически в каждой музейной экспозиции, посвященной Великой Отечественной войне, присутствуют шинели.

Правда, это не всегда именно те самые образцы, которые использовались в годы войны: часто можно видеть более позднюю одежду.

Первоначально обмундирование всех категорий личного состава Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА — так именовались Вооруженные силы СССР до 1946 года) не имело существенных отличий друг от друга. Постепенно такие отличия начали появляться.

В середине 1930-х годов, когда назревала большая война, решено было усилить отличия командного состава во внешнем виде, чтобы подчеркнуть значимость «красных командиров». Поэтому в 1935 году вводится новое обмундирование со знаками различия не должностей, как это было ранее, а вновь введенных персональных воинских званий. Различался также покрой и материал одежды командно-начальствующего состава и красноармейцев.

Репрессии конца 30-х годов подорвали авторитет высшего комсостава. Для его восстановления в 1940 году были введены ненавистные ранее большевикам генеральские звания. Генералы получили особое обмундирование. Эта мера оказалась явно в русле обращения Сталина в канун войны к героическому прошлому русского народа.

К началу Великой Отечественной войны в РККА находилось несколько разновидностей шинелей¹. Генералам полагались парадная (стального цвета, обшлага в верхней части с мыском — острым выступом) и походная (темно-серая, с прямыми обшлагами) шинели образца 1940



Шинель генеральская повседневная образца 1943 года.
Принадлежала И.М. Бочкову



Шинель красноармейская образца 1935 года.
Принадлежала И.С. Краснову

года, напоминая генеральские шинели старой армии. Обе — двубортные, на 6 пуговиц (позолоченных, с изображением герба СССР) по борту, с красными, малиновыми или голубыми (по роду службы) кантами по воротнику, борту, обшлагам и карманным клапанам. Выше обшлагов на рукавах нашивались генеральские знаки различия: широкий золотой шеврон углом вниз с золотой звездой над ним.

Старшему и среднему командно-начальствующему составу в 1935 году шинели были введены двубортные, на 4 пуговицы (латунные, с изображением пятиконечной звезды) по борту, без кантов, но с нарукавными шевронами соответственно званию (у политработников вместо шевронов — красная звезда с серпом и молотом). У большинства командиров шинели образца 1935 года были темно-серыми. Шинели комсостава автобронетанковых войск — стального цвета, авиации — темно-синего. Этим подчеркивалось значение родов войск, в которых новейшая военная техника находила широкое применение.

Шинель младшего начальствующего и рядового составов (красноармейская) образца 1935 года шилась из серо-коричневого сукна более низкого качества, чем командирская. По внешнему виду она была подобна шинели нижних чинов дореволюционного времени. Была однобортной, с потайной застежкой на 4 железных крючка. Имела два вертикальных

прорезных кармана, сзади — хлястик, пристегнутый на две форменные пуговицы.

Красноармейская шинель образца 1935 года отличалась обшлагами с небольшим мыском сзади (у шинелей РККА более ранних образцов мыски находились выше). Нарюканных знаков различия красноармейская шинель не имела.

У всего личного состава кавалерии шинели были более длинными. Разрез сзади на них начинался выше и застегивался на 5 малых пуговиц.

Обмундирование РККА предвоенного времени не имело погон: звания и род войск или службы различались в первую очередь по воротниковым петлицам с оригинальными знаками различия. На шинелях петлицы были ромбообразной формы.

Цвет и окантовка верхних краев петлиц различались по роду войск: пехота — малиновые с черным кантом, авиация — голубые с черным кантом, кавалерия — синие с черным кантом, артиллерия и бронетанковые войска — черные с красным кантом. Красные петлицы имели лишь общевойсковые генералы.

На петлицах генералов, старшего и среднего состава (но не политработников) окантовка была золотой. В верхнем углу петлицы крепилась эмблема рода войск. Петлицы общевойсковых генералов, пехотинцев и кавалеристов эмблем не имели.



Шинель командирская образца 1935 года.
Принадлежала Н.Е. Денисову



Шинель офицерская образца 1941 года. Принадлежала секретарю Горьковского обкома ВКП (б) И.М. Гурьеву

Звания обозначались золотыми звездами (генералы), красными ромбами (высший политический и начальствующий состав), прямоугольниками — «шпалами» (старший комначсостав), квадратами — «кубарами» (средний комначсостав) и треугольниками (младший комначсостав). Петлицы младшего комначсостава имели еще и поперечную красную полосу.

В НГИАМЗ находится командирская шинель образца 1935 года, принадлежавшая участнику Великой Отечественной войны командиру саперного батальона Н.Е. Денисову². К сожалению, на ней, как и на большинстве других шинелей периода войны в фондах нашего музея, знаки различия отсутствуют. Объяснить это можно тем, что в первые послевоенные годы из-за трудностей с приобретением верхней одежды многие бывшие военнослужащие продолжали носить шинели со споротыми петлицами и погонами. Поступили же эти шинели в музей-заповедник лишь в 1960-е — 1970-е годы.

В начале 1941 года для старшего и среднего комначсостава была введена шинель нового образца — темно-серая во всех родах войск (с целью уменьшения расходов на обмундирование), двубортная, на 5 пуговиц по борту (напоминающая дореволюционную офицерскую). В военное время, дабы не привлекать лишнего внимания противника, комсоставу предписывалось использовать красноармейскую шинель³. До начала войны не все командиры успели получить

шинели нового образца. В войсках НКВД шинель комсостава еще с середины 30-х годов имела 6 пуговиц по борту⁴.

После начала войны прежние знаки различия были признаны демаскирующими. Поэтому 1 августа 1941 года в действующей армии на шинелях всего личного состава отменялись нарукавные знаки, цветные канты, но одновременно вводились воротничковые петлицы и знаки различия на них защитного цвета⁵. Эти предписания не всегда выполнялись: могли сохраняться и цветные петлицы. Двубортные шинели порой носили не только командиры, но и сержанты.

Интересным свидетельством первых месяцев войны в НГИАМЗ является шинель И.С. Краснова, участвовавшего рядовым пулеметчиком в битве за Москву в составе Калининского фронта⁶. Шинель — красноармейская, образца 1935 года. Пуговицы хлястика не уставные, латунные, а железные. Этот факт говорит о стремлении удешевить массовое производство обмундирования накануне и в начале Великой Отечественной войны, сэкономить ценный цветной металл.

На левой стороне груди и поле шинели прорывы сукна — следы осколков, пробивших ее в ночь на 1 января 1942 года. К счастью, Иван Семенович не погиб: в 1969 году он сам передал свою шинель нашему музею.

Со времен Гражданской войны одежду военного образца часто носили партийные и советские работники. В годы Великой Отечественной войны этот обычай стал повсеместным. В НГИАМЗ имеется шинель И.М. Гурьева, бывшего в годы войны заведующим отделом и секретарем Горьковского областного комитета ВКП (б)⁷. Шинель командирская, образца 1941 года, но без знаков различия. Пуговицы покрашены черной краской, подкладка, как у генеральских шинелей, — по всей длине, причем до талии — на ватине.

В январе 1943 года в РККА было введено новое обмундирование, более приближенное к обмундированию дореволюционной армии. Причиной такого изменения стал наметившийся к началу 1943 года перелом в ходе войны: Красная армия начала одерживать победы. Новой, *победоносной* армии нужно было и новое обмундирование. На выбор же образцов обмундирования повлияло все усиливающееся стремление Сталина уподобить внешний облик Советского государства таковому Российской империи. Главным же новшеством нового обмундирования являлось восстановление погон. Они были подобны современным, но с рядом отличий.

Ряд изменений был внесен и в покрой шинелей⁸. Полностью отменены нарукавные знаки различия. У парадной генеральской шинели обшлага стали прямыми. Повседневная генеральская шинель — как командирская (на 5 пуговиц по борту), но с цветным кантом по воротнику, борту, обшлагам, карманным клапанам и хлястику. Пуговицы генеральских шинелей — золоченые, с изображением герба СССР.

Шинель командиров (слово «офицеры» было узаконено лишь в середине 1943 года) сохранила покрой и цвет образца 1941 года. Офицерская шинель на 6 пуговиц была введена в Советской армии лишь в 1954–1955 годах. На красноармейской шинели обшлага стали прямыми, вдоль борта до пояса прострачивалась планка. Тем самым шинель оказалась копией дореволюционной солдатской. При полевой форме пуговицы всего личного состава получились защитного цвета.

Воротниковые петлицы стали узкими, почти прямоугольной формы, с форменной пуговицей на верхнем конце. Они сохранили расцветку по роду войск и службы. При полевой форме петлицы были защитного цвета с золотистым (генералы), серебристым (генералы медицинской службы) или цветным (по роду войск) кантом. Эмблем и знаков различия на петлицах не полагалось: эмблемы вновь появились на воротниковых петлицах лишь в 1955 году.

Шинели образца 1943 года составляют значительную часть коллекции шинелей нашего музея. Правда, по условиям послевоенного времени все они не имеют погон и в своем большинстве — петлиц.

Среди этих шинелей — генеральская повседневная шинель командира 42-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора Ф.Ф. Бочкова, полностью соответствующая установленному образцу⁹. Однако в ходе войны отступления от таких образцов встречались часто.

Шинель капитана бронетанковых войск В.И. Чалкова¹⁰ — красноармейская. Это свидетельствует, что

в боевых условиях многие офицеры продолжали использовать именно такие шинели, чтобы не испортить офицерскую и не слишком выделяться среди личного состава.

Существенно отличается от установленного образца полевая офицерская шинель капитана артиллерии В.И. Кулагина¹¹. Она светло-серого цвета, с железными, а не латунными пуговицами — еще одно свидетельство желаний максимально удешевить обмундирование военного времени не только у красноармейцев, но и у командного состава.

Интересна шинель медсестры рядовой Р.А. Жировой¹². Она подобна офицерской, но с застёжкой на левую сторону и на 3 пуговицы по борту. Пуговицы латунные, не покрашены в защитный цвет, подкладка из драпа. Сохранились полевые воротниковые петлицы с красным кантом (медицинская служба). Видно, и в тяжелых условиях войны женщины-военнослужащие стремились сделать свою одежду более нарядной и удобной.

Хранящаяся в музеях форменная одежда может предстать не просто неким казенным предметом, но вещественным свидетельством истории страны, жизни людей.

Примечания

1 Харитонов О.В. Иллюстрированное описание обмундирования и знаков различия Советской армии. Л., 1960. С. 41, 42, 45–48, 56–60, 137–140; Липатов П.Б. Униформа Красной армии и вермахта. М., 1995. С. 10, 15.

2 НГИАМЗ, инв. № 16353 ГОМ.

3 Цыпленков К. Форма одежды — секретная... // Цейхгауз. 2001. № 15 (3). С. 33.

4 Липатов П.Б. Указ. соч. С. 17.

5 Харитонов О.В. Указ. соч. С. 61; Липатов П.Б. Указ. соч. С. 18.

6 НГИАМЗ, инв. № 17490 ГОМ.

7 Там же, инв. № 20519-7 ГОМ.

8 Харитонов О.В. Указ. соч. С. 67–73, 75, 76, 141.

9 НГИАМЗ, инв. № 16303-2 ГОМ.

10 Там же, инв. № 18012-4 ГОМ.

11 Там же, инв. № 18010-1 ГОМ.

12 Там же, инв. № 22033-8 ГОМ.

Фотоматериалы предоставлены НГИАМЗ

А музы не молчали

О.К. Гуляева

Под таким названием в преддверии 60-летия Победы советского народа над фашистской Германией в филиале НГИАМЗ – Музее нижегородской интеллигенции открылась выставка, посвященная знаменательной дате.

Существует выражение: «Когда гремят пушки, музы молчат». Однако это не относится к суровому времени Великой Отечественной войны, когда на фронтах говорило оружие в руках отважных бойцов, защищавших свою Родину. Музы в тот период также не были безголосны.

«В те тяжкие времена сила духа была не только у героев, сражавшихся на фронте, о которых писали, которых играли, картины о которых ставили люди искусства, сила духа была и у самих людей искусства, они тоже не сгибались... они тоже были крепки духом», — писал К. Симонов¹.



Ф. Лисенков. После концерта. Фронтовая зарисовка 1945 года.
Бумага, тушь.

Годы войны изменили направления в искусстве, нарушили привычные условия работы. Был расформирован симфонический оркестр Горьковской филармонии. Многие артисты театров ушли добровольцами на фронт. Главной заботой работников искусства стало обслуживание солдат и офицеров: создавались концертные бригады, выступавшие в тылу и на фронте.

Все театры города Горького продолжали работать. Ставили новые спектакли, играли и довоенный репертуар. Основной в спектаклях стала патриотическая тематика. В военные годы выросла потребность в развлекательном и комедийном жанрах — они были для зрителей разрядкой от будней тревожного времени.

Выставка рассказала о роли театров, концертных фронтовых бригад, которые внесли свой вклад в дело Победы, о силе искусства, которое вдохновляло народ на боевые и трудовые подвиги, вселяло уверенность в скором разгроме врага, отвлекало от тяжелых мыслей.

Представлены экспонаты из фондов музея-заповедника, материалы из личных коллекций деятелей культуры, чье творчество пришлось на время войны, и материалы, предоставленные филармонией, театрами города, которые работали в военные годы.

Репертуар военных лет был созвучен патриотическому настрою народа — в исполнявшихся произведениях отражались любовь к Родине. Наряду с героическими также ставились и веселые жизнерадостные спектакли, вызывавшие улыбки зрителей. Это было необходимо не только взрослым, но и детям. Ради их смеха и блестящих глаз играли полугодовалые актеры театра кукол и ТюЗа.



М.Ф.Лисенков. Портрет артиста Горьковского театра оперы и балета Дерзаева



М.Ф.Лисенков. Портрет артистки Горьковского ТЮЗа Н.Кузнецовой

На выставке можно увидеть афиши и программы спектаклей того периода, фотографии и материалы работавшей в театре кукол с 1943 года заслуженной артистки РСФСР А.И. Харчевниковой.

Работа театров драмы, оперы и балета в военные годы отражена в программах, фотографиях и сохранившихся эскизах декораций и театральной атрибутике. Внимание привлекает нарядный кокошник, который носили героини опер «Чародейка» П. Чайковского и «Русалка» А. Даргомыжского в далеком 1944 году. Исполнительница этих партий М. Чиненкова, впоследствии заслуженная артистка РСФСР, передала в фонды музея-заповедника свою коллекцию, частью которой и стал этот кокошник со слегка пожелтевшей фатой.

Театр оперы и балета был в ту пору главным центром музыкальной жизни города. Несмотря на бомбежки, при глухо занавешенных окнах почти каждый вечер на полутемную сцену выходили актеры и музыканты. Шли оперы и балеты, оперетты и концерты.

Многие актеры этого театра, филармонии и театра драмы были членами фронтовых бригад. Важным направлением в их деятельности стали выступления перед воинами. Бригады актеров показывали свои программы в госпиталях, воинских частях, мобилизационных пунктах, часто выезжали на фронт. Поездки на передовую были опасны, но выступления в период затишья между боями перед людьми, которые не были уверены, доживут ли они до следующего утра, были главным, о себе же актеры не думали. Они знали, как их ждут, как нужны их музыка, песни, стихи, проза — этот кусочек другой, прежней жизни, жестоко прерванной войной. Режиссер оперного театра Б.А. Покровский писал: «Им нужно было то, во имя чего они идут воевать, что защищают»².

О деятельности фронтовых бригад рассказано на выставке посредством фотографий и газетных заметок военных лет, почетных грамот и приказов с

благодарностью исполнителям. Один из них — на польском языке: в 1944 году польское командование благодарило артистов-горьковчан за их выступления. Экспонируются фронтовые зарисовки художника М.Ф. Лисенкова, участника Великой Отечественной войны. Он запечатлел в своих работах актрису ТЮЗа Н.Кузнецову, артиста театра оперы и балета Дерзаева и фронтовую бригаду театра после концерта (1945).

Сохранились пластмассовая коробочка и складная фронтовая рюмочка артистов-горьковчан (1943); плащ-накидка, выданная солистке театра оперы и балета А.В. Брегман во время ее пребывания на Белорусском фронте (1944).

Воссоздан уголок, напоминающий обстановку, в которой проходили выступления фронтовых бригад.

Великая Отечественная война нашла отражение также в творчестве художников и литераторов. Несмотря на трудности и лишения военных лет, горьковские художники проводили выставки своих картин. В фондах музея-заповедника хранятся каталоги выставок 1942 года. Они демонстрируются на нашей выставке. Предоставили свои работы художники А.С. Усватов, В.Ф. Летянин, М.В.Уткин, Д.А. Крашениников.

Поэт Г.В. Бедняев и прозаик К.Д. Проимин, участники военных событий, приготовили на выставку свои произведения.

Организаторы выставки «А музы не молчали» надеются, что она интересна и старшему поколению, привлекая его воспоминаниями о годах, которые забыть нельзя, и молодежи, открывая им малоизвестную сторону войны.

Примечания

1 Симонов К. Рассказы. М. 1946. С. 175.

2 Горьковская правда. 1985. 6 декабря.

Фотоматериалы предоставлены Музеем нижегородской интеллигенции.

Фронтовые письма в фондах Семеновского историко-художественного музея

М.И. Карпова

Великая Отечественная война принесла горе в каждую семью. Примерно 30 тысяч жителей Семеновского района воевали. 7 тысяч наших земляков домой не вернулись. Память о фронтовиках в историко-художественном музее хранит постоянно действующая экспозиция «Семеновцы — доблестные защитники Родины».

Вот письма, сложенные солдатским треугольником, написанные на обрывке карты, листе фронтовой газеты, специальных листах для писем и почтовых карточках, художественно оформленных, с портретами Минина, Пожарского, Кутузова, Суворова.

Эти письма, пожелтевшие от времени, нельзя читать без волнения. Перед глазами встают живые образы земляков. Пишут семеновцы о победах, своих подвигах и наградах, гибели друзей.

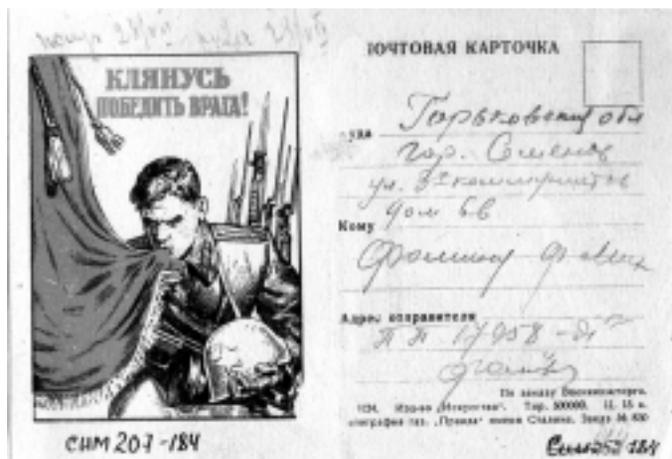
О своем взрослении на фронте сообщает в деревню Зименки 11 декабря 1942 года друг М.А. Швецов: «...За это время, правда, стал серьезнее. Детство из головы вышло, особенно, когда я попал на фронт и увидел настоящую боевую жизнь. Правду сказать, сначала было страшновато, когда попал под огонь всех видов оружия современной войны. Я и верить не хочу тому, кто хвастает о том, что с первого дня жизни на фронте ни разу не было страшно. Но к этому быстро привыкаешь, привык и я. И за все время пребывания на фронте никто не скажет, чтобы я когда-нибудь унывал. Я был так же весел, всегда шутил, а при этом никогда не находит страх...»

Фронтовики знают, что подобный шутник, балагур на фронте — большое приобретение. Своими шутками-прибаутками он поднимал настроение у солдат. Трудности, беды, усталость забывались...

В письмах нет панических настроений, жалоб — они проникнуты уверенностью в победе с первых дней войны.

Ф.П. Кузнецов работал в Семеновском леспромхозе. В 50 лет добровольно ушел на фронт. По радио население слышало печальные сообщения о сдаче городов.

10 августа 1941 года в письме жене Федор Петрович сообщил: «Ты пишешь, что Горький постигнет то же, что и Москву. Кто это вам сказал? Не только в Москве и Ленинграде и других городах нашей Родины гитлеровской сволочи не бывать, что бы это ни стоило... Ты очень



Фронтовая открытка, адресованная Ф.М. Фомину.



Фронтное письмо-треугольник,
адресованное А.И. Сорокиной

...Опишу, на каких машинах работаем. Машины чудесные, стальные громады, мощные, как огнем, броней и маневренностью. Надеюсь, в газетах читали про некоторую машину, называемую Т-34, ну танкисты ее прозвали «За Родину!» Вообще, короче говоря, машина надежная, выдерживает любую артиллерию немецкую, исключая термитные снаряды. Немцы никогда не будут иметь такой машины. Борис как раз работает на этой машине...»

Сбылась мечта Анатолия Фомина. Младшим лейтенантом в должности командира взвода он служил в 251-м танковом полку.

Лейтенант Борис Фомин воевал с первых дней войны на разных фронтах, несколько раз был ранен:

«19 сентября 1942 год. Привет с фронта! Здравствуйте, дорогие мои родители папа, мама и брат Сергей. Передаю вам всем по привету и желаю наилучших успехов в вашей работе и жизни. Сообщаю о себе, что я жив и здоров, себя чувствую хорошо, лучше не надо... был ранен в голову 28 июля и находился на излечении в своем бригадном госпитале. Сейчас почти что все в порядке, опять на фронте. Могу сообщить, что уже ранен 3 раза, но чувствую себя хорошо.

...Живу замечательно, лучше не надо во фронтовой обстановке, ну, сами знаете. Веселее чем, в госпитале, глядишь, недалеко Волга, тут снаряд разорвется, пушки в башню кокают снаряды, по башне постукиваются, бомбы как горох летят, но мы живем правильной жизнью. Да! Могу сообщить вам, что я вторично представлен к правительственной награде орденом Красного Знамени.

...Папа и мама, будьте уверены за меня. Ваш сын оправдает доверие командира Рабоче-крестьянской Красной армии и притом танкиста».

На фронте два брата встретились:

«Привет с фронта. 15 июля 1943 года. Здравствуйте, дорогие родители Папаша и Мамаша! Сейчас сидим мы с Анатолием в одной машине (танке) и пишем вам письма. Мы с ним встретились в бою. Сейчас он у меня в роте. Он танкист и боевой

парень. Его представили к правительственной награде орденом Красной Звезды. Воевать будем вместе. Ваш сын Борис».

«Привет с фронта! 15 июля 1943 года. Здравствуйте, наши дорогие родители папа и мама. Можем порадовать, находимся вместе... Бориса в его части здорово ценят. Авторитетом пользуется во всей бригаде... Короче говоря, командование мне сказала, учись воевать у Бориса. Сейчас он гвардии капитан. Мама! Все здесь его любят, простой, говорят, парень».

...Под Сталинградом он бежал из госпиталя. Много писать не буду. Надеюсь, вы представляете, кто он есть сейчас...»

Братья Фомины освобождали Украину.

«Привет! 2.11.44 года. Здравствуйте, дорогие родители. Шлем вам по гвардейскому сердечному привету и желаем доброго здоровья и счастья в вашей жизни.

...Жизнь наша протекает так же как и раньше, т.е. в фронтовой обстановке. Ваши сыновья в боевой жизни не подкачают и дают духу нашему совместно-му врагу. Пишите, как ваше здоровье. Что нового в городе? Целуем! Ваши сыновья Борис и Анатолий».

Письмо от 6 февраля 1944 года:

«Западная Украина. Привет с тех мест фронта, где продолжается отражение атак крупных сил танков и пехоты.

Здравствуйте, мои дорогие родители папа и мама. В настоящий момент писать некогда, к исходу дня вылезает из танка как черт грязный, в копоты от газов пушек и пулеметов. Отражаем крупные силы танков и пехоты. Сами ходим в атаки. Вот уже полтора месяца на этом участке сейчас идут исключительно танковые бои. На днях сожгли мою любимую Т-34 в глубоком вражеском тылу. Ходили на спецзадание. Делов натворили достаточно, разбили очень много пушек, танков, самоходной артиллерии, автомашин. Пришлось тяжело, из тыла выходили очень долго, несколько суток не ели. Но через линию фронта прошли удачно. Сам жив и здоров. Немного простудился. Ничего не поделаешь, зима. Но ничего, и на этом участке он будет разбит, как был разбит и на Орловско-Курско-Белгородском направлении.

С приветом ваш сын Анатолий».

Борис погиб 14 марта 1944 года в украинском селе Джулинке. Почти три года он воевал. Был пять раз ранен, награжден орденом Ленина за выполнение задания в тылу немцев, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 2-й степени, медалью «За отвагу». 20 июля 1944 года погиб и Анатолий: при форсировании реки Буг его танк подорвался на mine.

Танковая колонна стала носить имя братьев Фоминых. Борису было 22 года, Анатолию 20 лет. Осталась память о них, письма, фотографии.

28 мая 1944 года родителям погибших братьев пришло письмо от его сослуживца:

«1000 немцев поплатились за смерть Бориса. Будем мстить до конца жизни врагу.

Здравствуйте, дорогие родители Бориса Фомина!

Простите, дорогие родители, но примите наше соболезнование с опозданием. Все это случилось не



Фронтонная открытка от Б.Ф. Фомина, адресованная отцу Ф.М. Фомину



по нашей вине. Дорогие родители Бориса Фомина, разрешите мне от имени командования поблагодарить Вас за то, что Ваш сын оправдал высокое звание русского воина и пал смертью храбрых в неравном бою с врагом.

Товарищ наш, ты пал в бою
За счастье дорогой отчизны,
Ты не щадил ни кровь свою
Для дела Родины — ни жизни!..

Придет победы светлый час,
Лета пройдут порой незримой,
Но также как для нас сейчас
Ты будешь близкий и любимый.

Это стихотворение у нас в памяти у каждого. Жизнерадостный Борис всегда встает перед нашими глазами. Он умел воодушевить бойцов и командиров в тяжелую минуту, умел мобилизовать все силы на выполнение приказа. Это был настоящий патриот.

Борис — любимец наш. Утрата велика. Но мы призываем Вас не падать духом, быть мужественными, война принесла нам горе. Но близок час расплаты, обнаженный меч занесен над фашистами, мы бьем их уже на их же собственной территории.

Вечная слава Борису Фомину, павшему за свободу нашей Родины.

С гвардейским приветом. [подпись]».

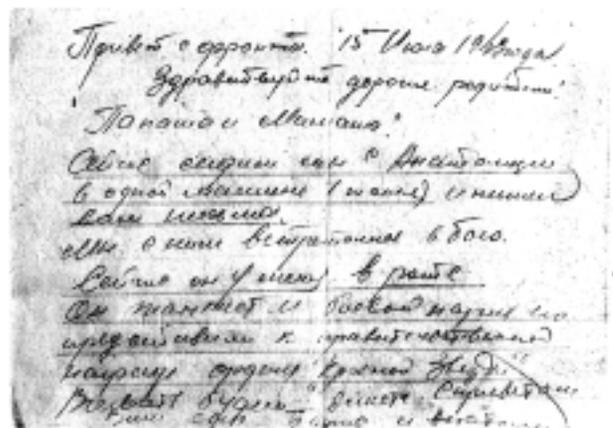
В Семенове хорошо знали В.П. Сотникова. Он, директор Семеновского лесхоза, в начале войны добровольно ушел на фронт. Во время передышек между боями Василий Петрович проводил беседы с бойцами, вселял уверенность в победе, поднимал боевой дух у солдат. В экспозиции музея помещено его письмо, написанное перед боем М.И. Кузнецовой. Оно проникнуто любовью к Родине, ненавистью к врагу:

«20.04.1942 года... Нам прочитали приказ в бой. Теперь ночь. Смолк артиллерийский гром. Забылся коротким сном сосед. Есть такие минуты особой

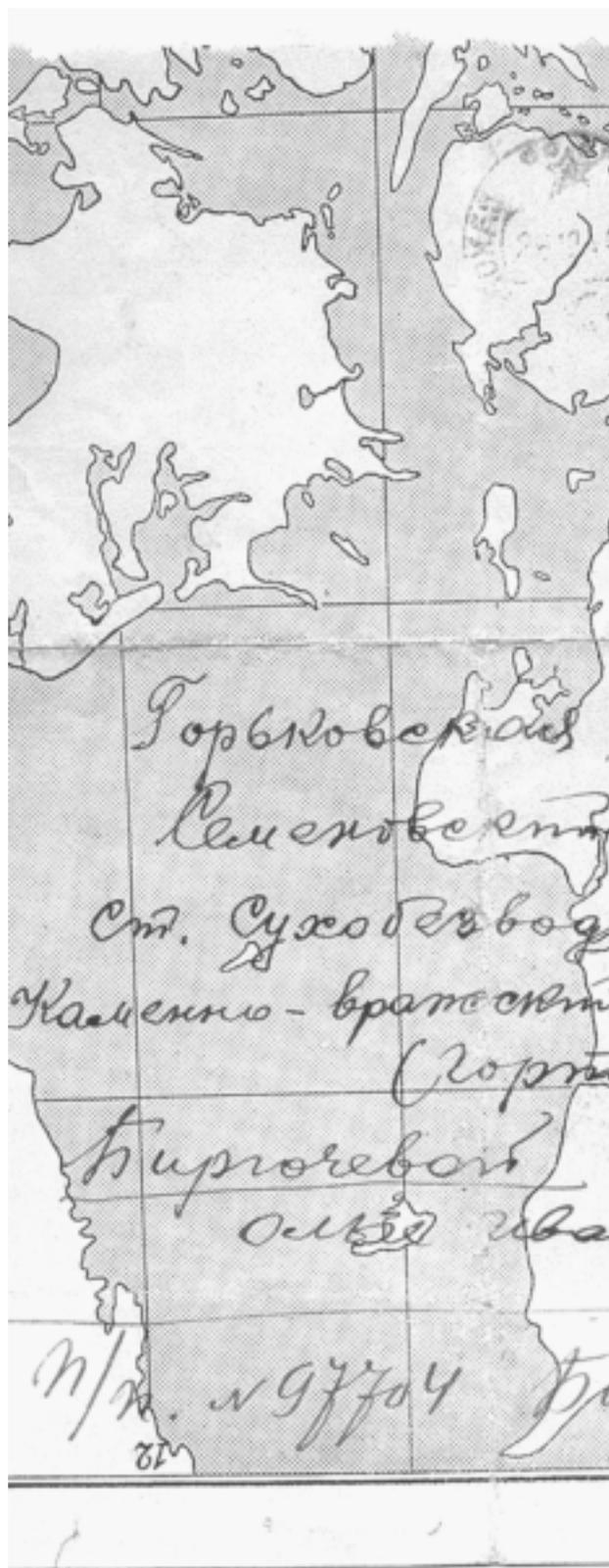
тишины, их никогда не забыть. А над холмами, окопами стояла грозная пороховая тишина. Тишина перед боем. А я лежу в окопе, прикрываю фонарик полый мокрой шинели, пишу тебе письмо и думаю, что так же, как я миллионы бойцов от Северного Ледовитого океана до Черного моря лежат в эту ночь на мокрой земле, ждут рассвета и боя и думают о жизни и смерти, о своей судьбе. Маруся! Очень хочется жить, дышать, ходить по земле, видеть небо над головой. Но не всякой жизнью хочу я жить, не на всякую жизнь согласен.

Я пойду в бой, буду драться с ненавистным нам врагом. Из-за большого идет драка. Решается, кто будет хозяином моей судьбы. Я или немец... Он растопчет твоё сегодня и украдет твоё завтра... Я такой жизни не хочу! Нет, не хочу! Нет, лучше смерть, чем такая жизнь! Нет, лучше штык в горло, чем ярмо на шею. Лучше умереть героем, чем жить рабом.

Я гляжу сквозь ночь глазами человека, которому близостью боя и смерти дано далеко видеть,



Письмо Б.Ф. Фомина от 15 июля 1942 года



Письмо с фронта Н. Бирючева, написанное на контурной карте, адресовано О.И. Бирючевой



Фронтная открытка

через многие ночи, дни, месяцы гляжу я вперед и там за горами горя вижу нашу победу. Мы добудем ее!!! Через потоки крови, через муки и страдания, через грязь и ужас войны мы придем к ней. К полной и окончательной победе над врагом. Мы ее выстрадали, мы ее завоевали.

Да, Маруся! Очень хочется жить, увидеть победу... Я иду в бой за жизнь, за настоящую, а не рабскую, жизнь, за счастье любимых, за счастье моей Родины, за мое, за ваше счастье. Я люблю жизнь, но щадить ее не буду..., смерти не испугаюсь.

...Вот загрохотали гаубицы. Артподготовка. Сейчас и мы пойдем. Над родной землей встает солнце, солнце боя. Под его лучами я торжественно клянусь тебе, Маруся, я не дрогну. Раненый — не уйду из строя, окруженный врагами не сдамся. Нет в моем сердце сейчас ни страха, ни жалости к врагу — только ненависть. Лютая ненависть. Сердце жжет. Это наш смертный бой. Иду. Прощай. Привет коллективу».

Бесстрашный политбоец, затем политрук, Сотников прошел путь от рядового до гвардии майора. За мужество в бою получил три ордена Красного Знамени. После войны 15 лет проработал директором лесхоза.

«Война — это страшное горе. Те, кто воевал, войну ненавидят, ненавидят они и тех, кто затевают войны. Счастье, что я остался жив, но это счастье однобокое: до сих пор мне снятся погибшие товарищи. Эта ужасная война с фашизмом останется в памяти людей навечно», — писал в своем письме, известный писатель-сказочник С.В. Афоншин.

В бой шли с именем Чкалова

Л.П. Попова

У советских летчиков 30-х годов был один герой — Валерий Чкалов. Он смело ломал устаревшие каноны и традиции в авиации, став одним из новаторов воздушного боя. Осуществляя полеты в той среде, в какой и может только происходить реальный воздушный бой — в условиях города, леса, железной дороги, Валерий Павлович утверждал предельно возможные нагрузки, которые способны вынести самолет и летчик.

Чкалов проявлял безумную отвагу не для удовлетворения личного тщеславия. Весь он был устремлен к одной цели: быть готовым к схватке и победе над врагом. Его новаторские идеи способствовали развитию военно-авиационной мысли. Чкалов говорил: есть еще много молодых летчиков, способных не только повторить его достижения, но и превзойти их.



Слева направо: Г.К. Орджоникидзе, В.П. Чкалов, И.В. Сталин

Валерий Павлович не ошибся... Об этом рассказывают экспонаты выставки в музее В.П. Чкалова, посвященной 60-летию Великой Победы.

Передо мной вырезка из газеты «Известия» от 3 октября 1941 года. Статья называется «Смелый маневр летчика Рожнова»:

«...Германские стервятники часто нападают на безоружные небольшие санитарные машины. Но летчики гражданской авиации мастерскими маневрами обманывают врага, уходят от быстроходных, хорошо вооруженных “Мессершмиттов”.

Фашистский истребитель погнался за самолетом летчика Рожнова. Пилот перешел на бреющий полет, маневрировал. Истребитель не отставал. Впереди по курсу были река и большой мост. Тогда Рожнов вспомнил дерзкую выходку молодого Чкалова. На заре своей летной жизни Валерий Павлович пролетел под аркой одного из ленинградских мостов. Рожнов решил повторить этот прием.

Когда фашистский самолет бросился в атаку, Рожнов повернул к реке. Он направил машину на большой железнодорожный мост и нырнул между устоями. Это было смело, дерзко, неожиданно. Изумленный фашист, не долетая до моста, резко свернул в сторону. Выиграв несколько минут, тов. Рожнов сумел благополучно уйти от преследования...»

Чкалов первым в мире осуществил на практике новые фигуры высшего пилотажа, которые в дальнейшем стали широко использоваться в воздушных боях. И в суровое военное время советские пилоты, вспоминая Чкалова, успешно применяли их.

В одной из витрин выставки помещена статья М. Ланского «Традиции Чкало-



В.П. Чкалов

ва живут в советской авиации» («Ленинградская правда» от 15 декабря 1942 года). В ней автор писал: «...Гитлеровцы просчитались. Уже в первые дни боев с Красной Армией они столкнулись с теми непонятными для них чертами чкаловского русского характера, которые выпадали из их расчетов и выкладок. Когда ленинградские летчики Жуков, Харитонов, Здоровцев, израсходовав боеприпасы, не уходили с поля боя и своими самолетами таранили проклятые «Юнкерсы» и «Хейнкели», — они были уверены: так бы на их месте сделал и Чкалов.

Когда Гастелло, Михайлов, Черных, сидя в машинах, охваченных пламенем, не выбрасывались с парашютом, а вели свои корабли на вражеские танковые и автомобильные колонны, — они знали: так бы поступил Чкалов.

Когда летчик Покрышкин, дважды Герой Советского Союза, вступает в бой с восьмеркой новейших «Фокке-Вульфов», двух из них поджигает и остальных обращает в бегство, — он знает: так бы дрался Чкалов».

Для будущего трижды Героя Советского Союза Ивана Кожедуба книга о Валерии Чкалове стала настольной. Кожедуб подражал Чкалову, представлял, как он готовился к полетам, к дальним перелетам. После войны Кожедуб вспоминал:

«Во время боев под Берлином я вылетел в паре с гвардии капитаном Титаренко на «охоту» в район города. Из вечерней дымки вылетело большое количество вражеских самолетов. Соотношение сил было неравным: нас, «охотников», было всего двое, а фашистских самолетов 40. В одно мгновение я подумал, что бы сделал на моем месте Чкалов, и решил атаковать. Взять их дерзостью, чкаловской напористостью и умением, — вертелось у меня в голове. И в этом бою я сбил две вражеские машины».

В годы Великой Отечественной войны имя Чкалова присваивалось лучшим авиационным частям, экипажам, эскадрильям. И не только им.

В лесах Белоруссии героически сражалась партизанская бригада имени В.П. Чкалова, материалы по истории возникновения, организации и боевой деятельности которой в музей В.П. Чкалова передали бывшие командир бригады М.П. Грибанов и комиссар И.П. Казак.

Кровавый террор, массовое истребление мирного населения, пытки, высылка на германскую каторгу — в такой обстановке оказались советские люди. Зимой 1941—42 года началось формирование партизанских групп. С наступлением весны 1942 года они вышли из леса. В июне встретились в северной части Ивенецкой пуши и соединились в один отряд. Его командиром стал воентехник Иван Прокофьевич Кузнецов, комиссаром — Иван Петрович Казак.

В августе 1942 года отряду удалось связаться с командиром десантной группы Разведуправления РККА — майором В.В. Щербининым, имевшим радиосвязь с Москвой. С его базы отряд получил взрывчатку.

К ноябрю 1942 года отряд насчитывал 480 человек. Пополнение происходило преимущественно за счет бойцов и командиров, бежавших из немецкого плена.

По приказу командира ОСПО «Дима» от 28 ноября 1942 года на базе отряда В.П. Кузнецова была развернута бригада имени В.П. Чкалова. Приказом от 3 января 1943 года в состав бригады введен отряд имени В.П. Чкалова, базировавшийся тогда в Койдановском районе. Командиром бригады стал М.П. Грибанов, комиссаром — И.П. Казак.

Основным подразделением бригады являлся отряд, состоявший из двух стрелковых и одной подрывной роты. Каждая рота включала 2–3 взвода. Взвод делился на отделения по 10–12 человек каждое. Возглавлял отряд штаб. При каждом отряде имелась разведывательная группа с непосредственным подчинением штабу отряда и заместителю командира по разведке. В состав бригады входили госпиталь, оружейная мастерская, комендантский взвод и разведгруппа.

Бригада осуществляла диверсионную работу на коммуникациях врага. Бойцы получали взрывчатые материалы из местных ресурсов, выплавляя взрывчатые вещества из авиационных бомб, снарядов и

мин. Изыскивалось вооружение, срывались все проводимые немецкими властями мероприятия, спасались от угона в Германию мирное население.

С начала организации и по июнь 1944 года бригадой пущено под откос 209 вражеских эшелонов, разбито и повреждено 180 паровозов, разбито 2141 вагон. При крушении убито и ранено гитлеровцев — 8818, задержано движение поездов на 2243 часа, взорвано и сожжено деревянных мостов — 107 общим протяжением в 2140 метров.

За этот же период бригадой во время боевых действий разбито 6 полицейских участков и немецких гарнизонов, ликвидировано 13 волостных управ, уничтожено 33 различных государственных предприятия, взорвано 9 железнодорожных мостов, 3 войсковых склада немецких гарнизонов. Всего проведено 70 открытых боев и засад, убито и ранено 1306 гитлеровцев, взорвано и сожжено 235 автомашин, 18 тракторов, 14 танков.

25 января 1943 года бригада в составе двух отрядов (180 человек) произвела налет на вражеский гарнизон местечка Городок Радошковичского района Вилейской области. Предстояло уничтожить гарнизон, вывезти имевшиеся там запасы продовольствия и другие ценности. По имевшимся сведениям, гарнизон противника накануне наступления насчитывал 75 человек полиции, жандармерии и литовцев. Сведения были получены бригадной разведкой Городок, но за два часа до наступления туда прибыло 150 человек подкрепления.

Партизаны ворвались в местечко, но противник засел в каменных зданиях и оказывал упорное сопротивление. Бой длился более трех часов. Партизанами была сожжена волостная управа со всеми документами, полицейский участок и ряд других зданий. После того, как из соседних районов немцы выслали подкрепление, партизаны вынуждены были отойти.

20 июля 1943 года немецкие карательные войска крупными силами начали окружение Налибокской пуши с целью уничтожить партизанские отряды и угнать местное население в Германию. Чтобы задержать противника еще на подступах к пуще, не оторваться от своих баз, дать возможность уйти в лес местному населению, бригада имени В.П. Чкалова вышла на подступы к пуще. Из засад она не давала возможности противнику сосредоточить свои войска на выгодных для него направлениях. В течение 10 суток, немцам удалось лишь незначительно углубиться в пущу. Это дало возможность партизанам, не отрываясь от своих баз, укрыть в глубине пуши до 7000 человек местного населения. Только после 30 июля противнику удалось выйти на большак Новый Двор — Яцково, отсекавший участок северной части пуши. Это затруднило маневренность бригады.

В ночь на 1 августа 1943 года командование бригады решило выйти в южную часть Налибокской пуши и после прочистки карателями северной части пуши выйти противнику в тыл. 1 и 2 августа немцы начали генеральную прочистку пуши. После нескольких коротких боев бригада небольшими группами прорвалась в прочищенные районы и к 6 августа, т.е. к окончанию немцами карательной операции, полностью собралась на своих базах.

В период отступления немцев из Барановичской области бригада перерезала основную дорогу Ивенец — Воложин и 2, и 3 июля 1944 года более чем на сутки задержала отходившие тыловые батальоны противника, которые сопровождали военнопленных и угоняемое в тыл врага местное население. При этом уничтожено 17 автомашин противника, обстрелом из засады освобождено до 200 человек местного населения и военнопленных партизан. Эти батальоны были настигнуты передовыми частями Красной армии и окончательно разгромлены под Юратишками и Богдановом. С 3 по 4 июля 1944 года командованием бригады была поставлена задача одному из отрядов: выйти на железнодорожный перегон Юратишки — Богданово и взорвать железнодорожное полотно. Отряд задачу выполнил. В ночь на 4 июля его бойцы взорвали железнодорожное полотно: на перегоне остановилось два десятка эшелонов противника, впоследствии захваченных нашими войсками.

Бригадой имени В.П. Чкалова со 2 по 14 июля 1944 года из засад и при вылавливании разбитых групп немцев было уничтожено 436 гитлеровцев, взято в плен 242 солдата и офицера, разбито и уничтожено 24 вражеские автомашины.

Дерзкими налетами на врага, отвагой и мужеством партизаны бригады имени В.П. Чкалова доказали, что с честью носят имя великого летчика. Семь партизан бригады были представлены к званию Герой Советского Союза.



Посадка в самолет

Фотографии Н.М. Капелюша предоставлены его сыном Л.Н. Капелюшем.

Родом мы из профтех...

Т.Г. Елагина, И.Г. Фарафонова

Музей Сормовского механического техникума создан в конце 60-х годов прошлого века. Инициатива его создания принадлежит директору училища (1955–1985) Н.А. Лукину. Человек удивительной судьбы, прекрасный педагог и руководитель, Николай Александрович хорошо понимал необходимость создания музея, сохранения бесценной истории училища.

Каким образом можно соединить тишь и величавость музейной работы с суетной, шумной жизнью учебного заведения? Естественно такое соединение происходит только в том случае, если имеются обоюдное стремление к сотрудничеству и желание сделать образовательное пространство богаче.

С 1967 года 13 групп учащихся вели поиск материалов о первых участниках революционных событий в Сормове, о выпускниках училища — Героях Советского Союза. Был оформлен альбом о выпускнике училища П.А. Семенове — первом Герое Советского Союза в городе Горьком. Материал получил диплом лауреата Всесоюзного похода по местам революционной, боевой и трудовой славы.

В 1989 году музей переехал в новое помещение площадью 90 м². Оборудованием экспозиции об истории учебного заведения с 1922 по 1995 год занималась группа учащихся под руководством заместителя директора по воспитательной работе М.А. Филипповой и военрука училища В.М. Худина. Валерий Михайлович — участник Великой Отечественной войны, разведчик, кавалер пяти боевых орденов. Ребята к нему тянулись.

Была развернута поисковая работа. Результатом ее стали документы и фотографии, рассказывающие о нашем учебном заведении, альбомы, стенды с фотографиями Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда — выпускников училища, образцы инструментов, изготовленные руками учащихся, наглядно оформлены статистические сведения о подготовке училищем молодых рабочих для завода «Красное Сормово» с 1940 по 1990 год.

Центральное место в экспозиции занимает раздел, посвященный работе учебного заведения в годы Великой Отечественной войны и вкладу его учащихся в достижение Победы.

Мы в день войны солдатами
не стали —
Всего лишь на вершок не доросли.



Знамя Государственного Комитета Обороны во главе колонны воспитанников Сормовского ремесленного училища № 3

С отцами расставаясь на вокзалах,
Мы, как один, в ремесленные шли.
Нас помнят на заснеженном Урале,
У домен, паровозов и станков.
Повсюду с уважением принимали
Замасленных плечистых пареньков.
Война с ее суровостью жестокой
Не брала нашу молодость в расчет,
И мы всегда давали раньше срока
Все, что от нас потребовал народ.
(Ф. Черкашин)

Никогда не была столь ответственна роль системы Трудовых резервов СССР, как в годы Великой Отечественной войны. Тогда воспитанники училищ составляли более половины рабочего класса. По решению Государственного Комитета Оборона учебно-производственная деятельность училищ была переключена на выполнение оборонных заказов. С первых дней войны воспитанники заняли рабочие места отцов и старших братьев, трудились наравне со старшими.

В цехах завода «Красное Сормово» работало 500 выпускников ремесленного училища (РУ) № 3, заменивших ушедших на фронт рабочих. За годы Великой Отечественной войны коллективом училища было изготовлено продукции на 12,5 млн рублей. В ответ на обращение учащихся РУ № 1 Автозаводского района города Горького к концу 1943 года учащиеся РУ № 3 собрали 80 тысяч рублей на строительство танковой колонны и авиаэскадрильи «Трудовые резервы». Учебному заведению 12 раз присуждалось переходящее Красное знамя Государственного Комитета Оборона. В 1943 году за своевременный и качественный выпуск оборонной продукции знамя было передано училищу на вечное хранение. Сегодня это самый ценный экспонат нашего музея.

Из стен училища вышли восемь будущих Героев Советского Союза: Иван Иванович Зиновьев, Петр Львович Кошелев, Александр Григорьевич Кузин, Владимир Николаевич Мочалов, Павел Афанасьевич Семенов, Анатолий Петрович Сироткин, Александр Александрович Сутырин, Сергей Михайлович Федяков. Стенды, посвященные этому периоду истории, — пример мужества и героизма наших выпускников.

Есть у нашего учебного заведения и свои легендарные личности. Одна из них — Н.А. Лукин. В 1941 году шестнадцатилетним пареньком Коля Лукин поступил в РУ № 3. В сорок третьем его, как отличника учебы, назначили помощником мастера группы токарей. После окончания училища Николай Лукин просился на фронт, но его оставили в училище на должности мастера — стране нужны были снаряды. Так в 18 лет началась трудовая биография Николая Александровича, связанная с подготовкой квалифицированных рабочих. В 1943 году Лукин поступил на заочное отделение машиностроительного техникума. Окончив его, он учился на вечернем отделении Горьковского индустриального института им. А.А. Жданова. В 1955 году Николай Александрович был назначен директором РУ № 3, где и проработал 30 лет. За подготовку квалифицированных рабочих он



В.М. Худин

был награжден орденами Трудового Красного Знамени и Октябрьской Революции.

В 1985 году Лукин умер. В мае 2005 года техникум отметил 80-летие Николая Александровича Лукина. В музее открылась и посвященная ему новая экспозиция.

Другая легенда — семья преподавателей физкультуры Григорьян. Более 80 лет составляет педагогический стаж представителей этой династии в нашем учебном заведении. Все спортивные достижения выпускников — результат их ударного труда. Да и прекрасный спортивный зал — заслуга отца Григория Акоповича Григорьяна и его сына — Валерия Григорьевича. Стенд, посвященный семье Григорьян, пользуется неизменным успехом.

Бесценны подлинные документы воспитанников (раньше так назывались учащиеся) училища: дипломы выпускников разных лет; дневник группы слесарей выпуска 1959 года; удостоверения и медали ВДНХ СССР; книги из библиотеки со штампами ФЗУ, РУ, ПТУ; издания военных лет (среди них суворовская «Наука побеждать», изданная в городе Горьком в 1942 году; образцы форменной одежды учащихся РУ и ПТУ).

На ВДНХ СССР девять лет размещался стенд ПТУ № 5 города Горького. В экспозиции музея находится модель первого в мире судна-катамарана «Кёр-оглы». Сделанная руками ребят действующая модель получила золотую медаль ВДНХ. Сейчас группа учащихся-электромонтеров решила восстановить электронную начинку модели и оживить ее. Это станет их дипломной работой и подарком к 65-летию системы Трудовых резервов страны, отмечаемому 2 октября 2005 года...

Большой популярностью сегодня пользуется грамота, которую получила группа учащихся ПТУ № 5

за победу в спортивных соревнованиях конца восьмидесятых годов. На ней — подпись секретаря комитета комсомола завода «Красное Сормово» Сергея Владимировича Кириенко.

Кстати, мэр Нижнего Новгорода Вадим Евгеньевич Булавинов — тоже наш выпускник. Правда, он не очень любит вспоминать, что слесарил когда-то в ПТУ № 5.

Новое время требует новых подходов к организации работы музея.

Созданный студентами и преподавателями техникума на базе материалов музея сайт «Планета Семенов» участвовал в городском конкурсе «Старый Нижний». Материалы сайта используются для формирования в сети Интернет страницы Нижегородской области, посвященной 60-летию Победы. В 2003 году за историко-просветительную работу и активную помощь в организации конкурса «Человек в истории. Россия XX век» музей получил благодарность от общества «Мемориал». Поддерживает музей связь и с племянником П.А. Семенова В.С. Кошкиным, автором книги «Сормовичи — Герои Советского Союза». В музее хранится экземпляр книги с дарственной надписью. Восемь Героев — это наши выпускники.

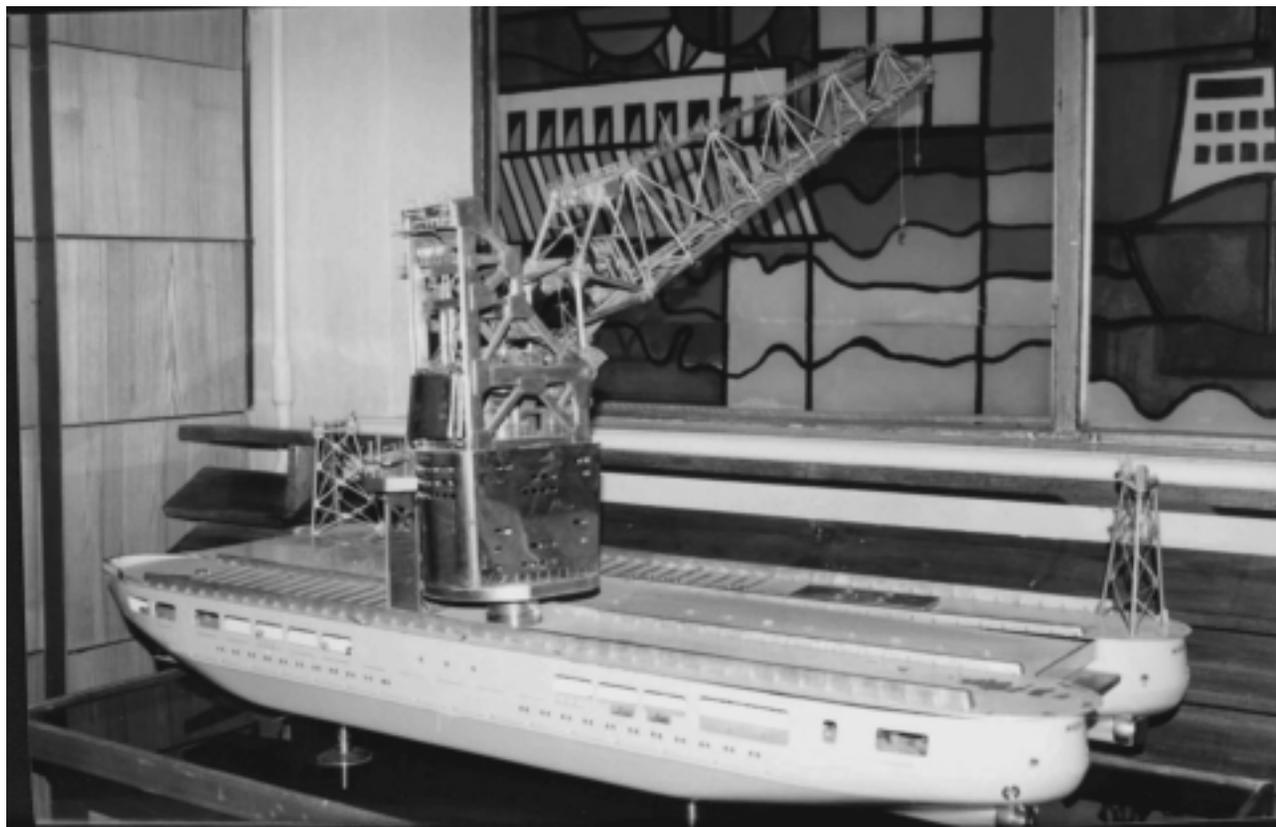
Музей активно включается в повседневную жизнь техникума: участвует в издании техникумовской газеты «Профи», проведении предметных недель, подготовке к юбилейным датам, дням открытых дверей, урокам мужества, родительским собраниям.

При поддержке музея в 2002 году силами студентов техникума поставлен спектакль о П.А. Семенове. В ноябре 2004 года на базе музея прошел областной семинар руководителей музеев учреждения начального и среднего профессионального образования. По итогам семинара приказом министерства образования и науки Нижегородской области объявлена благодарность за активное использование музея в воспитательной работе техникума.

Ведется сбор воспоминаний ветеранов. К празднику Победы оформлено «Послание к потомкам» участников Великой Отечественной войны.

Готовится к изданию Летопись учебного заведения. Помещение музея отремонтировали. Экспозиция музея значительно расширилась. Надеемся, у нас все получится. Если искать единомышленников, они обязательно найдутся.

Правы все-таки древние мудрецы: «Как много дел считалось невозможными, пока они не были осуществлены» (Плиний Старший)...



Действующая модель судна-катамарана «Кёр-Оглы»

Музей политбойцов-горьковчан

И.В. Рассказова

Музей боевой славы в нашей школе № 117 был открыт 23 февраля 1980 года. В юбилейный год Победы ему исполняется 25 лет.

Музей посвящен малоизвестной странице в истории Великой Отечественной войны – движению горьковских политбойцов-добровольцев. Когда к нам обратились ветераны-политбойцы с предложением организовать музей, я ничего не знала о них. Оказалось, что в исторической литературе политбоец отождествлялся с армейским политработником.

Как выяснилось из нашей переписки с ветеранами, в СССР такого музея еще не было: попытку создать подобный предприняли только в Ленинграде. К нам обратились горьковчане С.А. Мозолькин, А.П. Ауров, Н.С. Губанков. Выбор на нашу школу пал, видимо, потому, что в ней учились дети двух фронтовиков.



Встреча ветеранов-политбойцов с учащимися школы № 117.
Выступает Н.С. Губанков

В первые дни Великой Отечественной войны положение Красной армии оказалось тяжелейшим.

Противник проходил до 60 км за день в глубь нашей страны. Такое положение не стимулировало укрепления морального духа и стойкости армии. Поэтому 27 июня 1941 года Центральный комитет ВКП(б) принял постановление: направить в качестве политбойцов добровольцев из числа коммунистов и комсомольцев.

28 июня в городе Горьком и районах области при райкомах и горкомах партии начался прием заявлений. Для подававших их людей медицинских комиссий не существовало.

Это был цвет нашего студенчества, участники финской войны и боев на Дальнем Востоке, партийные и комсомольские работники и просто люди от станка и с полей.

Всего из Горьковской области ушло 5685 человек, а по всей стране — 95 тысяч.

1 июля 1941 года от стен Нижегородского кремля отправился эшелон горьковских политбойцов.

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков писал: «Мне не раз приходилось разговаривать с направлявшимися в войска политбойцами. Эти люди несли в себе какую-то особую, непоколебимую уверенность в нашей победе»¹. Все они направлялись в войска небольшими группами рядовыми бойцами, чтобы подать пример в трудную минуту своим поведением. Жуков пишет, что их распределяли как капли воды в прокаленной пустыне: столь велико было влияние политбойцов в действующей армии на первом этапе Великой Отечественной войны. С войны вернулся из двенадцати политбойцов один.

Историю этих людей и предстояло нам отразить в будущем музее.

Его главным организатором сразу оказалась я, учитель истории.

В школе был создан штаб, куда стекались все материалы поиска. В него входили ученики 7–10 классов. В каждом классе, с четвертого по десятый, были созданы поисковые группы. Их задачей было выявление ветеранов-политбойцов, а через них — выход на других ветеранов или их семьи.

Первым шагом стала попытка собрать ветеранов 23 февраля 1979 года. В этот день к нам приехало более 30 человек. Это была первая встреча политбойцов-горьковчан с учениками школы. В зале присутствовали все поисковые группы и представители от всех классов, весь педагогический коллектив и ветераны-политбойцы. Впервые ученики узнали о движении политбойцов.

Я приняла решение: открыть музей боевой славы горьковских политбойцов-добровольцев 23 февраля 1980 года. Ребята уяснили одну важную деталь: о политбойцах нет сведений в исторической литературе, не отражен их подвиг и в краеведческом музее. Задача — найти необходимые материалы. Был создан совет из ветеранов, первым председателем которого стал В.И. Качалов. В совет музея вошли пять человек.

Начался поиск. У нас уже был список из нескольких десятков имен со старыми адресами и телефонами. По поисковым группам штаб распределил известные имена ветеранов. Предстояло выяснить их адреса, телефоны.

Некоторые ветераны охотно отвечали на приглашения и встречались с целым классом, к другим же ребята приходили на дом. Ребята поздравляли «своих» ветеранов с праздниками, днем рождения, а те дарили им фронтовые письма, грамоты и другие предметы.

Во время таких встреч расширялся поиск: появлялись новые имена политбойцов, их родственников.

Когда приступили непосредственно к оформлению музея, большую помощь оказали родители школьников, которые вместе с учителем труда, ветераном Великой Отечественной войны, А.В. Костровым своими руками делали планшеты, столы, витрины.

23 февраля 1980 года в школе состоялся большой праздник. За месяц до него были разосланы пригласительные билеты. Группы детей дежурили на ближайших автобусных остановках, чтобы встретить и проводить гостей в школу. Все гости были зарегистрированы. Отдельно учитывались пришедшие родственники политбойцов, гости района, завода «Красное Сормово», города. Всего в тот день к нам приехали 137 человек. Дети стали свидетелями встречи самих ветеранов. Многие из них не виделись друг с другом с памятного утра 1 июля 1941 года, когда их эшелон уходил на фронт. В уголках школьных коридоров было слышно: «Коля! Это ты?», «Сергей, живой?!» Ветераны провели «Урок мужества», а потом собрались в зале. Дети отчитались за проделанную работу и пригласили в новый музей.

Открывали музей ветеран-политбоец, доктор медицинских наук В.И. Парахоняк и ученица 9-го клас-

са Ира Тараканова. Первую экскурсию вела ученица 10-го класса Наташа Зубченко. Некоторые фотографии даже сами ветераны никогда не видели (они найдены в архивах военных корреспондентов первых дней войны).

Очень скоро стало ясно: материал быстро прибывает, площади для его размещения малы, да и оформление хотелось бы сделать более выразительным. Поэтому музей был расширен. Через 4 года произошла его реконструкция.

Большой удачей для нас стало то, что среди ветеранов-политбойцов оказался профессиональный работник музея, кандидат исторических наук краевед И.А. Кирьянов. Под его руководством была выполнена полная реконструкция музея, который вновь открылся 6 мая 1984 года.

В структуре музея 11 разделов:

1. В годы мирного труда
2. По зову сердца
- 3—4. Смоленское направление
5. Брянское направление
6. Священная земля
7. Ленинградское направление
8. На партизанской тропе
9. Дошли до Берлина
10. Победа
11. Снова в строю.

Горьковские политбойцы были направлены на Смоленский, Брянский, Ленинградский фронты. Самая большая группа (3,5 тыс. человек) — на защиту Смоленска. Поэтому ей посвящены два стенда.

Первый стенд отражает период 1935–1940 годов. Здесь фотографии, личные вещи, документы студентов горьковских вузов. Молодежь готовила себя к защите Родины: училась, занималась спортом. Об этом говорят грамоты и значки Игоря Кирьянова, Германа Потемкина, Володи Мошкова и других. Николай Шаталин уже сам ведет стрелковый кружок. Люди старшего поколения заняты созидательным трудом: В.П. Фокин — строитель дороги Горький — Кулебаки, И.М. Мартынов — корреспондент газеты.

Второй стенд запечатлел 22 июня 1941 года — митинги в разных районах области и городе Горьком с сообщением о нападении фашистской Германии, первые документы политбойцов — справки о направлении их в действующую армию. Здесь же и репродуктор тех времен: по таким «тарелкам» люди слушали сводки с фронтов.

Стенды, посвященные битвам на Смоленском, Брянском и Ленинградском направлениях, рассказывают, как воевали политбойцы. Здесь осколки снарядов, солдатские котелки, штыки, каски и другие экспонаты. Они найдены в местах сражения горьковских политбойцов.

Письма. Фотографии. За каждым из этих документов — подвиги и судьбы людей. Политбойцами Москвы, Тулы и Горького создан мемориал в городе Ярцеве Смоленской области, о чем свидетельствует его фотография. Есть уникальные кадры: военный корреспондент запечатлел момент, когда горьковские политбойцы вместе с Н.С. Губановым ползли к вражеским танкам, держа в руках бутылки с горючей смесью. Трагично звучат слова экскурсовода,



А.П. Казаков. 1944 год



И.Ф. Бакин. 1943 год

рассказывающего о Смоленском сражении. 32 политбойца во главе с Николаем Енцовым удерживали рубеж от немцев. Погибли все. Лишь тяжелораненого Енцова ночью спасла местная жительница А. Белинская, рискуя собой и жизнью своих детей.

Со стенда «Брянское направление» на нас смотрят вчерашние десятиклассники Иван Саичев и Володя Парахоняк. Они только окончили школу, им нет и восемнадцати лет. В качестве политбойцов-добровольцев они отправляются на фронт 1 июля 1941 года.

Драматична судьба В.И. Парахоняка, который будет долечиваться в госпитале родного города. Госпитальная койка находилась в палате, где раньше был его 10-й класс. А судьба Юры Копылова. Он только окончил театральное училище. Был тяжелое ранен в голову 2 октября 1941 года, лишился глаза...

На защиту Ленинграда ушла группа политбойцов численностью 15 тысяч во главе с М.Н. Бронштейном, вожаком сормовской и автозаводской молодежи. Среди них были студенты водного института, рабочие автозавода, сормовичи. Им пришлось испытать блокаду Ленинграда, тяжелейшие бои на Ораниенбаумском пятачке и Невской Дубровке. В 80-е годы наши ученики вместе со студентами ГГУ и ветеранами боев за Ленинград прошли по этим местам. Для музея они привезли оттуда каску и саперную лопатку.

На центральном стенде «Священная земля» хранится земля с мест боев горьковских политбойцов. В 60-е годы они совершали «марш-бросок» и привезли землю, которую берегли, чтобы позднее передать в музей. Здесь же и остатки советского и немецкого оружия, котелки, шинель П.И. Поплавского и другие предметы. Их нам подарили ветераны и школьники Смоленска, с которыми мы вели переписку и встречались.

По-разному складывались судьбы политбойцов. Для одних путь был очень коротким, кто-то испытал

страшное понятие «плен». Ненависть к врагу нередко помогала выходить из окружения, бежать. И тогда они оказывались в партизанских отрядах, о чем рассказывают документы стенда «На партизанской тропе». Несколько побегов совершил сормовский паренек Сергей Мозолькин, прежде чем попал к партизанам. И только через 27 лет он найдет людей, которые укрыли его в русской деревне. Вот он с ними на фотографии. Свой отряд создаст Н. Шешменов, связным у партизан будет И.Ф. Бакин.

Путь в 1418 дней и ночей пройден — горьковские политбойцы сфотографировались у Брандербургских ворот в Берлине, с ними — М.А. Урес. Дошли!

Четыре горьковчанина-политбойца стали Героями Советского Союза.

Последние стенды посвящены мирным дням. На стенде «Память» фоторепортаж о возложении венков к Вечному огню в Нижегородском Кремле ветеранами-политбойцами и нашими учениками. Здесь же и фотографии, запечатлевшие ребят в почетном карауле у Вечного огня.

Мы подходим к стенду «Снова в строю». Те, кто вернулись к мирной жизни, старались прожить ее достойно, как и воевали.

Знатный рабочий «Красного Сормова» С.А. Мозолькин и нижегородский краевед, почетный гражданин Нижнего Новгорода И.А. Кирьянов, член сельскохозяйственной академии И.П. Елисеев, несмотря на тяжелейшее ранение, стал заслуженным артистом РФ Ю.М. Копылов, а И.А. Милуков построил здание нашей школы в 1969 году. Доктором медицинских наук, хирургом стал В.И. Парахоняк. Пока ветераны были здоровы, они часто посещали школу, являлись нашими большими друзьями и помощниками.

В 2003–2005 годах мы создали две новые экспозиции: «Урок мужества», посвященную ветерану Великой Отечественной войны заслуженному учите-



В.И. Парахоняк. 1946 год

лю РФ преподавателю нашей школы В.И. Воробьеву, и «Офицер — профессия героическая». Обе рассказывают о выпускниках нашей школы, посвятивших жизнь защите Отечества.

В начале нашего пути нам немало помогала Т.И. Ковалева, возглавлявшая музей ГГУ. Студенты с ветеранами выезжали на места боев политбойцов и брали с собой наших ребят. Позднее с азами работы музея нас познакомил И.А. Кирьянов. Последние 15 лет Игорь Александрович был не просто председателем совета ветеранов в музее, нашим помощником и большим другом. Особенно ценны наши встречи в 90-е годы. В это время, когда молодежь не понимала, какие же ценности настоящие, а какие — однодневки, мы не прекращали работу музея. Продолжались поиск, встречи с людьми, знавшими политбойцов в мирной жизни, их детьми.

Ребятами написано немало работ на основе документов о жизненном и военном пути политбойцов. Они вышли под рубрикой «Спасибо, солдат», «Солдат, ученый, педагог», «От солдата до академика», «Политбоец на партизанской тропе» и другие.

Сегодня в музее имеются списки почти всех районов области, откуда уходили политбойцы, 280 индивидуальных папок с материалами о конкретных людях. Каждый экспонат имеет карточку учета основного или вспомогательного фондов, запись в книге учета, акты приема и другую необходимую документацию.

Мы расширяем сферу работы в музее. В 2000 году было принято Положение о воспитательной работе с молодежью в учебных заведениях, предложен к работе документ «Дни воинской славы России» с конкретными событиями истории. Поэтому в 2001–2004 годах в школе проводились инсценированные представления, связанные с юбилейными датами:

60 лет Битвы под Москвой,
Ледовое побоище (760) лет, «России верные сыны» (190 лет Бородину),

60 лет Битвы на Волге (теоретическая конференция и встреча с ветеранами),

60 лет снятия блокады Ленинграда,

100 лет В.П. Чкалову (временная экспозиция).

Работали «круглые столы» с приглашением ветеранов по темам «Вчера, сегодня, завтра России», «Вчера, сегодня, завтра армии России».

Одновременно в классах проводились беседы по данной тематике, широко отмечалось 390 лет освобождения Москвы от польских интервентов, 500 лет Нижегородского кремля.

У нас есть свои даты, которые мы всегда отмечаем: 23 февраля встреча с ветеранами, 8 мая — посещение вместе с ними памятника политбойцам.

В юбилейный год мы создали две временные экспозиции: «Горький в годы войны» и «Война — дети». Экскурсию ведут ученики 10-го класса. Пригласили ветеранов 23 февраля на экскурсию. В этом году музей установил связь с курсантами военного училища города Кстова, провел интересный круглый стол «Молодежь и терроризм».

Работой музея руководит совет музея из учащихся 9–11 классов. Каждый год в сентябре происходит его частичное обновление. Во главе совета стоит директор музея. Наиболее важные мероприятия обсуждаются советом с привлечением актива из числа школьников.

Мы участвовали во всех конкурсах школьных музеев, экскурсоводов и все 25 лет занимали призовые места. Были лауреатами Всероссийского конкурса школьных музеев 2000 года, посвященного Великой Отечественной войне, конкурса сочинений «Наш дом».

Музей стал центром патриотического воспитания. Здесь проходят и уроки истории по Великой Отечественной войне, создаются временные экспозиции о важных датах в истории страны. Проводятся встречи с интересными людьми.

Больше всего работа музея дает тем ребятам, которые здесь занимались когда-то сами. Они научились владеть речью, вести себя с разными людьми. Все они, как только поступают в вузы, становятся старостами, членами студсоветов, участниками КВН. Выступления этих ребят на семинарах по истории в вузах вызывают живой интерес даже у преподавателей. Все это — итог работы музея.

Мы благодарны ветеранам: это они в свое время предложили нам создать музей, воспитавший на их подвиге уже несколько поколений сормовичей.

Наши школьники выступают в районной газете «Красный сормович». О нас газеты писали более трех десятков раз. Наиболее известные публикации документов из нашего музея содержатся в книгах: «Забвению не подлежит». Т. 2. (Н. Новгород, 1994.), «Книга Памяти». Т. 2.

Примечания

1 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1971. С. 269.

Позывные — «Нормандия — Неман»

Е.В. Мацейко

«Здравствуйте, мои родные. Скоро закончится война, и мы обязательно встретимся, — писал из полка «Нормандия — Неман» механик Владимир Белозуб родителям в село Покровское, что под Днепропетровском, летом 1944 года. — ...Я тут подружился с одним французом. Зовут его Филипп Морис де Сейн. Славный парень, хороший друг. Мы связаны с ним очень крепко. В свободное время обучаем друг друга грамоте. Я его — русскому, а он меня — французскому языку. Если сможете, достаньте русско-французский словарь. Ваш сын Володя».



Летчики полка «Нормандия — Неман»

15 июля 1944 года полк «Нормандия — Неман» получил приказ перебазироваться на аэродром близ Вильнюса. В одноместном Як-9 при необходимости механик мог бы поместиться в отсеке фюзеляжа. Владимир Белозуб, механик летчика Мориса де Сейна, воспользовался этой возможностью. Во время боевого вылета самолет был обстрелян неприятелем — из бензобака начал вытекать бензин. Де Сейн получил приказ покинуть самолет на парашюте. «А как же механик Володя, ведь он у меня за спиной и без парашюта?» — передал по радиации французский летчик.

Морис отказался спасать свою жизнь, оставив в горящем самолете товарища. До последней минуты он пытался посадить самолет. Страшный удар, взрыв — погибли оба.

Этот эпизод военных лет упоминает каждый экскурсовод, ведущий экскурсию в уникальном школьном музее. Историю эскадрильи «Нормандия — Неман» в гимназии № 53 Советского района Нижнего Новгорода изучают давно. Музей боевой славы Первой воздушной армии (в нее и входил легендарный авиаполк «Нормандия — Неман») существует уже почти двадцать лет. За это время накоплен богатейший фактический материал, собраны интересные экспонаты, ведется активная поисковая работа по расширению музейной экспозиции.

Душой музея и его идейным вдохновителем стал бывший директор гимназии № 53 Александр Петрович Демин. Сам он в годы войны служил авиамехаником в Первой воздушной армии. Впоследствии поисковую работу возглавил учитель истории участник Великой Отечественной войны Григорий Львович Райкин. Несколь-



Делегация гимназии № 53 Советского района Нижнего Новгорода на праздновании 60-летия полка «Нормандия – Неман» в г. Иваново. 2002 год

ко лет назад эстафету приняла Тамара Михайловна Колокольцева.

В годы Великой Отечественной войны Первая воздушная армия прошла от Москвы до Кенигсберга, произвела 366 тысяч боевых вылетов. За боевые заслуги 17 747 человек награждены орденами и медалями, 145 летчиков получили звание Героя Советского Союза, 17 из них были удостоены этого звания дважды.

Осенью 1942 года Французский национальный комитет национального освобождения (руководитель Шарль де Голль) принял решение направить для участия в войне с фашизмом летчиков 1-й французской истребительной авиагруппы базы «Раяк» в Ливане.

Добровольцев «раяков» оказалось намного больше, чем рассчитывало командование. Они стремились в Россию, чтобы участвовать в настоящей войне с теми, кто оккупировал их родину. В конце ноября 1942 года первая группа французов в составе 15 летчиков, 39 техников и 4 штабных офицеров прибыла в Иваново. Позднее Франсуа де Жоффер, бывший летчик полка «Нормандия – Неман», вспоминал, как сильно билось сердца патриотов, когда они спускались по трапу на русскую землю. Тогда они совершенно не знали русского языка. Правда, одно русское слово им все-таки было известно — «товарищ».

Советские механики относились к своим французским друзьям сердечно. «Надо было видеть их лица, их горящие взгляды, их счастливые улыбки, когда мы сообщали о наших очередных победах», — писал Франсуа де Жоффер. — За одну ночь они могли сменить мотор самолета на морозе, работая без перчаток — дело тонкое, сложное...»

Эскадрилье решено было дать имя «Нормандия» — в честь северной провинции Франции, жестоко пострадавшей от гитлеровских захватчиков. На знамени эскадрильи был изображен герб Нормандии — два льва на фоне красного щита. «Раяки» стремились как можно скорее принять участие в боях с врагом — в это время советские войска окружили под Сталинградом 6-ю армию Паулюса. Ту самую, что вошла в Париж в 1940 году.

Свой боевой путь полк «Нормандия — Неман» начал на Курской дуге, воевал под Смоленском, в Белоруссии. За участие в Восточно-Прусской операции и взятие форта Пиллау личному составу полка «Нормандия – Неман» была вынесена благодарность Верховного главнокомандующего И.В. Сталина. Многие французские пилоты получили советские награ-

ды. Двум летчикам — Марселю Альберу и Ролану де ла Пуапу — было присвоено звание Героя Советского Союза. М. Альбер сбил 23, а Р. де Пуап — 16 самолетов противника.

Позднее звания Героя Советского Союза были удостоены Жан Андре, который сбил 15 самолетов, и Марсель Лефевр, совершивший 105 боевых вылетов и сбивший 11 вражеских самолетов. Последнему это звание было присвоено посмертно. Немецкие зенитки подбили самолет Лефевра под Витебском. Из разбитого бензобака полыхнул огонь, летчик смог посадить самолет, но при этом загорелся сам. Механики полка стали сбивать огонь, накрывая его куртками. Пламя удалось сбить, но Лефевр получил смертельные ожоги. 5 июня 1944 года в военном госпитале в Москве он умер от ран и ожогов.

За более чем двухлетний срок на советско-германском фронте в полку «Нормандия – Неман» побывали 109 французских летчиков. Из них в боях приняли участие 95 человек. 42 пилота отдали свои жизни в борьбе с фашистами. Имена погибших золотом выбиты на мемориальной доске французской военной миссии в Москве.

На знамени полка «Нормандия – Неман» прикреплены советские орден Красного Знамени, орден Святого Александра Невского и французские награды — орден Почетного легиона, Военный крест с шестью пальмами, Крест Освобождения и Военная медаль.

Летчикам французского полка «Нормандия – Неман» есть чем гордиться. С марта 1943 по май 1945 года полк выполнял серьезные боевые операции: сопровождение бомбардировщиков и штурмовиков, прикрытие наземных войск, уничтожение с воздуха объектов противника. Французские пилоты произвели 5240 боевых вылетов. За 869 воздушных боев ими сбито 273 немецких самолета, уничтожено много боевой техники и живой силы врага.

Два года назад нижегородских школьников пригласили в Иваново, где широко отмечалось 60-летие полка «Нормандия — Неман». Нижегородская делегация состояла из девяти человек — учителей и учеников. На встрече в музейно-выставочном комплексе города Иваново собрались ветераны, воевавшие вместе с полком «Нормандия – Неман». Участники встречи вспоминали о совместных действиях французских и советских летчиков, их боевой дружбе, сохранившейся до настоящего времени. Ученики старших классов нижегородской гимназии № 53 выступили с интересными докладами на научно-практической конференции.

Мы в музее боевой славы Первой воздушной армии № 53. Останавливаемся у стенда, посвященного полку «Нормандия – Неман». Летные перчатки времен Великой Отечественной войны, шлем пилота, фотографии французов-Героев Советского Союза. На самом почетном месте — альбом, подаренный французскими школьниками своим российским друзьям. В нем фотоснимки, письма, документы пилотов авиаполка «Нормандия – Неман».

В музее — новый экскурсовод Наталья Синицына. Теперь ей передана «эстафета памяти». Значит, свидетелями подвигов и побед легендарной эскадрильи новые станут слушатели.

Ты расскажи нам, юнга

А.В. Тамбовцева

Сквозь годы, сквозь дым отгремевших атак,
Сквозь ярость девятого вала
Мы слышим: «Врагу не сдается “Варяг”»,
Не зря по морям нас шатало.

*К историкам вовсе претензии нет,
Что время считают не чисто:
И нашему флоту за тысячу лет,
Хоть празднуем мы только триста.*

*На палубах наших сегодня аврал,
Мы тесно собьемся у грота
И скажем: «За честь нам вступиться пора
Распятого нашего флота!»*

*Братве ни один не изменит моряк,
Коль сердце в нем молодо бьется.
Споем мы: «Врагу не сдается “Варяг”»,
Вранью и нытью не сдается.*

*Отчизна родная, услышь моряка:
Одна у него лишь забота,
Чтоб длилась еще не года, а века
Слава Российского флота!*

В. Шамиурин



У центрального входа в Нижегородский Дворец детского творчества имени В.П. Чкалова установлен огромный якорь. Над ним мемориальная доска, на которой начертано: «Из здания Дворца пионеров уходили подростки-добровольцы в школу юнг ВМФ, став юными героями Отечественной войны. 1942–1945 годы».

Во Дворце размещается первый в нашей стране Музей боевой славы юнг-горьковчан, юных защитников Родины.

Постановление бюро Горьковского областного комитета ВЛКСМ о создании музея было принято 17 апреля 1973 года. Необходимые средства заработаны на субботниках комсомольцами города. Большую поддержку в создании музея оказали общественные организации и промышленные предприятия города Горького: заводы «Красное Сормово», «Двигатель революции», авиационный и другие.

Свой труд, средства, вдохновение созданию музея отдавали и сами бывшие юнги. Они стали проектировщиками, столярами, оформителями музея. Их военные и мирные специальности позволяли все делать профессионально. Моряки были и щедрыми дарителями реликвий своей военной юности. Бескозырки с названиями школы юнг и боевых кораблей, фронтовые письма, свидетельства об окончании школы, воспоминания и фронтовые газеты — на всем печать правды военной поры. Многие школы города включились в поисковую работу и предоставили музею собранные материалы. Очень важен вклад в его создание фотокорреспондента Я.А. Вышкинда.

Директор Дворца пионеров Надежда Николаевна Белик возглавила работу коллектива Дворца по созданию музея, име-



А.В. Ганрио открывает музей юнг. 1974 год

ющего важнейшее значение для воспитания патриотизма у юных поколений.

После открытия музей принимал пионерские отряды, здесь проходили прием в пионеры, торжественное вручение комсомольских билетов, проводятся экскурсии. Лучшими экскурсоводами становятся сами юнги. Все у них получается правдиво и искренне. Музей завоевывает популярность и авторитет, становясь центром военно-патриотического воспитания. Как говорят военные моряки, «Якорь отдан».

...Шел военный 1942 год.

Юные горьковчане буквально осаждали военкоматы, требуя отправки на фронт. Отвечая на неудержимый патриотический порыв молодежи, наркомат ВМФ принял решение о создании школы юнг и о наборе добровольцев в школу.

«Приказ народного комиссара
ВМФ Союза ССР по управлению подготовки
и комплектования ВМФ
№ 108 от 25 мая 1942 года

В целях создания кадров будущих специалистов флота высокой квалификации, требующих длительного обучения и практического плавания на кораблях Военно-Морского флота, приказываю:

к 1 августа 1942 года сформировать при учебном отряде Северного флота школу юнг ВМФ со штатной численностью переменного состава 1500 человек с дислокацией на Соловецких островах. Плановые занятия начать с 1 сентября 1942 года.

Адмирал *Н.Г. Кузнецов*».

Школу пришлось строить самим ребятам, преодолевая холод, цингу, бытовые трудности.

Откроем книгу воспоминаний бывшего юнга Сергея Александровича Барабанова.

«На первых порах жить, учиться, мыться, стирать белье, варить и принимать пищу было негде. Разбили палаточный городок, в одной из палаток соорудили баню.

Белье стирали в Купальном озере, пищу готовили в походных кухнях, принимали ее на сколоченных на скорую руку столах под дощатым, из горбыля,

навесом. Во время дождя навес протекал, и струйки воды текли в миски с едой. В палатках было сыро и холодно. В заморозки иногда волосы юнг примерзали к обледенелой подушке. К зиме нужно было построить кубрики-землянки, столовую, баню, клуб, спортгородок, а главное, отремонтировать заброшенное каменное здание под учебный корпус».

Как вспоминал бывший юнга Н.В. Смирнов, «мозоли превращались в раны».

Напряженной была учеба в школе. Всего лишь за год в классных комнатах и на практических занятиях в открытом море каждый из подростков старался на «отлично» освоить свою боевую специальность: боцмана, радиста, рулевого, моториста, артиллерийского и торпедного электрика.

Понимая, что в бою может сложиться ситуация, когда надо будет заменить раненого или погибшего товарища, ребята осваивали и смежные профессии.

На всех флотах и флотилиях страны служили юнги-горьковчане в годы Великой Отечественной войны. Юные моряки участвовали во многих боевых операциях и имеют боевые награды. Орденами Красной Звезды отмечены подвиги Сергея Барабанова, Николая Горбунова, Станислава Шкарина, Валентина Лаптева, Юрия Степанова, Николая Лапаева; орденом Славы III степени, медалью «За боевые заслуги» и орденом Отечественной войны — Николая Федина. Евгений Ушаков был награжден медалью Ушакова, Владимир Красненков — медалью Нахимова, Геннадий Агапов — медалью «За боевые заслуги». Список можно продолжать и продолжать, потому что все юнги были удостоены боевых наград.

Разные профессии и судьбы у бывших юнг. Но первая встреча во Дворце пионеров, учеба в школе юнг, общая боевая биография сделали всех друзьями на всю жизнь.

Работу музея возглавляет и организует совет ветеранов-юнг. В разное время его возглавляли С.А. Барабанов (8 лет), Ю.В. Посев (2 года), Е.А. Шаров (около 7 лет), В.Н. Пастухов (более 11 лет). Они отдавали работе все свое время, не щадили свое здоровье. Они были замечательными организаторами встреч боевых друзей, помогали по многим вопросам бывшим юнгам и поисковым отрядам; их хорошо знали в школах области и города. Е.А. Шаров установил связь более чем с 300 бывшими юнгами по всей стране, был консультантом при создании школьного музея «В шестнадцать мальчишеских лет» в школе № 2 Городца, награжден знаком ЦК ВЛКСМ «За активную работу с пионерами». Директор школьного музея Евгения Майорова пишет: «Говорят, уходят из жизни ветераны. Нет, они не уходят! Они остаются с нами навсегда — в наших мыслях, в наших делах».

Со дня основания музея заместителем председателя совета ветеранов-юнг 28 лет был В.А. Лаптев. Три года он является председателем.

В каждом районе города, в городах области работают районные советы юнг-ветеранов. Многие годы активно работали С.К. Раков (знаток истории России и прекрасный рассказчик), Н.Я. Горбунов (участник Парада Победы 1945 года и юбилейных парадов на Красной площади в Москве в 1995 и 2000

годах). С.С. Шкарин, К.И. Затылков, А.В. Беляев, А.И. Юсипов (кружковцы Дворца пионеров в довоенное время), Г.М. Агапов (председатель совета ветеранов поселка Малое Козино), М.С. Хорошев (заслуженный работник культуры, журналист из Павлова), Н.И. Сафронов (из Балахны) и многие другие ветераны-моряки.

Более 6000 детей и взрослых ежегодно бывают на экскурсиях в музее. По заданию музея в школах работают поисковые группы. В разное время его пополняли материалами следопыты школ № 173, 2, 44, 68, 8, 13, 55, 177, 123 и 179, интерната № 5, интерната для незрячих и слабовидящих детей, школы № 8 Выксы, Тумботинской средней школы Павловского района, школы № 2 Городца, школы № 68 Ижевска, школы № 35 Харькова, кружковцы Дворца детского творчества имени В.П. Чкалова.

Поисковым отрядам присваивались имена героев-юнг. По результатам работы поисковых отрядов в городе Выксе (председатель районного совета В.А. Куприянов) одна из улиц названа именем юнгиразведчика Саши Чаулина. В городе Городце (председатель районного совета А. Юсипов) одна из улиц

названа именем юнга Николая Шапланова, сражавшегося в партизанском отряде. Поисковый отряд школы № 173 (руководитель Н.Д. Литвинчук) оформил дневник, в котором есть семь биографий погибших юнг. Лучшим поисковым материалом из школы № 55 был признан альбом о воспитанике школы Д.А. Лысове (руководитель поиска Н.Д. Липатова).

Формы работы музея разнообразны. Каждый год юнги проводят большие традиционные сборы, посвященные дню рождения музея, Дню защитника Отечества и Дню Победы. В музее проводятся встречи поисковых групп с Героями Советского Союза, моряками-героями. Посещение музея старшеклассниками Поста № 1 — важный фактор воспитания юных патриотов.

К 300-летию российского флота при активном участии музея в школах города реализована программа «России верные сыны». Одним из разделов программы стало изучение истории юнговского движения, что активизировало интерес к музею. Кроме того, у каждого бывшего юнга есть своя подшефная



Ветераны-юнги и участники поисковых отрядов



Линейка ветеранов на том самом месте, откуда они уходили в школу юнг в 1942 году. Репорт принимает контр-адмирал Аркадий Викторович Ганрио



Председатель совета юнг В.В. Лаптев (за столом слева) на заседании совета.



Ветераны-юнги принимают школьников в пионеры.

школа, где учились его дети, а теперь учатся и внуки.

В 1980 году музей был представлен на ВДНХ СССР, получив золотую медаль, а члены детского совета музея Алексей Мызалин и Сергей Горшков — медали и удостоверения «Юный участник ВДНХ СССР».

Юнги-ветераны активно работали в советах ветеранов предприятий, где они трудились. Н.В. Смирнов руководил «Школой молодого рабочего» на автозаводе. Юнга с эсминца «Громкий» Д.Д. Арсенин стал заслуженным художником России и кавалером ордена Милосердия фонда «Дети России». Он создал и возглавлял нижегородскую школу искусств и ремесел «Изограф», приобщал к прекрасному слабослышащих и слабовидящих детей. Недавно в школе «Изограф» открылся «Класс В.С. Пикуля» — филиал музея юнг.

Юнга-балтиец С. Раков — один из самых активных пропагандистов музея и дарителей. Он спроектировал, сделал и подарил замечательный макет землянки, а второй макет землянки подарил Соловецкому музею.

Среди наиболее ценных экспонатов музея скульптурный бюст юнги Саши Ковалева работы В. Пурехова, бесценная рукописная книга С. Барабанова, подарки С.С. Шахова, В.Н. Пастухова, А. Юсипова, К. Затылкова, В. Лаптева, С. Ракова; модели кораблей, изготовленные судомоделистами под руководством В.К. Анкудинова, книги В.С. Пикуля с автографами, штурвал, якоря, рында.

У музея много настоящих друзей-помощников: контр-адмирал в отставке А.В. Ганрио, профессор Нижегородской консерватории народный артист России почетный гражданин Нижнего Новгорода Л.К. Сивухин, лауреат премий имени В.С. Пикуля, Международной ассоциации писателей-баталистов и маринистов, премии Нижнего Новгорода В.А. Шамшурин, поэт А. Чеботарев (по просьбе следопытов он написал балладу о юнге Саше Чаулине), писатель В. Гузанов, председатели советов ветеранов всех флотов, областной военкомат (бывшие юнги часто выступают перед допризывниками), речное училище имени И.П. Кулибина.

Из коллективов Дворца детского творчества наиболее тесная дружба с судомодельным кружком (руководитель В.С. Богданов). Юные художники Дворца подготовили выставку рисунков «Юнги в сражениях» (руководители И.С. Соловьева и В.А. Сергеев). Клуб любителей природы (руководитель М.М. Ушакова) подарил музею альбом, рассказывающий о природе Соловецких островов. Хоровая капелла мальчиков (руководитель Л.Ф. Моисеева) посвящает юнгам свои выступления, а кружок художественного конструирования (руководитель Е.К. Зимина) подарил макет Соловецкого монастыря.

Моряки-ветераны и сегодня отдают все свои силы воспитанию юных.

Фотоматериалы предоставлены музеем юнг Дворца детского творчества им. В.П. Чкалова

«...Никогда не забуду...»

Л.Л. Крайнов-Рытов

Горьковские художники в годы Великой Отечественной войны — тема не только интересная, но и мало изученная. Часть художников-живописцев была призвана в действующую армию и после войны вернулась домой. Среди них художники А.А. Крашенинников, В.К. Куклин, Л.Ф. Кулакова, С.П. Тумаков, И.М. Ашкенази, А.М. Каманин, Ю.Д. Либеров, Соколов. Погибли в боях за Родину С. Сучков, М. Ашкенази и другие.

Некоторым художникам была дана «бронь» (освобождение от воинской повинности) и они работали в тылу, например, занимались непростым делом — маскировкой корпусов Автогиганта (художник М.М. Тихомиров и другие).



Н.В. Павинский. На дороге после бомбежки. 1943.
(Собрание Л.Л. Крайнова-Рытова)

Как рассказывали мне художники-фронтовики, на войне вовсе не до искусства, там нет никаких условий для творчества (ни материалов, ни красок, ни свободного времени).

Несмотря на все трудности, многие художники все же находили возможность рисовать. Так, большую серию портретов бойцов и военных медсестер выполнил А.А. Крашенинников, боевой пулеметчик, находившийся в госпитале (Сталинград) после ранения. Мне посчастливилось обнаружить эти рисунки (серия) и подарить в государственный музей «Оборона Сталинграда».

По-своему благополучно сложились фронтовые годы для нижегородского художника Николая Владимировича Павинского (1908–1973). В предвоенные годы он преподавал в Горьковском художественном училище, участвовал во многих выставках. Талант был замечен — и его пригласили на работу (службу) в студию М. Грекова (творческое подразделение Советской армии). По приказу руководства его командировали в действующую армию (1943–1945). В числе творческих заданий Н.В. Павинскому было поручение выполнить малую серию (цикл) больших парадных портретов крупных советских военачальников. Натурные рисунки маршала И.С. Конева из блокнота фронтового художника — своего рода документы истории творчества. Ниже рисунка «На дороге» приписка автора: «Пройдя вперед, я на дороге увидел зрелище, которое я никогда не забуду» и дата: 8 июня 1943 года.

Скульптор Павел Иванович Гусев

А.В. Кессель

«Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую:
Гипсу ты мысли даешь, мрамор послушен тебе...»

А.С. Пушкин

Мастерская скульптора — это своего рода музей, а также творческая лаборатория мастера, где можно получить редкую возможность увидеть эскизы и модели к одному и тому же памятнику, увидеть сам процесс поиска единственного точного и определенного решения.

Несколько десятилетий мастерская-музей Почетного гражданина Нижнего Новгорода, Народного художника России известного скульптора П.И. Гусева размещалась в храме на ул. Сергиевской. Но храм передали епархии, а скульптор продолжает работать дома.



П.И. Гусев

Все свои гипсовые модели Павел Иванович передал в 2000 году в г. Кстово.

Имя Гусева давно известно не только землякам, но и далеко за пределами родного края. Он участник многих художественных выставок, его скульптурные работы находятся в Нижегородском художественном музее, Третьяковской галереи и в музеях других городов.

Павел Иванович Гусев родился 14 июля 1917 года в большой дружной семье потомственного кузнеца в селе Борнуково Княгининского уезда Нижегородской губернии. Он не стал кузнецом как отец, его привлекла обработка камня, добываемого в борнуковских пещерах. Тринадцатилетним мальчишкой он пришел в артель, где получил первые уроки от мастера-камнереза П.Э. Шальнова, приехавшего сюда с Урала. Ученики вырезали из податливого алебаstra маленькие фигурки зверей: слоников, львов, коней. У ребят эти работы вызывали интерес. Усидчивость, трудолюбие давали небольшой заработок, что было не лишним в трудные годы для крестьянской семьи.

В 1935 году Павла и двух его товарищей, как способных учеников, направили в Москву на учебу в промышленно-техническое училище. Ребята выбрали отделение по обработке камня. Столица их заворожила музеями, театрами, встречами с интересными людьми, они познавали жизнь, обогащая себя увиденным. А время было героическое: покоряли и изучали Арктику, строили самолеты и совершали дальние героические перелеты. Имена героев знали все: дети и взрослые.

С тех пор имя земляка и образ В.П. Чкалова с Павлом Ивановичем остается на многие годы. Он создал не

одну станковую статую и скульптурные бюсты мужественного летчика, которые можно увидеть и во Дворце творчества юных имени В.П. Чкалова, и на авиазаводе, на станции метро Чкаловская, Третьяковской галерее, на родине pilota в Чкаловске, где в 1981 году установлен бронзовый четырехметровый монумент.

Но все это будет после окончания московского училища, службы в армии с 1940 года на Дальнем Востоке, где он находился и в годы Отечественной войны 1941–1945 годов, охраняя границы Родины.

Молодой лейтенант Павел Гусев после демобилизации в 1947 году, уже в 30-летнем возрасте, приехал в послеблокадный Ленинград и поступил в институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина. Его учитель был известный скульптор народный художник СССР В.В. Лишев.

«Моя дипломная работа «Валерий Павлович Чкалов», гипсовая фигура в рост была осуществлением мечты, которая так меня волновала. Это был 1953 год», — рассказывает П.И. Гусев. С этого года Павел Иванович с семьей живет в нашем городе, который он любит и старается всю жизнь увековечивать память своих земляков.

Павлом Ивановичем созданы барельефные портреты на 12 мемориальных досках: на улице Ульянова (сейчас Педагогический университет, ранее находилась гимназия) — четырех портретный барельеф: учителя гимназии Ильи Николаевича Ульянова, его жены и детей; на улице Ильинской, 65 — И.Н. Ульянову (1981); на улице Минина, 15 — композитору А.А. Касьянову (1985); на улице Грузинская, 46 — Герою Советского Союза, писателю А.П. Бринскому (1986); на улице Пискунова, 5 — писателю Н.И. Кочину (1988); на проспекте Гагарина, 23 — академику Г.А. Разуваеву (1993); на площади Минина и Пожарского, 10/1 — академику Н.Н. Блохину (1995); на Верхне-Волжской набережной, 18 — профессору М.В. Колокольцеву и Н.Н. Блохину (1986); на улице Семашко, 19 — великому певцу Ф.И. Шаляпину (1995); на улице Ковалихинская, 33 — А.М. Горькому (1998); на улице Совнаркомовская, 34 — первому почетному гражданину Нижнего Новгорода рабочему машинисту экскаватора П.И. Белоусову (1998).

Гусевым создано более 16 памятников в городе и Нижегородской области: памятник Я.М. Свердлову в соавторстве с Н.М. Чугуриным (1957) — в сквере на ул. Большой Покровской; скульптурный бюст композитора М.И. Глинки (1964) — ул. Пискунова, 40, у здания Нижегородской государственной консерватории им. М.И. Глинки; героям Волжской военной флотилии (1977) — пл. Маркина; горельефный портрет славного земляка изобретателя-механика И.П. Кулибина на гранитной стеле (1985) в парке им. Кулибина, улица М. Горького; памятник писателю Н.А. Добролюбову (1986) площадь Театральная; скульптурный бюст В.П. Чкалову (1999) в Сормове.

Памятник революционеру А.А. Ванееву (1967) — город Бор; Герою Советского Союза Н.Д. Фильченкову (1969) — село Курилово Дальнеконстантиновского района; памятник воинам балахнинцам павшим на фронтах Отечественной войны 1941–1945 гг. (1969) город Балахна; памятник писателю Н.И. Кочи-



Памятник морякам Волжской военной флотилии.
Открыт 5 ноября 1977 года

ну (1992) в селе Богоявление Дальнеконстантиновского района.

Самые крупные работы П.И. Гусева — это бронзовый памятник В.П. Чкалову (1981) на родине летчика; памятник В.И. Ленину в Кстове (1987); прекрасная монументальная скульптура князя Д.М. Пожарского в селе Пурих (1998). Это село с волостью было пожаловано князю в 1613 году в добавление к его родовым вотчинам за спасение Москвы и Отечества. Это единственный памятник Д.М. Пожарскому в нашей стране.

Павел Иванович талантливый портретист. В его творчестве натурный портрет занимает важное место. В 1957 году им выполнен скульптурный портрет токаря И.А. Кудрявцева, а в 1959 году — одна из лучших ранних работ «Пастух» — скульптурный бюст в дереве, находится в Нижегородском художественном музее. Прекрасный скульптурный мраморный бюст В.Г. Короленко в музее писателя — школа № 14, портрет художника А.Г. Варламова. П.И. Гусев создал удивительный портрет своей мамы, излучающий добро и ласку. Да всех работ и не перечислить.

Сейчас скульптор, как говорится на заслуженном отдыхе, но и дома он продолжает работать. Руки, привыкшие к делу, всегда находят занятие.

Творческая деятельность скульптора активно способствовала сохранению исторической памяти о знаменитых и известных нижегородцах-горьковчанах, активно способствовала передаче образов предшествующих поколений и тех идеалов, которыми они жили.

Летописцы в строю

В.Ю. Белоногова

Зубчатый абрис кремлевской стены давно знаком нижегородцам. А кому обязан город обретением исторической конфигурации зубцов Нижегородской крепости? Ведь в 1950-е годы, когда наши историки приступали к восстановлению кремля, стены его были целы только наполовину. Единственный зубец старинной стены сохранился неподалеку от Георгиевской башни. С узором, напоминающим раздвоенный ласточкин хвост, но без прорези, не так, как на зубцах Московского Кремля.

Сплошная кирпичная кладка доказывала: зубец выложен одновременно с крепостной стеной XVI столетия. Нашел его и научно описал молодой горьковский историк Игорь Александрович Кирьянов.



И.А. Кирьянов выступает в музее Н.А. Добролюбова.
11 марта 1996 года

Когда в 1941 году отправлявшиеся на фронт добровольцы стояли у кремлевской стены, зубцов на ней еще не было...

В составе отряда политбойцов, первым эшеленом убывавшего к западным границам страны, был и студент историко-филологического факультета Горьковского пединститута Игорь Кирьянов. Спортсмен-лыжник, он успел к тому времени принять участие в боях на финской войне.

Имя этого человека в нижегородском краеведении теперь стоит в одном ряду с такими именами, как Н.И. Храмовский и А.С. Гациский. Почетный гражданин Нижнего Новгорода, автор 27 книг и более 200 научных статей. Благодаря его инициативе и настойчивости в нашем городе состоялись перезахоронение останков Кузьмы Минина в Архангельском соборе, возвращение городу исторического имени, возрождение и водружение на Дмитриевской башне кремля герба Нижнего Новгорода.

Коренной нижегородец, Игорь Александрович Кирьянов родился 12 ноября 1918 года. Его предки оставили заметный след в истории города. Прадедом по линии матери был знаменитый купец-мукомол Матвей Башкиров. Дед по отцу из крестьян выбился в руководители Окского пароходства Кашиной. Отец, присяжный поверенный, председатель Нижегородской гильдии защитников, был видным деятелем партии конституционных демократов. Большую роль в жизни Игоря Александровича после ранней смерти отца сыграл отчим Я.А. Садовский, сын А.Я. Садовского, профессора археологии, выдающегося архивиста-историка, председателя Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. В студенческие годы его

учителями были нижегородские историки С.И. Архангельский, Н.М. Добротвор.

Война с фашизмом надолго прервала учебу. Игорь Александрович воевал под Брянском. Осенью 1941 года, когда армия Гудериана стремительно шла на Тулу, 50-я армия попала в окружение. Оказавшись в плену, Кирьянов совершил побег. Пробирался по лесу вслепую, переплыл полузамёрзшую речку, раздвигая льдины руками. В одну из ночей уснул в густом кустарнике. Когда проснулся, услышал вокруг голоса немцев. Оказалось, что в темноте он попал в их расположение. Его схватили, долго и жестоко били.

Снова лагерь для военнопленных. И снова побег. На этот раз, найдя партизан, он сумел попасть к своим. В Смерше начались изнуряющие допросы. С Кирьяновым был еще один вырвавшийся из плена боец. Его расстреляли. Игорь Александрович до сих пор считает, что сам он спасся только чудом...

Потом опять был фронт, бои под Мценском. Тяжелое ранение, госпиталь в Семипалатинске. После выздоровления был признан годным к нестроевой и направлен служить в Алма-Ату. И снова фронт. С боями Игорь Александрович прошел через всю Польшу. Участвовал в освобождении Варшавы. Служил в роте мотоциклистов, был командиром орудия, старшиной конного эскадрона 7-го кавалерийского корпуса.

В Люблине участвовал в операции по захвату в плен коменданта города генерала Мозера. Я попросила его рассказать, как это было. И он, наверное, уже в который раз точно до мелочей вспоминает, как обстреляли они шестером на лесной дороге машину, как вылез из нее здоровенный генеральский ординарец-водитель и они втроем едва справились с ним. Еще в машине ехали дородная генеральша и щуплый генерал.

За участие в этой операции Игорь Александрович был представлен к ордену Красной Звезды. Второй свой боевой орден он получил за жестокий бой у местечка Сарне на Украине.

К двум орденам Красной Звезды добавились потом орден Отечественной войны первой степени, десяток медалей.

Было и еще одно ранение. Победу Игорь Александрович встретил на окружной дороге Берлина. Вернулся в Горький старшим сержантом.

Одиннадцать дней, проведенных в плену, еще долго будут напоминать ему о себе и в мирной жизни, вставая непреодолимой преградой для его работы в областном музее, восстановления в партии, защиты кандидатской диссертации.

Вернувшись в родной институт, фронтовик засел за учебники, сдавая экзамены экстерном. Хотел поступить в аспирантуру. Не взяли: 11 дней в плену... Направили на преподавательскую работу в Мурманск, но и там отказали. Помог профессор Н.М. Добротвор. По его рекомендации Кирьянов был принят в Горьковский областной краеведческий музей. Но «там, где следует», рассудили: бывший пленный «пробрался» на идеологическую работу областного уровня. Пришлось уволиться. Полный энергии и плодотворных научных замыслов молодой историк в течение нескольких лет преподавал физику в Горьковском техникуме советской торговли.



Старший сержант И.А. Кирьянов.
Алма-Ата 1943 год

Призвание и непреодолимая тяга к избранному пути привели Игоря Александровича в мастерскую по реставрации памятников архитектуры. Здесь он стал проводить все свободное время. Особенно увлекло его участие в работе по реставрации Нижегородского кремля: сбор документов, раскопки, описание разрезов. Руководил реставрационными работами архитектор Игнатий Викентьевич Трофимов, известный в стране специалист, реставратор Троице-Сергиевой лавры. Итогом этой работы стала публикация Кирьянова в академических «Материалах и исследованиях по архитектуре СССР». Это была первая серьезная научная работа о Нижегородском кремле, опубликованная в столь солидном издании.

В 1953 году при поддержке ведущих горьковских историков Игорь Александрович стал заместителем директора по научной работе Горьковского областного краеведческого музея. Он организует этнографические и археологические экспедиции по Горьковской области. В круг его забот вошла жизнь многочисленных районных музеев. Благодаря ему создавались и развивались краеведческие музеи в Арзамасе, Павлове, на Бору и в других городах.

По инициативе Кирьянова начинаются раскопки на территории пушкинской усадьбы в Большом Болдине, результатом которых стало воссоздание облика исторических усадебных построек.

Он организует археологические раскопки в древнейшем городе области — Городце. Истории возведения Городецкой крепости и ее строителям, застройке Городца им отведено много времени и сил. Потом благодарные городчане выпускают книгу «Кирьянов в Городце».

Вместе с историком и археологом И.В. Трофимовым, архитектором С.Л. Агафоновым, реставра-

тором К.И. Рязановым Игорь Александрович продолжает археологические работы и в историческом центре Нижнего Новгорода. Он издает книгу «Нижегородский кремль», монографию «Старинные крепости Нижегородского Поволжья», начинает публикацию Нижегородских летописей.

В 1965 году Игорь Александрович защищает в Горьковском университете кандидатскую диссертацию по древней истории Нижегородского края. На всю жизнь осталось у него чувство благодарности к научному руководителю Виктору Трофимовичу Илларионову. С родным же пединститутом у Игоря Александровича связаны долгие годы его собственной педагогической работы. В течение многих лет он работал на кафедрах научного коммунизма, всеобщей истории, заведовал кафедрой истории СССР, исполнял обязанности декана историко-филологического факультета.

Потом были новые книги: «Топонимия Волго-Окского междуречья и история его аборигенного населения», «К проблеме летописной Мещеры». Кирьянов участвовал в издании 14 томов Книги Памяти. Им опубликованы новые данные об основателе города князе Юрии Всеволодовиче, великом нижегородце Кузьме Минине. Игорем Александровичем опубликованы интересные находки по топонимии Волго-Окского междуречья и множество других ценных материалов.

Вклад Кирьянова в нижегородскую летопись высоко оценен. Но для любого профессионала лучшая оценка — одобрение коллег. Вот почему самой дорогой своей наградой Игорь Александрович считает небольшую дарственную надпись в книге одного из крупнейших наших историков Д.Н. Смирнова «Очерки жизни и быта нижегородцев XVII века». Она сделана автором в 1965 году: «Игорю Кирьянову — единственному краеведу, чьи труды считаю ценнее своих».

О многом может вспомнить и рассказать в свои 87 лет этот седой высокий человек. Тысяча учетных карточек его личного фонда в Нижегородском областном архиве вбирает в себя, кажется, многовековую историю Нижнего Новгорода. Его собственная судьба вобрала в себя самые крупные и драматичные повороты двадцатого столетия.

К установлению места захоронения расстрелянных в годы сталинских репрессий нижегородцев Игорь Александрович тоже имел самое непосредственное отношение. Это странное место на Бугровском кладбище справа от входа у южной ограды показала ему сторожика. По давней своей археологической привычке Кирьянов даже под асфальтом сразу определил характерные проседания земли. Такие же проседания над «братскими могилами» — рвами двухметровой ширины были найдены и в противоположном углу кладбища.

Позже, когда были обнаружены и документальные свидетельства массовых казней, Игорь Александрович прочел деловитые распоряжения руководителей Горьковского НКВД по поводу этих захоронений: «От верхнего покойника оставлять до поверхности не менее двух с половиной метров земли».

Где-то тут погребен и прах репрессированного в тридцатые годы А.А. Садовского, отца жены Игоря Александровича.

Авторитет и известность имени И.А. Кирьянова в городе помогали ему потом во множестве дел и начинаний. Но только близкие знают, сколько усилий, терпения и дипломатии требовалось иногда, чтобы добиваться решений, которые потом воспринимались всеми как общее и очевидное благо.

И сколько душевной щедрости. Поэтому для него своими и близкими становились заботы не только учеников-студентов, но и проблемы старых и новых нижегородских музеев.

Я вспоминаю, с каким участием и заинтересованностью Игорь Александрович участвовал на ученом совете музея Н.А. Добролюбова в обсуждении программы будущей Пушкинской экспозиции. У него и сейчас по поводу Пушкинского музея есть интересные соображения. Что касается Пушкинского музея, то вклад И.А. Кирьянова в его создание — не только в соображениях. Одним из наиболее ценных экспонатов музея стало прекрасное бюро пушкинской поры, семейная реликвия, переданная Кирьяновыми в дар музею.

У Игоря Александровича все новые заботы. Он продолжает думать о судьбе мемориального Архангельского собора, многострадальном особняке Рукавишниковых на Откосе, возрождении районных отделений общества «Нижегородский краевед»...

В 2004 году Игорь Александрович опубликовал в печати новые сведения, доказывающие, что во время второго пребывания в Нижнем Новгороде Петр Первый посетил здание городского магистрата в Кожевенном переулке. Здание сохранилось. Необходимо увековечить исторический факт и установить памятную доску.

Фронтоник, ученый, хранитель и летописец нижегородской истории, почетный гражданин Нижнего Новгорода по-прежнему в строю.

Фотоматериалы предоставлены В.Ю. Белоноговой

Патриот земли СОКОЛЬСКОЙ

С.В. Бреде

Организатором областного конкурса музейных проектов выступает министерство культуры Нижегородской области, финансирует его бюджет области. Это вселяет уверенность в истинности и неложной патриотичности целей конкурса. Идею для участия в конкурсе выискивать долго не пришлось, она была подсказана самим музеем, его коллекцией и историей её появления.

«Мастер. Гражданин. Человек» — так называется наш проект. Посвящен он почетному гражданину поселка Сокольское — В.С. Косулину.

Сегодня в массовой культуре мало личностей — настоящих патриотов, искренно любящих свою малую родину, преданных и бескорыстных ее тружеников. Художник, архитектор, фронтовик Виктор Степанович не только обладал всеми этими качествами — его смело можно назвать «музейным» человеком.



Здание Сокольского народного краеведческого музея

«Хорошо прожитая жизнь — долгая жизнь». Эти слова вполне подходят к ветерану Великой Отечественной войны почетному гражданину поселка Сокольское художнику-скульптору и архитектору Виктору Степановичу Косулину. Он внес большой вклад в художественный облик поселка, став одним из инициаторов возрождения музея. В фондах музея накоплен огромный материал о земляке, который мы и стремимся достойно представить посетителям.

Косулин участвовал не только в Великой Отечественной войне, но и в войне с Финляндией. Ему повезло: он остался жив, хоть и был ранен. А еще ему повезло в том, что мечту о шести скульптурных портретах земляков он смог все-таки осуществить. Сделать свой поселок красивее, чище, уютнее — под этим девизом прошла вся жизнь художника. Память о мастере воплощена в его архитектурных и художественных работах.

Родился Виктор Степанович 28 января 1917 года в деревне Семениха, недалеко от села Сокольское. Вблизи — река Мочь, впадающая в Волгу. Места живописные, куда ни кинешь взгляд — везде готовая картина. Родители Виктора Степан Яковлевич и Мария Федоровна были людьми трудолюбивыми, а по тому, по тем временам зажиточными. Через год семья переехала в Сибирь. С началом сплошной коллективизации семья вернулась на малую Родину.

Отец Виктора был отличным кузнецом, передав секреты своего мастерства сыну. Уже в 15 лет Виктор мог паять, подковывать лошадей, оковывать шинами колеса, ковать к плугам ножи и сошники.

Талант художника проявился у Виктора, как только в доме появились каранда-



Лейтенант В.С. Косулин

ши и бумага. Он рисовал с натуры домашних животных. Первые же его рисунки были замечены школьными учителями. В 1935 году Виктор Степанович окончил ФЗУ и до ухода в армию в 38-м работал кузнецом на судоремонтном заводе в Чкаловске.

В годы Великой Отечественной войны старший лейтенант Косулин участвовал в боях на Ленинградском фронте. Был ранен, награжден орденом Отечественной войны I степени, медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». После демобилизации в 1947 году Виктор Степанович переехал в город Фрунзе.

Энергичный, любознательный и честолюбивый, Виктор Косулин стремился повысить свое образование, в 1957 году поступает во Фрунзенский политехнический институт. В 1964-м он заканчивает его, став дипломированным инженером-строителем. Прошел от



Причуды природы. Рисунок В.С. Косулина

мастера до главного инженера Министерства здравоохранения Киргизской ССР.

Полученные знания позволяют видеть проблемы поселка в целом, «с высоты птичьего полета». После образования Горьковского моря берег начинал катастрофически обрушаться. Виктор Степанович готовит ряд материалов для районной и центральной прессы о необходимости берегоукрепления, обращается к населению в своем стихотворении «Берег бьет тревогу». В нем предлагает пути решения проблемы.

Не забывает Виктор Степанович и родной поселок:

У Волги-матушки реки,
Стоит поселок мой.
Сокольское, Сокольское,
Поселок мой родной.
Я здесь родился и мужал.
С поселком вместе рос.
Люблю его, как мать дитя,
Люблю его до слез.

Неизбывная тоска по малой родине и любовь к Волге приводят Виктора к ее истоку. Он продолжает строить дома, школы, больницы в городе Осташкове Калининской области. В 1974 году Виктор Степанович становится главным архитектором Осташкова. Архитектор Косулин стремится к тому, чтобы построенные здания были не только прочны и вписывались в архитектуру города, но и являлись украшением города, радовали глаз. В 1977 году по выходе на пенсию художник Косулин получил возможность заниматься любимым делом — живописью, скульптурой, архитектурой.

Волга и ее живописные берега — одна из любимых тем художника Косулина. «Природа создана умно, и человеку не нужно выдумывать чего-то нового и нарушать законы природы, достаточно соблюдать их», — считал Косулин. Сокольскому краеведческому музею, к тому времени «захиревшему», Виктор Степанович подарил 23 живописных этюда, 26 графических рисунков, два бюста. Щедрая коллекция стала толчком к возрождению музея. 11 июня 1998 года состоялась презентация выставки картин «Мой край родной — моя судьба», экскурсоводом на которой выступил сам Виктор Степанович. Выставка картин художника стала одним из постоянных разделов экспозиции музея. «Плёт в осеннем наряде», «Спуск к воде», «Исток Волги» — праздничная, светлая, солнечная поэма в картинах родной реке, своему детству украшает ныне стены Сокольского музея.

Но совестливого фронтовика не устраивали одни лиричные пейзажи. Разрывы бомб и снарядов, голод, разруха эхом отзывались в сердце ветерана: «Сердце щемит, слезы катятся неудержимо, когда вспоминаешь многих товарищей, погибших в боях на фронтах, в госпиталях, многих, умерших от ран после войны. Вспоминаешь о нелегкой доле уцелевших солдат и думаешь: как мало сделал для них!»

В 1975 году, побывав в Сокольском краеведческом музее, Виктор Степанович увидел фотографии Героев Советского Союза. Он тут же загорелся мыс-

лю изваять скульптурные портреты героев и подарить их музею. Работа продвигалась медленно. Довоенные нечеткие фотографии не давали нужного представления о человеке. Одно художническое чутье оказалось мало — потребовались знания. Виктор Степанович стал изучать анатомию, знакомиться с работами антропологов, отыскивать закономерности в построении лица человека. Бюсты сокольских героев скульптора Косулина демонстрировались на многих выставках.

Спустя много лет кажется, что мысль о создании бетонного мемориала с портретами героев витала в воздухе с первого Дня Победы. В 1975 году была начата работа, на которую ушли долгие годы. 9 мая 1985 года в Сокольском был открыт задуманный Виктором Степановичем мемориал. Парк Победы в поселке принял тот вид, каким его видел автор: мемориальный комплекс с барельефами Героев Советского Союза — сокольчан с эпизодами подвига каждого героя, списки с именами погибших в годы Великой Отечественной войны земляков; место отдыха, огражденное чугунным парапетом, с беседкой на берегу Волги и зелеными насаждениями.

Огромную работу пришлось выполнить Виктору Степановичу при подготовке Книги Памяти. «Работать было тяжело, — вспоминал ваятель и зодчий Косулин, — но меня выручал мой настойчивый упорный характер: назад ни шагу! И это во мне победило!».

Выполненный Виктором Степановичем Косулиным мемориал в парке Победы поселка Сокольское включен в Книгу Памяти России навечно. В 1988 году за создание мемориала художник Косулин удостоен звания почетного гражданина поселка Сокольское.

Виктор Степанович по праву гордился достигнутым: «Сокольское — это моя родная земля. Здесь я родился, я безмерно счастлив. Мое счастье не име-

ет границ. Оно в том, что именно мне доверили выполнить мемориальный барельеф в парке Победы героям-землякам и всем павшим. Сделать эту работу я посчитал для себя гражданским долгом, своей человеческой обязанностью». Время с осени 1998 по весну 2003 года стало последним свиданием мастера с сокольской землей:

Мне кажется, я сделал мало,
И откровенно говоря,
Порой небрежных строк хватало,
Случалось, дни летели зря.
Жизнь с горы съезжает рано.
Был молодым — и вдруг старик!
Хожу я в ранге ветерана,
А быть старейшим не привык.
Ах, как бы жизнь начать сначала!
Но время не шагает вспять,
И зрелых замыслов немало
С собой придется забирать...

При реализации проекта изготовлены две новые витрины, разработанные с учетом помещения для показа наследия Виктора Степановича Косулина. Сделан первый шаг в обновлении выставочного оборудования Сокольского музея за все время его существования. Проведена выездная выставка картин, рисунков, фотографий на Дне поселка, посвященная памяти художника.

Все выставки получили широкий резонанс: в течение одного дня с ними знакомились до 2,5 тысяч человек. Выпущен памятный проспект, посвященный В.С. Косулину. «Самиздатом» вышла в свет брошюра о художнике, ставшая первой серьезной публикацией о нашем земляке. В перспективе возможно учреждение районной премии им. Косулина в сфере изобразительного искусства и педагогики.



У Мемориал павшим героям-землякам в парке Победы поселка Сокольское. Автор проекта В.С. Косулин

Осокин всегда в поиске

Ф.В. Лежнина, Л. Новожилова

Все началось с письма, которое П.П. Осокин направил в редакцию газеты «Приильменская правда» в апреле 2004 года. Петр Павлович — директор народного краеведческого музея села Шаранга Нижегородской области. По просьбе родственников своих земляков, похороненных в Приильменье, Петр Павлович пытался выяснить, где находится деревня Пожалеево, в боях за которую в годы Великой Отечественной погиб пятьдесят один житель Шарангского района.

«Выехал. Осокин» — та короткая телеграмма, полученная в конце августа 2004 года, оказалась неожиданной. В предыдущих, немногословных его письмах даже намек не было, что он когда-нибудь соберется в столь дальний путь. Но собрался.



Директор Шарангского краеведческого музея П.П. Осокин

Фронтовик Осокин решил побывать там, где погибли его земляки, поклониться братской могиле защитников Отечества.

Несмотря на то, что П.П. Осокину 31 декабря 2004 года исполнилось уже 80 лет, за день он успел многое увидеть и рассказать.

Мы направились на воинское захоронение поселка Парфино — отдать дань памяти погибшим на парфинской земле в годы войны.

Затем побывали в районном музее боевой и трудовой славы. Петр Павлович внимательно рассматривал каждый экспонат, стенды, фотографии, карты... Здесь же макет землянки, предметы солдатского обихода, оружие времен Великой Отечественной войны — все это найдено на местах бывших сражений поисковыми отрядами экспедиции «Долина».

Петр Павлович почтил память погибших на воинском захоронении в деревне Кузьминское, где покоится прах и его земляков, защищавших этот край от фашистских захватчиков.

С гордостью П.П. Осокин рассказал о Шарангском районном народном краеведческом музее.

В зале боевой и трудовой славы размещены портреты трех Героев Советского Союза, родившихся в этом районе. В экспозиции музея — серия фотографий кавалеров боевых орденов и ордена Ленина, ордена, медали, документы, личные вещи фронтовиков — ложка, фляга, пробитая пулей, кисет...

На отдельном столе — старинный патефон с пластинками фронтовых песен. В музее хранится десяток книг, в которых рассказано о подвигах шаранговцев.

Немало собрано и газетных материалов о ветеранах войны.

Из рассказа Петра Павловича мы узнали, что он воспитывался в бедной марийской семье в большом уважении к труду, земле, людям. Окончил школу, педучилище (г. Санчурск), педагогический институт (г. Йошкар-Ола), воевал на Западном фронте. Призвали его на службу в Горьком из десятого класса, направив во 2-ое Ленинградское военно-пехотное училище.

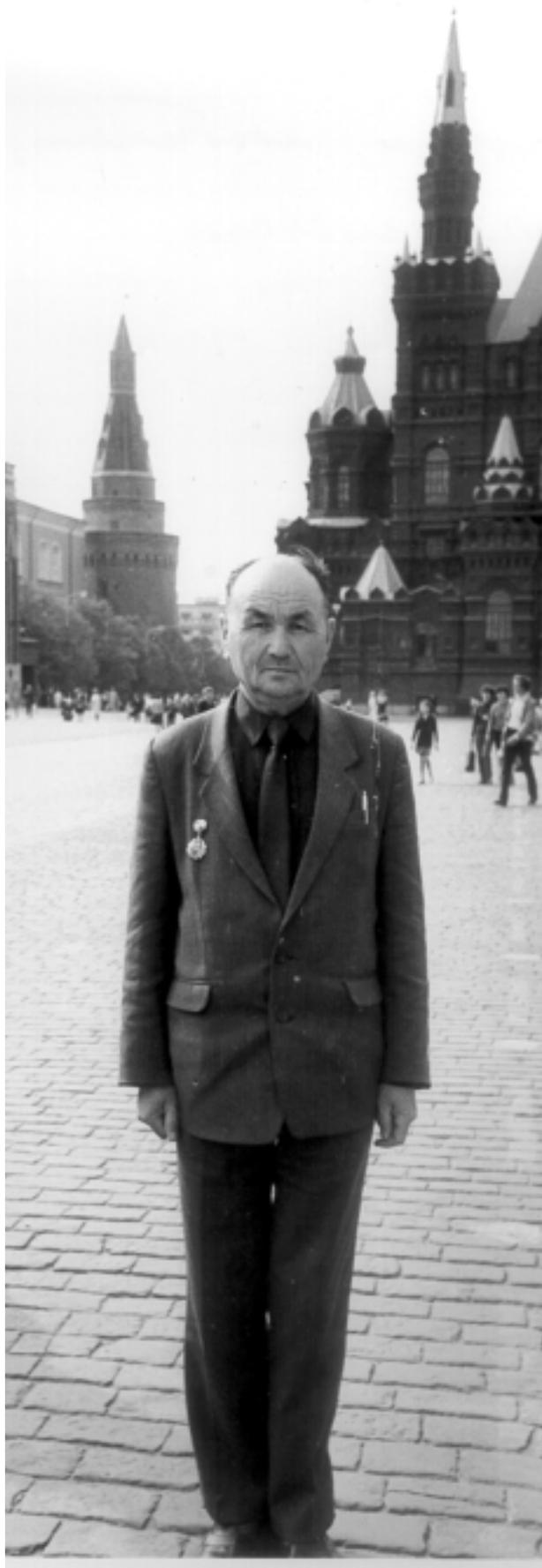
«В конце марта 1943 года, — вспоминает Осокин, — собрали нас полный эшелон и на фронт. Формировались недолго, в мае уже землянки рыли на территории нынешней Калужской области. Когда на Орловско-Курской дуге битва закончилась, мы правым флангом на Смоленск пошли. Так курсантами и вышли на передовую».

2 сентября 1943 года при освобождении Ельни Петр Павлович был тяжело ранен, длительное время находился в различных госпиталях.

После войны работал военруком Зверевской и Большеарейчавжской школ, учителем Деминской, директором Черномужской, заведующим кабинетом Семипалатинского облоно. Получил звание отличника народного образования Казахской ССР. Вернувшись в Шарангу посвятил себя восстановлению краеведческого музея.

П.П. Осокин — участник Всероссийского совещания по военно-патриотическому воспитанию. Он частый гость в профтехучилище, школах района, где рассказывает о подвигах земляков.

Петр Петрович исколесил свой район вдоль и поперек, разыскивая материалы для музея. Во многих печатных изданиях публиковались его материалы. О людях земли шарангской, ветеранах войны и труда он пишет с любовью и теплотой.



П.П. Осокин. Москва, 1986 год

«...Тот бросит сердце на ее ладонь»

Н.В.Абросимова

В год 60-летия Великой Победы исполняется 95 лет со дня рождения человека, возглавившего краеведческо-поисковую работу в Большемурашкинском районе. Это был один из самых страстных и настойчивых создателей районного музея, отдавая ему все свое свободное время и творческие силы.

Сын рабочего и кухарки, Коля Ратанов сызмала познал цену труду, грамотности, знаниям и просвещению. После окончания краткосрочных курсов корреспондентов в Москве (март 1938 года) и до мобилизации в армию (ноябрь 1941 года) Николай Иванович работал заместителем редактора районной газеты «За большевистские темпы».



Н.И. Ратанов

Проходил обучение в Карповском военно-политическом училище, по окончании его убыл на 2-й Белорусский фронт. Затем был 1-й Белорусский — 95-я Верхнеднепровская краснознаменная ордена Суворова стрелковая дивизия. Прошагал он по фронтовым дорогам всю войну — до Победы.

За боевые заслуги Ратанов награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В послевоенные годы Николай Иванович работал в районной газете, затем — заместителем председателя райисполкома. С 1956 по 1968 год заведовал центральной районной библиотекой. Именно в это время Николай Иванович вместе с читательским активом начал создавать краеведческий музей.

В «Горьковской правде» за 25 сентября 1963 года говорилось: «...Собрались наши самые активные читатели. Все одобрили идею Ратанова. Тут же был избран совет будущего музея в количестве 30 человек. Сюда вошли учителя, местные поэты, художники, колхозники и рабочие. На долю каждого выпала нелегкая задача — поиск и сбор экспонатов для таких разделов музея, как «Промышленность», «Сельское хозяйство», «Великая Отечественная война», «Искусство», «Быт». Многие колхозники активно участвуют в сборе экспонатов для будущего музея. Все это бережно складывается в специально отведенную комнату».

Листая подшивки «Горьковской правды», я встретила статью сотрудников об-



Н.И. Ратанов.
Военные годы

ластной студии телевидения А. Исаева и Я. Фридмана «Прошлого забытые дары». Авторы делились своими впечатлениями о народном музее в Большом Мурашкине: «...Нам обоим много пришлось видеть музеев различных рангов. Но этот, Большемурашкинский, поразил. Поразил энтузиазмом краеведов, создавших его, ценностью и достоверностью материалов по истории села. Контрасты стендов идут от контрастов истории. Стопка старопечатных книг XVI—XVIII веков. Открываем одну из них, с массивными досками-корками и медными застежками. Мурашкинец из села Григорова, приверженец старой веры, протопоп Аввакум вступает в горячую полемику с ярым сторонником и создателем новой веры, своим земляком и соседом патриархом Никоном. Другие материалы рассказывают о владельце села поэте Антиохе Кантемире, воспитателе и дядьке царя Алексея Михайловича, и его невестке, борце с новой верой, насаждаемой царем, — Феодосии Морозовой. Народный музей повествует о борьбе с богатеями в Б. Мурашкине, которую вел разинский атаман казак Максим Осипов и его товарищи».

Болезнь не дала возможности продолжить начатое: 8 февраля 1968 года Николай Иванович скончался. Но не умерло его начинание — соратники, такие же энтузиасты, продолжили дело.

42 года в старинном особняке купцов Моновых существует Государственный историко-художественный музей Большого Мурашкина.

Николая Ивановича земляки помнят и сегодня:

История нетленна, как огонь,
Замрет на миг и вновь, являя пламень,
Она взойдет, могильный сдвинув камень.
И тот, кто к ней потянется руками,
Тот бросит сердце на ее ладонь.

Государственный историко-художественный музей «Большое Мурашкино»

Телефоны (83167)2-1944,
факс (83167) 2-1075

Почтовый адрес:
606330, Нижегородская область,
Большемурашкинский р-н,
с. Большое Мурашкино,
ул. Свободы, д. 90

Интернет
адрес: www.museum.ru/m2719

афиша: www.museum.ru/m2719#news

эл. почта: m2719@mail.museum.ru

Режим работы

Ежедневно с 8.00 до 16.00, кроме субботы и последней пятницы каждого месяца. В воскресенье с 10.00 до 14.00

Проезд

С автостанции (ул. Лядова) г. Нижний Новгород через Б. Мурашкино едет много проходящих автобусов.

Входная плата

2,50 руб., детский — 2 руб. Первый вторник каждого месяца дети до 18 лет проходят бесплатно.

Основные экскурсии

По истории Б. Мурашкина, предприятий и учреждений.

Организация включена в туристические маршруты:

Н. Новгород — Б. Мурашкино — Григорово — Лысково — Макарьев.

«А вот соберу двенадцать трубок — и война кончится...»

П.А. Кузнецов

Разбирая как-то завалы папок с домашним архивом, я случайно нашел старую фотографию. На фотопортрете — две милостивые чешки. На обороте памятный и дарственный текст на русском и чешском языках:

«Господ [ину] капит [ану] Карачистову на память освобождения нашей золотой матушки Праги. Наше уважение. Эмилия и Анна Пржиковские. Прага, 15 мая 1945.»

Этот подарок был вручен фронтовику, капитану Красной армии Анатолию Николаевичу Карачистову. Освободитель Праги жил в городе Павлове. Его фронтовые письма сохранились у родственников, и мне много лет назад довелось подготовить их к публикации...



А.Н. Карачистов (1906–1968)

Бывать в столице (тогда) Чехословакии мне доводилось неоднократно. В годы перестройки в этой стране резко изменилось отношение к СССР и советским освободителям Европы. Их переименовали в оккупантов.

Однако надпись на этой фотографии говорит: в далеком 1945 году к советским воинам-освободителям относились с уважением и благодарностью...

Леонид Крайнов-Рытов

Собирал свою необычную коллекцию Анатолий Николаевич Карачистов в тяжелые годы войны.

«Зачем тебе трубка эта?» Спросили товарищи, когда Карачистов поднял ее, валявшуюся на снегу около убитого немца.

«А вот соберу двенадцать трубок — и война кончится,» — ответил Анатолий Николаевич, совсем не подозревая тогда что его шутка станет пророческой.

Посмеялись боевые друзья по этому поводу и забыли.

Красная Армия с боями продвигалась на Запад. Румыния, Венгрия, Австрия, Чехословакия. Государство за государством очищала армия-освободительница от фашистов. Благодарные люди старались выразить свою благодарность освободителям. Коллекция Анатолия Николаевича стала пополняться. Появились венгерские трубки с длинными чубуками, короткие австрийские. Вот белая трубка в футляре. На ней вырезана фигура льва в смертельной схватке с удавом — это память об освобожденной Вене.

Вторую трубку в Австрии подарил учитель из города Штейнберга. А вот коро-

тенькая — голландская трубка подарена стариком в Будапеште.

«Раздавали мы на центральной площади населению продовольствие, — рассказывает Анатолий Николаевич. — Смотрю, стоит в очереди древний старик, слабый, вот-вот упадет. Хотя и не имел я права, а дал ему две порции. Так он от радости заплакал. отошел в сторону, достает что-то из кармана, протягивает. Великолепная трубка. Я, было, отказался, но старик настоял — и вот она в коллекции.

А эту вот, черную трубку, и эту, фарфоровую, подарили мне в Праге. Город освобожден. Народ ликует, приветствует освободителей. Закурил некажистую трубку. Недалеко стояли женщины-чешки. спрашивают бойцов, почему большой командир меня ругает. Бойцы, как сумели, объяснили им, что я коллекционирую трубки, а командир говорит, что для того торжественного дня надо было закурить красивую трубку. Женщины переглянулись, что-то сказали бегавшим тут же девчонкам, а нас попросили обождать. Девочки убежали и вскоре вернулись, и передали мне эти трубки. А женщины пояснили, что одна трубка — за матушку Прагу, а другая — за Чехословакию».

Военная дорога привела Карачистова в Монголию. Как-то шел Анатолий Николаевич по степи, и как всегда, с трубкой в зубах. навстречу скакал монгол. всадник на всем скаку ловко выхватил изо рта Карачистова трубку, свою же бросил к его ногам и помахал на прощание рукой. Так появилась в коллекции трубка с зеленым мундштуком.

Война закончилась, когда Анатолий Николаевич был в Китае.

«Ехали мы в грузовой машине, — вспоминает Карачистов. — Война закончилась. Победа. И я, помня упреки командира в Праге, в этот торжественный день закурил другую, фарфоровую трубку, что подарили мне в столице Чехословакии. Среди ехавших со мной оказался боец, который знал про мою коллекцию и про то шуточное обязательство, которое я дал в 1943 году под Сталинградом.



Эмилия и Анна Пржиковские.
Прага. 15 мая 1945 года.

«Ну, как, товарищ старший лейтенант, война-то кончилась, где ваши двенадцать трубок?»»

Машину сильно тряхнуло, трубка у Карачистова выпала и разбилась. Солдат потужил, что трубка разбилась и что если трубок теперь не будет доставать до обещанного, как бы не пришлось довоевывать...

«На остановке я раскрыл свой чемодан, пересчитали все трубки — их было двенадцать. Разбилась тринадцатая. Вот такая история этой коллекции».

Записана она со слов А.Н. Карачистова.

Десять трубок из коллекции Анатолия Николаевича Карачистова хранятся ныне в фондах Павловского исторического музея. Среди них находится и подаренная Карачистову в Праге трубка с фарфоровым чубуком.



Курительные трубки
из коллекции
А.Н. Карачистова

Областной смотр-конкурс музеев боевой славы

И.А. Егорькова

В Нижегородской области уже много лет работают музейные объединения образовательных учреждений. Они делятся на три группы. Первая группа – школьные музеи. Это музейные объединения, имеющие паспорт школьного музея и состоящие на учете в Государственном реестре Российской Федерации. Вторая группа – залы. Это музейные объединения, не имеющие паспорта школьного музея, но содержащие в себе большую коллекцию музейных экспонатов и занимающие отдельное помещение, состоящие из нескольких экспозиций, претендующие на получение звания школьного музея. Третья группа – экспозиции. Это музейные объединения, содержащие в себе небольшое количество экспонатов, не имеющие отдельного помещения.

При школьных музеях и залах работают активы школьных музеев, состоящие из педагогов, учеников, родителей, жителей микрорайона или села.

Все музейные объединения имеют различные профили, включают в себя множество экспозиций и экспонатов. Среди них особенно выделяются музейные объединения боевой славы. Тема Великой Отечественной войны раскрыта в музейных объединениях образовательных учреждений, не только имеющих профиль боевой славы. Практически в каждом учебном заведении, где есть хотя бы несколько стендов, часть их посвящена Великой Отечественной войне. В каждом учебном заведении Нижегородской области (школе, лицее, техникуме, училище) музейные объединения способствуют сохранению памяти о Великой Отечественной войне.

К сожалению, много лет закрыто основное здание Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Вся работа, которую должен осуществлять област-

ной музей, переложена на местные. Однако и тут возникают сложности. Не в каждом районе есть государственный музей. Но даже там, где они существуют, дети не всегда имеют возможность его посетить: велики расходы на проезд. Множество вопросов, связанных с воспитанием патриотизма и работой музея, перекладывается на музейные объединения образовательных учреждений.

Такие объединения стали создаваться в послевоенные годы. Тогда у каждого музейного объединения был богатый материал о войне. С течением времени материалы утрачивались — до наших дней дошло только их небольшое количество. Однако и сегодня музейные объединения обладают очень интересными коллекциями с уникальными экспонатами. Проблема их сохранности стоит остро. Во-первых, это длительное время, прошедшее после 1945 года: экспонаты разрушаются. Во-вторых, большинство из них сделано из недостаточно качественного материала. Несмотря на все благоприятные условия хранения он активно разрушается.

Но самой большой проблемой для сохранности экспонатов является их неправильное хранение и экспонирование.

На протяжении определенного времени при создании экспозиции фронтовые фотографии и письма приклеивались на стенды и экспонировались при прямых солнечных лучах. Сегодня большинство из этих экспонатов утрачено, фотографии и письма выцвели, став просто листами бумаги, невозможно получить с них никакой информации и использовать в учебно-воспитательном процессе.

Не придавалось большого значения и сохранности экспонатам. Во многих музейных объединениях часть экспонатов

была расхищена. Экспонаты утрачиваются, а новых поступлений практически нет.

Вместе с ветеранами уходят их рассказы и экспонаты. Наследники же не всегда правильно оценивают то, что попадет к ним. Такая ситуация складывается не везде. Там, где хорошо налажена работа музейного актива, многие экспонаты родственниками передаются в музейные объединения.

Еще одной сложностью становится опасность стагнации. Школьный музей — это живой организм, который должен жить бурной жизнью, развиваться. Только в этом случае он будет интересен детям и сможет в полной мере выполнить возложенные на него функции. Выходы из этого положения руководители музейных объединений находят различные. Изучаются истории отдельных воинских частей и формирований, ведется поисковая работа, ребята участвуют в раскопках.

Коллекции музейных объединений образовательных учреждений уникальны по своему составу: фронтовые фотографии и письма, наградные книжки, благодарственные письма, грамоты, военное обмундирование, гильзы, газеты, книги и множество других предметов военного времени.

Одной из возможностей для музейных объединений образовательных учреждений проявить себя стал областной смотр-конкурс. В 2004–05 году Центром детского и юношеского туризма и экскурсий Нижегородской области, Нижегородским историко-архитектурным музеем-заповедником, музеем А.С. Пушкина проводился областной смотр-конкурс школьных экспозиций, залов, музеев боевой славы.

Целями и задачами смотра-конкурса были: совершенствование содержания, форм и методов поисковой, собирательской, исследовательской деятельности, проводимой в коллективах образовательных учреждений; привлечение внимания государственных учреждений и общественных объединений к проблеме сохранения исторической памяти о защитниках Отечества, деятельности музеев образовательных учреждений; продолжение и развитие традиции оказания научно-методической помощи музеям образовательных учреждений со стороны органов и учреждений культуры; выявление и распространение опыта работы.

Конкурсные материалы оценивались по следующим критериям:

— роль экспозиции, зала, музея в учебно-воспитательном процессе: проведение уроков и внеурочных мероприятий с использованием экспозиции, интеграция деятельности экспозиции, зала, музея и дисциплин школьного курса, наличие совета музея;

— просветительская и массовая работа: проведение экскурсий, наличие экскурсоводов, организация и проведение школьных массовых мероприятий, мероприятий для жителей микрорайона, села, воспитанников детсадов и т.д., издательская деятельность, проведение радиопередач, составление летописей родного края, организация выставок, книга учета посещаемости, книга отзывов;

— фондовая работа: наличие учетной картотеки основного фонда, наличие книги поступлений основ-

ного фонда, наличие актов поступления, характеристика состава фондов по видам экспонатов;

— оформление: эстетичность оформления экспозиции (фото, показывающие разделы экспозиции), наличие специального оборудования — витрин, стендов и т.д., глубина раскрытия темы экспозиции, наличие и эстетика пояснительных текстов и этикетаж, соответствие условий сохранности подлинников нормам хранения;

— поисковая и собирательская деятельность: результативность работы творческой группы, наличие плана комплектования фондов музея, наличие поисковых заданий, переписка с общественными, государственными организациями и частными лицами, наличие материалов, собранных школьниками в походах, экспедициях, на экскурсиях, выполнение поисковых и других заданий государственных, научных учреждений, общественных организаций, частных лиц, связанных с Великой Отечественной войной.

К участию в смотре-конкурсе приглашались военно-исторические и другие музеи, именные в фондах и экспозициях материалы по военной истории, действующие в образовательных учреждениях Нижегородской области.

Участие в областном смотре-конкурсе приняли победители районных и городских смотров-конкурсов музейных объединений образовательных учреждений.

Конкуренция среди музейных объединений была велика. В 2005 году в смотре приняли участие 46 музейных объединений из 25 районов Нижегородской области и Нижнего Новгорода.

Практически в каждой школе есть экспозиции, залы и музейные объединения, посвященные Великой Отечественной войне. В смотре-конкурсе приняли участие сильнейшие музейные объединения.

Практически всеми районами соблюдались требования по форме и срокам подачи заявки на смотр-конкурс. Сами конкурсные материалы также были в срок представлены в соответствии с требованиями положения.

Большинство представленных материалов было оформлено должным образом, особенно порадовало наличие фотографий экспозиций. Это дает представление как о предметах, находящихся в экспозиции, так и о том, как они экспонируются.

Все представленные конкурсные материалы можно разделить на две группы. В первой строго выполнялись все требования положения, во второй же требования положения выполнялись формально.

Большинство конкурсных материалов пыталось раскрыть роль музейных объединений в учебно-воспитательном процессе, показать просветительскую и массовую работу, поисково-собирательскую деятельность. Тем не менее очень часто не хватало присланного материала для составления наиболее точного представления об их деятельности у членов жюри. Лучше всего в конкурсных материалах представлена просветительская и массовая работа. Наибольшие же трудности у руководителей музейных объединений вызывает фондовая работа. Порой материалы не отражали фондовую работу вообще, либо представляли только ее часть. Материалы, не представившие фон-

довую работу и фотографии основной экспозиции не смогли претендовать на призовые места.

Руководителям музейных объединений необходимо обратить особое внимание на фондовую работу.

Другой распространенной ошибкой является наполнение конкурсных материалов сведениями и данными, не имеющими отношения к тематике данного смотра-конкурса.

Все районы представили материалы, соответствующие тематике конкурса. В лучшую сторону изменился уровень представленных материалов. Уже закончена циклограмма смотров-конкурсов, и такие выводы можно сделать при повторном смотре-конкурсе, отследив тем самым изменения, произошедшие за пять лет.

Музейные объединения, ставшие победителями областного смотра-конкурса музеев боевой славы, были направлены для участия во Всероссийском смотре-конкурсе, посвященном Победе в Великой Отечественной войне.

Победители областного смотра-конкурса музеев боевой славы, посвященного 60-летию Победы в Великой Отечественной войне (музеи, экспозиции, залы) 2004—2005 гг.

Музеи

I место

— МОУ Архангельская СОШ (Ветлужский район), руководитель музейного объединения В.П. Голикова

— МОУ СОШ № 46 (Володарский район), руководитель музейного объединения Елена Николаевна Волостнова

— МОУ СОШ № 179 (Автозаводский район Н. Новгорода), руководитель музейного объединения Элеонора Васильевна Никифорова

II место

— СОШ № 110 (Канавинский район Н. Новгорода), руководитель музейного объединения Светлана Ивановна Акчурина

— СОШ № 8 (Выксунский район), руководитель музейного объединения Наталья Павловна Макарская

III место

— Гимназия № 2 (Канавинский район Н. Новгорода), руководитель музейного объединения София Георгиевна Живова

Залы

I место

— Арзамасский коммерческо-технический техникум (г. Арзамас), руководитель музейного объединения З.В. Гайдучкова

— МОУ школа № 7 (г. Саров), руководители музейного объединения Александр Александрович Ахрем, Лариса Михайловна Ганеева

II место

— МОУ Новопокровская СОШ (Ветлужский район), руководитель музейного объединения Е.В. Шильникова

III место

— Медведовская ООШ (Ветлужский район), руководитель музейного объединения Алевтина Валентиновна Хвалютина

Экспозиции

I место

— МОУ СОШ № 4 (Чкаловский район), руководитель музейного объединения Ираида Анатольевна Воронина

II место

— МОУ Саваслейская СОШ (Кулебакский район), руководитель музейного объединения Ольга Александровна Козлинская

III место

— МОУ СОШ № 94 (Ленинский район Н. Новгорода), руководитель музейного объединения Татьяна Алексеевна Фатехова

Поощрительными призами за патриотическое воспитание учащихся награждены:

— МОУ Никольская СОШ Арзамасского района, руководитель музейного объединения Елена Александровна Гусякова

— МОУ Вильская СОШ Выксунского района, руководитель музейного объединения Елена Ивановна Швындова

— МОУ Шиморская средняя школа Выксунского района, руководитель музейного объединения Ирина Валентиновна Рощина

— Нижегородская лингвистическая гимназия № 67 Московского района, руководитель музейного объединения Инна Николаевна Ильина

— Панинская средняя школа Сосновского района, руководитель музейного объединения Татьяна Владимировна Студенева

— Пуреховская СОШ Чкаловского района, руководитель музейного объединения Татьяна Анатольевна Болонкина

— МОУ гимназия г. Арзамаса, руководитель музейного объединения О.В. Акишина

— Краснобаковская ср. шк. № 1 Краснобаковского района, руководитель музейного объединения Эльвира Сергеевна Демьянова

— Спасская средняя школа Спасского района, руководитель музейного объединения София Васильевна Кутьина

— МОУ Шатковская СОШ № 1 Шатковского района, руководитель музейного объединения Ирина Ивановна Николаева.

**Министерство культуры Нижегородской области****П Р И К А З**30.03.05№ 100**О выделении средств на реализацию мероприятий, посвящённых 60-летию Победы в Великой Отечественной войне**

Рассмотрев предложения экспертной комиссии о приоритетах и порядке финансирования мероприятий, посвящённых 60-летию Победы в Великой Отечественной войне в I квартале 2005 года, **п р и к а з ы в а ю :**

1. На основании Постановления Правительства Нижегородской области от 17.09.2004 г. № 209 «О праздновании 60-ой годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» выделить из средств, предусмотренных настоящим постановлением,

- Отделу культуры и искусства Администрации Чкаловского района для создания музея народного ополчения Минина и Пожарского в с. Пурех Чкаловского района – 100 тыс. руб.

- Отделу культуры Администрации Бутурлинского района для создания экспозиции, посвящённой маршалу Казакову В.И. в районном историко-краеведческом музее – 100 тыс. руб.

- Отделу культуры Администрации Шатковского района для построения экспозиции, посвящённой Тане Савичевой в районном историко-краеведческом музее – 100 тыс. руб.

2. Руководителям отделов культуры Чкаловского (Владимирова Л.Е.), Бутурлинского (Барсукова Л.Ю.), Шатковского (Орлова В.В.) районов обеспечить использование выделенных средств строго по назначению с представлением в министерство культуры Нижегородской области установленной отчётности.

3. Контроль за исполнением настоящего приказа возложить на начальника отдела социально-культурной деятельности, библиотек и музеев министерства культуры Гринько В.В.

Министр

В.И.Седов

Памяти Юрия Адрианова



Ю.А. Адрианов

Адрианов ушел.
Он был весь, как открытая рана,
Сын поэзии русской —
Нижегородской земли.
В синем августе в путь
Приготовились к взлету так рано,
Над печальной родиной
Плачут в ночи журавли.

Адрианов писал,
И вставали на свежей странице
Наша Отчина, Нижний,
Как будто он их основал.
Имя Юрий носил, как и князь,
Оставаясь провидцем.
Он был Нижнему нужен,
Его не угаснут слова.

Опускаем глаза —
О России мы лучше не скажем.
Он был этой земле
До последней кровинки своим.
Опрокинулось небо
Над ним поминальною чашей,
И слепые дожди
Вместе с солнышком
Плачут над ним.

Александр Фигарев

Казалось совсем недавно Ю.А. Адрианов выступал на открытии своей персональной выставки в университетском музее на Верхне-Волжской набережной, где он всегда любил гулять. Но... Сердце Великого Нижегородца остановилось в 12 часов 25 минут 12 августа 2005 года. Поэта и гражданина не стало. Но остались его книги, остались его рукописи, остались люди до последней кровиночки преданные ему.

Публикуем последнюю рецензию Ю.А. Адрианова, которую он успел собственноручно выправить.

Раздел ведет Л.И. Шиян

Нижегородское краеведческое трио

Юрий Адрианов

«Я спрашиваю себя, почему не написал эту книгу раньше. И сам же отвечаю: это была бы другая книга, более сиюминутная и злободневная, что ли, книга-поиск, книга-ожидание конкретного отклика по конкретному случаю или письму. Сейчас, когда прошло шесть десятилетий со времени окончания войны и почти шесть с половиной десятилетий со времени ее начала, в XXI веке все воспринимается иначе. Эти письма и воспоминания солдат перестали быть просто документами, а стали памятниками. И, чем больше будет проходить лет, тем ценнее и важнее они будут для истории страны, для истории Великой Отечественной войны. Как мы удивляемся и дорожим сейчас проступающими строчками новгородских берестяных грамот, так приходит время удивляться и дорожить угасающими словами, наспех написанными простым карандашом на бумаге в линейку или в клетку из школьных тетрадей».

А.М. Цирульников

С Александром Марковичем, или Сашей, Цирульниковым я знаком почти пятьдесят лет. Где-то в первых сентябрьских днях 1957 года с первого пути Московского вокзала уходил на целинные земли Алтая горьковский целинный эшелон. За полчаса до этого мы влезли в наш вагон и сбросили рюкзаки рядышком на одну из восьмиместных полок теплушки.

Поезд неторопливо развернулся к Волжскому мосту, мы, спустя несколько минут, увидели за волжским плесом знакомую бровку откоса, нас охватил осенний простор борских лугов с крепкими шеломами стогов. А еще полчаса спустя мы с Сашей



выяснили, что нам учиться на одном факультете, что оба мы пишем стихи, что у обоих корреспондентские удостоверения «Ленинской смены», которая выписала нам их, как оказалось, вот уже на полвека!

В те давние годы мы трудились открыто и свободно, четко зная дела каждого. После университета работали на Горьковском телевидении. Я ушел со студии в начале 1967 года. Саша остался в «Горьковских новостях». Он жадно встречался со многими знатными гостями нашего города. Его рассказы о них — это опять уже собранные, продуманные сюжеты. Но жизнь шла, менялись герои, мне казалось, что Шашины герои уйдут, останутся обрывками его рассказов. Ненастойчиво я иногда напоминал ему о

его «долге» — книге воспоминаний. «Да все никак не возьмусь!» Время шло...

И как-то вдруг он мне сообщил по телефону, что книга почти выстраивается. Пытаясь помочь, я что-то вспоминал из прошлого, но каждый раз встречал готовый рассказ, причем он, забегаая вперед, рассказывал новые истории. Его встреча с молодым московским издательством «Воскресенье» была благостойной и щедрой!

Выход первой книги воспоминаний «К слову пришлось» был для меня во многом неожиданным. Но книга вышла, а Цирульников продолжал работу над второй частью воспоминаний «Поверьте на слово». Спустя год вышла вторая книга воспоминаний.

Но многие имена остались не раскрытыми. Цирульников начал работу над третьей книгой.

Надвигался 2005 год, год 60-летия Победы.

Директор «Воскресенья» — Пряхин предложил Александру Марковичу издание книги, целиком посвященной тем годам. Это временно остановило «течение» самой книги, так как требовало четкого отбора «военных» отрывков из предыдущих книг.

Конечно, здесь переиздались главы об участии семьи в войне, о поисках отца, о бегстве жителей из Москвы, рассказы о военных буднях нашего города: подвиг летчика Шавурина, быт ГАЗа и 92-го завода, история единственного пешеходного моста через Оку...

Я перечитал новую книгу «Полевая почта слова», отмечая знакомые имена героев Бреста, знаменосца Знамени Победы на Параде Победы Героя Советского Союза Федора Шкирева, панфиловца Иллариона Васильева.

При работе над третьей книгой автору пришлось «переснять отдельные эпизоды», дать им самостоятельное существование. Он укрупнял «планы», делая характеры людей подробнее и ярче.

Письма времен войны, пролежав шестьдесят лет, стали, по словам Александра Цирульникова, уже не просто письмами, а Письменами!

На солдатских Письменах создано внове несколько глав-очерков: «Андрей и Екатерина», «Лев Батырев», «Братья Елисейевы», «Через испытания», «Из тетрадей Степана Ерина» и другие.

Это живые свидетели тех лет. Они вносят документальность в повествование. Это свидетельства, несущие тепло людских отношений.

В этой книге полнее звучит голос одного из известнейших нижегородцев — партизанского руководителя Антона Петровича Бринского.

Новым и впервые полным является описание жизни другого известного нижегородца — митрополита Николая (Кутепова).

Этот удивительный человек, оставшийся в памяти каждого, кто имел возможность с ним общаться, был настоящим пастырем для множества земляков. Двадцать лет он руководил Нижегородской епархией, успевая не только служить делу возрождения православия, но и постоянно быть в кругу главных культурных дел области. Он, подтверждаю это, как председатель Фонда культуры, был главным финансистом и организатором дел по восстановлению города в старинном имени Нижний Новгород! Ему доверяли и перед ним смирялись самые дерзкие спорщики!

Александр Маркович и сейчас работает над продолжением своего повествования, поэтому постоянно правит и вносит пометы в свою работу.

Мне представляется, что одна из важнейших фигур — Борис Алексеевич Королев. Очерк «Король хирургов» (очень громкое название!) требует переработки в несколько спокойных тонах. Б.А. Королев очень прост и в то же время сложен, здесь нужен особый подход.

Надо, мне кажется, подробнее описать его отца, земского врача из села Юрина, которого я помню по детским впечатлениям.

Заключительные главы Цирульников посвящает людям Сарова, людям, на плечи которых легли главные поиски науки тех лет.

Новая книга Цирульникова, несмотря на некоторые повторы старых тем, — это новая книга, повествующая о еще нетронутых вехах истории.

Сейчас можно говорить о своеобразном «трио» по краеведческому взгляду на прошлое нашего края.

И вот встает вопрос о памятном рассказе, о XX веке города.

Не знаю, были ли такие же повествования в других городах, но в нижегородском краеведении это первая такая книга.

Ее поведанье — полувекковая история края и людей, живших в этих просторах. Очень пестрый состав ее: от великих актеров и ученых до простых солдат, работников сельского хозяйства, промышленности.

Судьба журналиста провела Цирульникова по всем профессиональным кругам, не делая исключения: есть герои, которые даже стояли в проходной студии (один из героев Бреста), и академики сверхсекретного атомного центра.

Вспоминается А. Болотов с его путями. Главное, что у Цирульникова ничего не пропало. Память и сохранность увиденного — поразительны! Несомненно, что здесь труд и его жены — профессионального библиотечного работника, живущего всегда рядом, хранящего в своей памяти все находки.

Три тома — это блестящая мемуарная картина века. Она написана не однообразным стилем, а каждое явление открывается в своей картине: это и письма, и отдельный рассказ, написанный на основе фактов, это стихи, они тоже служат главной теме!

Жизнь прожить — не поле перейти.

Еще одно — это заинтересованность в судьбах людей, высокая уважительность к чужим судьбам. Высокая почтительность к людям труда.

Конечно, понимаешь, что нельзя все выдержать на одинаково достойном голосе слога. Есть вещи недотянутые, но нет равнодушия.

Сейчас, когда рождается эта мемуарная повесть, важно не вспугнуть ее рождения! При ее завершении трудно, но нужно определить главное, с чем-то попрощаться. Здесь это необходимо! Нужно закрепить главные линии.

Я искренне рад, что книга удостоена премии Максима Горького — невеликой по денежной сумме, но очень важной в перечне наших премий!

Великая отечественная война и деятельность музеев Нижегородской области на страницах печати последнего десятилетия (1995— 2004)

Л.И. Шиян.



Л.И. Шиян

Горьковская область в Великой Отечественной войне: Взгляд через 50 лет. – В двух частях. – Часть 2. – Н. Новгород, 1995. – Из содерж.: Петрова Л.М. Была война...: (О деятельности Горьковского областного краеведческого музея в 1941–1945 гг. – С. 148–152; Оболяева С.Е., Шубина А.В. Роль школьного музея в воспитании учащихся: [Музей боевой славы горьковчан — участников Сталинградской битвы в школе № 113 г. Н. Новгорода]. – С. 228–230; Рассказова И.В., Тарасова И.Б. Музей боевой славы политбойцов-горьковчан: Прошлое и настоящее: [Школа № 117 Сормовского района]. – С. 230–232; Фирсова Г.П. Школы военного времени в экспозиции областного музея развития образования. – С. 232–234; Ковалева Т.И. СобираТЕЛЬСКАЯ деятельность музея ННГУ [по темам Великой Отечественной войны]. – С. 238–240.

Аркадьева В. Эти клёны и липы сажали вдовы // Нижегород. новости. – 1995. – 24 янв. – С. 3. *О памятниках погибшим в Великой Отечественной войне в Княгинине.*

Киселев В. Образ, связующий поколения. *О концепции памятного знака в кремле в честь защитников Родины* // Нижегород. рабочий. – 1995. – 28 янв. – С. 15.

Вострышев П. Чтобы память жила: [О музее Отечественной войны в квартире пенсионерки В.Г. Лейкиной]. – Нижегород. правда. – 1995. – 31 янв.

Гамаюнов Е. Гвардия не сдаётся // Нижегород. новости. – 1995. – 21 февр. – С. 3. *О школьном музее боевой славы 37-й гвардейской стрелковой дивизии в ПТУ № 39 Н. Новгорода.*

Дементьева В. Живой памятник павшим за Родину // Нижегород. новости. – 1995. – 5 мая. – С. 3. *О памятнике сотрудникам и студентам ГГУ, погибшим в годы войны, в дендрологическом отделе Ботанического сада ГГУ.*

Малявина Г. Нас приглашает музей [боевой славы нижегородцев-участников боя на Волховском фронте в школе № 173 Н. Новгорода] // Нижегород. правда. – 1995. – 6 мая.

Рождественская Н. Во славу русского воинства // Нижегород. ярмарка. – 1995. – № 16. – С. 4. *О выставке «Русская армия. История побед» в Нижегородском историко-архитектурном музее-заповеднике.*

Тюкина В.В. Бессмертные звезды России // Нижегород. новости. – 1995. – 8 июня. – С. 5. *О выставке «50 лет Великой победы» в Нижегородском художественном музее.*

Кессель А.В. Как появился «Победоносец» // Город и горожане. – 1995. – № 12. – С. 2. *История принятия решения о создании памятника к 50-летию Победы.*

Александров Е. Георгий в честь победоносцев // Город и горожане. – 1995. – № 51. – С. 1.

Гладышева А. Светлый образ — светлая память: В Нижегородском кремле открыт памятник защитникам Родины // Земля нижегородская. – 1995. – № 19. – С. 1.

Грязнов Н. На рубежах 41-го // Нижегород. новости. – 1995. – 21 июля. – С. 2. *Об установлении памятного знака на оборонительном рубеже вокруг г. Горького во время Великой Отечественной войны, сохранившемся около Д. Константинова.*

Бабич Д. Нужно ли возвращать сокровища?: Трофейным картинам становится тесно // Огонек. – 1995. – № 45. – С. 42–43.

Гусев Ю. Святая правда о политбойцах // Нижегород. правда. – 1996. – 2 апр. *О музее боевой славы политбойцов в 117-й сормовской школе.*

Киселев В. Фотолетопись преступлений и трагедий // Нижегород. рабочий. – 1996. – С. 4.

Романова В. Трудное нужное чувство истории // Город и горожане. – 1996. – 21 мая. – С. 4. *Об экспозиции «Война Германии против Советского Союза. 1941–1945» в Нижегородском выставочном комплексе.*

Голома Е. Международный мемориал в селе Оранки // Нижегород. рабочий. – 1996. – 23 мая. *О памятных знаках на захоронениях военнопленных.*

Мороз Т. Пусть правнуки поминают // Нижегород. новости. – 1996. – 5 июля. – С. 4. *О музее памяти воинов 23-го танкового корпуса в доме В.Г. Лейкиной в Н. Новгород.*

Трефилов Г. Не «янтарная комната», но все-таки // Нижегород. рабочий. – 1996. – 23 июля. – С. 3; **Спирин Е.** Может, возьмете? — предложили военные. Музей согласился // Нижегород. новости. – 1996. – 22 авг. – С. 3; **Асеевский А.** Вам приснится Тинторетто // Нижегород. новости. – 1996. – 4 сент. – С. 4; **Мухина И.** Сорок лет спустя // Нижегород. правда. – 1996. – 5 сент. – С. 3; *Об истории приобретения Горьковским художественным музеем в 1946 году трофейных картин и их выставке.*

Мелешин В. И оживают героические страницы // Нижегород. правда. – 1996. – 23 нояб. – С. 4. *О музее Краснознаменного северного флота в борской школе № 7.*

Лутохин И. Урок политбойцов // Красный Сормович. – 1997. – 17 апр. *О музее политбойцов-нижегородцев в сормовской школе № 117.*

Мелешин В., Новиков Л. Бессмертен всенародный подвиг // Нижегород. правда. – 1997. – 8 мая. – С. 5. *О разделе «Борчане в годы Великой Отечественной войны» в Борском краеведческом музее.*

Мелешин В. Стоят по Ветлугеobeliski [памяти погибших в Великой Отечественной войне] // Земля нижегородская. – 1997. – 12 мая. – С. 12.

Бринская В. Музей — это не экспозиция, а процесс единения // Нижегород. правда. – 1997. – 22 мая. – С. 4. *О создании музея партизанской славы в школе № 34 Н. Новгорода.*

Забегалова М. Летопись продолжается: [Музей боевой славы нижегородской школы № 116] // Красный Сормович. – 1997. – 24 мая.

Гусев Ю. Память жива // Нижегород. правда. – 1998. – 21 нояб. – С. 1. *О встрече в музее боевой славы школы № 113 ветеранов-нижегородцев — участников Сталинградской битвы.*

Трифонов М. Памяти подводников посвящается // Курс. – 1998. – № 43. – С. 16. *О работе сормовского клуба «Морское братство» по поиску подводников-нижегородцев, погибших в годы Отечественной войны.*

Барскова Т.А. Помня о прошлом, думать о будущем // Проблемы школьного воспитания. – 1999. – № 3. – С. 36–43. *О музее боевой славы 30-й Иркутско-Пинской стрелковой дивизии в нижегородской школе № 80.*

Положение об областном конкурсе школьных музеев, залов боевой славы, посвященных 55-летию победы в Великой Отечественной войне // Пед. обозрение. – 1999. – № 4. – С. 163–165.

Костылев В. Чтобы не было потерянных поколений // Земля нижегородская. – 1999. – № 48. – С. 15. *О завершении строительства в Шатках мемориальной экспозиции в память о детях — жертвах Отечественной войны.*

Семенова Л. Письма с фронтов Великой Отечественной войны [из музея нижегородской школы № 8] // Страницы истории родного края в истории Отечества. – Н. Новгород. – 2000. – Вып. 4. – С. 89–97.

Абанина Е. Незыблем пост № 1 у Вечного огня // Нижегород. рабочий. – 2000. – 5 мая. – С. 3. *К 20-летию установления Вакты памяти юных нижегородцев у Вечного огня.*

Забашта А. Победа в море ковалась на суше // Нижегород. новости. – 2000. – 11 мая. – С. 1. *Об установке в кремле макета рубки подводной лодки С-13, построенной на заводе «Красное Сормово».*

Масягин К. День памяти павшим // Нижегород. правда. – 2000. – 27 мая. – С. 5. *Об открытии в Балахне мемориала, увековечившего память земляков, не вернувшихся с полей сражений.*

Седых В. «Твердыня Отечества» // Курс. – 2000. – № 28. – С. 16; **Мухина И.** Врагу не сдастся // Нижегород. правда. – 2000. – 30 мая. – С. 4. *О выставке «Твердыня Отечества» в Дмитриевской башне кремля к 55-летию Победы.*

Кудряшов А. Площадь героев // Нижегород. правда. – 2000. – 14 сент. – С. 1. *Репортаж об открытии на площади Жукова в Н. Новгороде мемориального комплекса, посвященного защитникам Отечества.*

Федорович Г. Здесь их помнят // Нижегород. новости. – 2001. – 22 июня. – С. 6. *О музее истории нижегородской школы № 8, где хранят память о выпускниках, сражавшихся на фронтах Отечественной войны.*

Каталог школьных музеев Нижегородского района / Авт.-сост. Р.М. Воробьева. – Н. Новгород, 2002. – 20 с.

Симонова М. Низкий поклон Вам, Алексей Аркадьевич! // Нижегород. правда. – 2002. – 7 мая. – С. 5. *О ветеране войны А.А. Смирнове, основавшем в нижегородской школе № 21. Музей боевой славы истребительно-противотанковых артиллерийских полков.*

Трефилов Г. Обугленные судьбы // Голос ветерана. – 2003. – № 14. – С. 1, 11. *О музее «Дети и война» в сормовской школе № 4.*

Вечному огню гореть вечно: Намечен комплекс мероприятий по приведению в порядок мемориального комплекса в Нижегородском кремле // Известия. – 2003. – 30 июля. – С. 7.

Мирошник Т. Давайте откроем в городе площадь юнг // Нижегород. рабочий. – 2003. – 22 нояб. – С. 4. *О музее юнг — ветеранов Военно-Морского флота во Дворце творчества юных.*

Полякова Ю. На фронте спасло чудо // Нижегород. правда. – 2004. – 8 мая. – С. 1. *О директоре Музея боевой и трудовой славы Волго-Вятского УВД на транспорте, бывшей разведчице А.М. Моисеевой.*

Музей для хороших людей // Земля нижегородская. – 2004. – № 24. – С. 11. *Создан в Шатках к 75-летию района. Отдельная экспозиция посвящена ленинградке Тане Савичевой.*

Сучков А. Умолкнувшее оружие // Нижегород. правда. – 2004. – 26 июня. – С. 6. *Беседа с хозяином личного музея Отечественной войны, содержащего военную амуницию, муляжи оружия, документы.*

Малюгина Е. Скорбный день: Часовня памяти участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла, ушедших из жизни, заложена в Павлове в День памяти и скорби // Нижегород. правда. – 2004. – 29 июня.

Кочетов В. Мужество воина, слава солдата / Беседовала Н. Мартынова // Город и горожане. – 2004. – № 22. – С. 20.

Трефилов Г. Поминальная в камне молитва // Голос ветерана. – 2004. – № 51. – С. 1, 4. *О музее «Дети и холокост» в школе-интернате № 4 Сормовского района и созданном там памятным знаке в виде креста с надписью: «Детям — жертвам войны».*

О музеях России, посвященных Великой Отечественной войне

(по страницам «российской музейной
энциклопедии» т.1—2.—м., 2001.)

Л.И. Шиян

Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 годов в г. Москве — составная часть мемориального комплекса Победы на Поклонной горе. Учрежден в 1986 году как научно-исследовательский и просветительский центр по тематике Отечественной войны и как государственное хранилище памятников материальной и духовной культуры этого периода.

Музей обороны Москвы. Открыт в 1981 году и содержит в своих фондах и экспозициях фронтные зарисовки, топографические карты, письма военных лет, воспоминания участников обороны Москвы.

«Прорыв блокады Ленинграда» — военно-исторический и мемориальный музей-заповедник в г. Кировске Ленинградской области. Создан в 1990 году. В основе комплекса — музей-диорама «Прорыв блокады Ленинграда», посвященный боевым действиям войск Ленинградского и Волховского фронтов 12–18 января 1943 года и включает около 60 памятников и памятных мест боев 1941–1944 годов, в том числе «Невский пятачок», Синявинские высоты, д. Марьино и др.

«Дорога жизни» — музей в пос. Осиновец Всеволожского района Ленинградской обл. на западном берегу Ладожского озера. Открыт в 1972 году. Экспозиция посвящена истории единственной трассы, связавшей в сентябре 1941 — марте 1943 года блокированный Ленинград со страной, подвигу моряков Ладожской военной флотилии и Северо-Западного речного пароходства, водителям ледовой военно-автомобильной дороги. На открытой площадке установлены виды использованного транспорта, в том числе грузовик ГАЗ-АА, поднятый в 1947 году со дна озера.

Музей героев-панфиловцев в д. Нелидово Волоколамского района Московской обл. Основан в 50-х годах. В 1975 году у разъезда Дубосеково, где приняли бой 28 панфиловцев, установлен монументальный мемориальный ансамбль «Подвигу 28». В фондах музея более тысячи единиц хранения — это книги с автографами, рукописи, фотографии, красно-

армейские газеты 1941–1942 годов, ордена, медали, произведения живописи.

Военно-исторический музей Курской битвы в г. Курске. Открыт в 1963 году и включен в музейную систему Министерства обороны. В его фондах около 10 тысяч единиц хранения — образцы советского и немецкого вооружения, обмундирование, фотоматериалы.

«Сталинградская битва» — музей-панорама в г. Волгограде. Создан в 1978 году и включает панораму «Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом» и музей «Сталинградская битва», расположен на историческом месте, связанном с событиями знаменательной битвы и включает в себя мемориальные памятники («Руины мельницы», «Стенку Родимцева», «Дом Павлова»), которые образуют заповедную зону.

«Прохоровское поле» — военно-исторический музей-заповедник на месте танкового сражения около д. Прохоровки 12 июля 1943 года. Создан в 1972 году, обновлен в 1995-м. Представляет собой комплекс: звонница на месте сражения, храм Святых Петра и Павла, гостиница, административное здание.

«Смоленщина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945» — музей в г. Смоленске. Открыт в 1973 году. Экспозиция отражает героические страницы истории Смоленского сражения, оккупации Смоленской обл. немецко-фашистскими войсками, борьбы смоленских партизан и подпольщиков, освобождения области советскими войсками.

«Партизанская поляна» — музей истории партизанского движения на Брянщине, музейно-мемориальный комплекс на территории Брянской области. Создан в 1977 году, включает 3 партизанских землянки. В экспозиции — фотографии, документы, личные вещи партизан, диорама «Взрыв Голубого моста».

Наши авторы

Абросимова Наталья Викторовна — директор большемурашкинской центральной библиотечной сети.

Адрианов Юрий Андреевич — писатель, краевед, член Союза писателей России. Почетный гражданин Нижегородской области. Заслуженный работник культуры РФ.

Белогова Валерия Юрьевна — к.ф.н., член Союза журналистов России.

Бреде Сергей Валерьевич — директор Сокольнического краеведческого музея.

Брилкина Тамара Григорьевна — к.х.н., доцент химического факультета ННГУ им. Н.И.Лобачевского.

Григорьева Ольга Юрьевна — заведующая сектором редкой книги Нижегородской центральной библиотеки им. В.И. Ленина, заслуженный работник культуры РСФСР.

Гуляева Ольга Константиновна — заведующая Музеем нижегородской интеллигенции (филиал НГИАМЗ).

Егорькова Ирина Александровна — главный специалист по историческому краеведению ГОУ Центра детского и юношеского туризма и экскурсий Нижегородской области.

Елагина Татьяна Георгиевна — заведующая библиотекой Сормовского механического техникума, руководитель музея.

Ефимкин Андрей Петрович — к.э.н., доцент финансового факультета ННГУ им. Н.И.Лобачевского.

Зерчанинов Лев Михайлович — Заслуженный работник культуры Российской Федерации (директор НГИАМЗ 1966—1990 годы).

Илескин Геннадий Андреевич — научный сотрудник музея истории завода «Красное Сормово», член Союза журналистов России.

Карпова Мария Семеновна — хранитель фондов Семеновского историко-художественного музея.

Кессель Альбертина Васильевна — действительный член общества Нижегородский краевед.

Клыгина Роза Яковлевна — заслуженный работник культуры РФ.

Ковалева Тамара Ивановна — директор музея ННГУ им. Н.И. Лобачевского, председатель правления Региональной общественной организации «Нижегородский центр поддержки и развития музеев».

Колесникова Наталья Витальевна — директор музея истории ОАО «ГАЗ».

Крайнов-Рытов Леонид Леонидович — нижегородский коллекционер-исследователь.

Корина Ирина Сергеевна — директор Краснобаковского краеведческого музея.

Кузнецов Петр Алексеевич — директор Павловского народного краеведческого музея в 1966—1976 гг.

Кузнецова Наталья Анатольевна — директор Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки им. В.И. Ленина, заслуженный работник культуры РФ.

Курепина Наталья Юрьевна — архитектор, член правления Нижегородского отделения общества блокадников, член Союза журналистов России.

Лежнина Фаина Васильевна — редактор газеты «Знамя Победы», п. Шаранга.

Любимов Дмитрий Валерьевич — экскурсовод музея ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Мацейко Елена Владимировна — обозреватель газеты «Голос ветерана», член Союза журналистов России.

Новожилова Л. — корреспондент газеты «Приильменная правда».

Попова Лидия Николаевна — заместитель директора мемориального комплекса В.П. Чкалова по научной части (г. Чкаловск).

Рассказова Ирина Викторовна — организатор и руководитель музея политбойцов средней школы № 117 г. Н. Новгорода.

Рязанова Наталья Валерьевна — к.и.н., старший преподаватель УНЦ «Музеология» исторического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Сейм Елена Станиславовна — студентка 4 курса исторического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, специальность «Музеология».

Соборнов Павел Евгеньевич — заведующий сектором современной истории отдела истории НГИАМЗ.

Тамбовцева Анна Владимировна — педагог-организатор ДДТ им. В.П. Чкалова.

Ушаков Святослав Михайлович — актер Нижегородского академического театра драмы им. М. Горького, заслуженный артист РФ, член Союза театральных деятелей РФ (ВТО), действительный член общества «Нижегородский краевед».

Фарафонова Ирина Германовна — заместитель директора Сормовского механического техникума по учебно-воспитательной работе.

Шавенков Павел Валерьевич — заведующий сектором отдела истории НГИАМЗ.

Шиян Людмила Ивановна — ведущий библиограф отдела краеведческой литературы Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки им. В.И. Ленина, действительный член общества «Нижегородский краевед».

Коллажи обложки (стр. 1–4) и цветных вкладок (стр. 1–4) выполнил Семенов П.А. по материалам номера. Стр. 2 обложки — использован плакат И.М. Тоидзе «Родина-мать зовет!». Стр. 4 обложки — использована фотография С. Дресвянникова («Георгий Победоносец». Автор Т.Г. Холуева)



160-и ОТДЕЛЬНЫЙ МОТОРИЗОВАННЫЙ ПЛОНТОННО-МОСТОВОЙ БАТАЛОН
35-я МЕХАНИЗИРОВАННАЯ СЛОНИМСКО-ПОМЕРАНСКАЯ БРИГАДА
8-и ГВАРДЕЙСКИЙ ТАНКОВЫЙ КОРПУС 3-я БРИГАДА РЕЧНЫХ КОРАБЛЕЙ
81-я ТАНКОВАЯ ФАСТОВСКАЯ БРИГАДА 160-я ТАНКОВАЯ БРИГАДА
186-я ТАНКОВАЯ БРИГАДА
42-я ГВАРДЕЙСКАЯ СТРЕЛКОВАЯ ПРИМУЦКАЯ ДИВИЗИЯ
145-я СТРЕЛКОВАЯ ВИТЕБСКАЯ ДИВИЗИЯ
274-я СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ
45-и ПРОЖЕКТОРНЫЙ ПОЛК
28-я СТРЕЛКОВАЯ БРИГАДА
26-я СТРЕЛКОВАЯ БРИГАДА
93-я МИРГОРОДСКАЯ СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ
201-я ТАНКОВАЯ БРИГАДА
196-я ОТДЕЛЬНАЯ ТАНКОВАЯ БРИГАДА
1-я БРИГАДА РЕЧНЫХ КОРАБЛЕЙ 31-я ОТДЕЛЬНАЯ НЕВЕЛЬСКАЯ СТРЕЛКОВАЯ БРИГАДА
48-и ИНЖЕНЕРНО-ТАНКОВЫЙ БОРИСОВСКИЙ ПОЛК 24-я ТАНКОВАЯ БРИГАДА
238-я СТРЕЛКОВАЯ КАРАЧЕВСКАЯ ДИВИЗИЯ 137-я СТРЕЛКОВАЯ БОБРУИСКАЯ ДИВИЗИЯ
УПРАВЛЕНИЕ 3-и УДАРНОЙ АРМИИ 31-и ОТДЕЛЬНЫЙ ОСОБЫЙ ГОРЬКОВСКО-ВАРШАВСКИЙ ДИВИЗИОН
СНЕПОВЕДОВ 106-я ОТДЕЛЬНАЯ СТРЕЛКОВАЯ БРИГАДА 1291-и ЗЕНИТНО-АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ ПОЛК
279-я СТРЕЛКОВАЯ УСИЧАНСКАЯ ДИВИЗИЯ 322-я СТРЕЛКОВАЯ ЖИТОМИРСКАЯ ДИВИЗИЯ
35-я ГВАРДЕЙСКАЯ СТРЕЛКОВАЯ РИЖСКАЯ ДИВИЗИЯ 334-я СТРЕЛКОВАЯ ВИТЕБСКАЯ ДИВИЗИЯ
120-я ОТДЕЛЬНАЯ ТАНКОВАЯ ОРШАНСКАЯ БРИГАДА 43-я ГВАРДЕЙСКАЯ СТРЕЛКОВАЯ ЛАТЫШСКАЯ РИЖСКАЯ ДИВИЗИЯ
89-я ГВАРДЕЙСКАЯ СТРЕЛКОВАЯ БЕЛГОРОДСКО-ХАРЬКОВСКАЯ ДИВИЗИЯ
29-я ГВАРДЕЙСКАЯ ТЯЖЕЛАЯ ТАНКОВАЯ ИДРИЦКАЯ БРИГАДА 58-я ГВАРДЕЙСКАЯ ТАНКОВАЯ ПРАЖСКАЯ БРИГАДА
71-я СТРЕЛКОВАЯ БОРИСОВСКАЯ ДИВИЗИЯ 66-я ЛЕГКО-ПУШЕЧНАЯ АРТИЛЛЕРИЙСКАЯ БРИГАДА ПГК
72-и ИСТРЕБИТЕЛЬНЫЙ АВИАЦИОННЫЙ КАСТОРНЕНСКИЙ ПОЛК
17-я СТРЕЛКОВАЯ ПОВЗНАНСКАЯ ДИВИЗИЯ 16-я ЛИТОВСКАЯ СТРЕЛКОВАЯ КЛАИПЕДСКАЯ ДИВИЗИЯ
15-я ГВАРДЕЙСКАЯ СТРЕЛКОВАЯ ХАРЬКОВСКО-ПРАЖСКАЯ ДИВИЗИЯ 1244-и САМОХОДНО-АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ ПЕРЕМЫШЛЬСКИЙ ПОЛК
39-я ОТДЕЛЬНАЯ ГВАРДЕЙСКАЯ ТАНКОВАЯ ВИТЕБСКАЯ БРИГАДА
21-я ОТДЕЛЬНАЯ ИСТРЕБИТЕЛЬНО-ПРОТИВОТАНКОВАЯ АРТИЛЛЕРИЙСКАЯ СИМФЕРОПОЛЬСКАЯ БРИГАДА ПГК
9-и ГВАРДЕЙСКИЙ МЕХАНИЗИРОВАННЫЙ ДНЕСТРОВСКО-РЫМНИКОВСКИЙ КОРПУС 18-я ГВАРДЕЙСКАЯ МЕХАНИЗИРОВАННАЯ ДНЕСТРОВСКО-ХИМАНСКАЯ БРИГАДА
70-я ГВАРДЕЙСКАЯ САМОХОДНО-АРТИЛЛЕРИЙСКАЯ НЕВЕЛЬСКО-БЕРЛИНСКАЯ БРИГАДА
25-я ТАНКОВАЯ КИРОВОГРАДСКАЯ БРИГАДА
35-я ГВАРДЕЙСКАЯ МЕХАНИЗИРОВАННАЯ КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСКАЯ БРИГАДА 7-я ОТДЕЛЬНАЯ ГВАРДЕЙСКАЯ ИСТРЕБИТЕЛЬНО-ПРОТИВОТАНКОВАЯ АРТИЛЛЕРИЙСКАЯ ТЕРНОПОЛЬСКАЯ БРИГАДА

